

Александра Маринина
Тот, кто знает
Серия «Преступления правильной жизни», книга 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=148380
Тот, кто знает: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 5-699-03888-4 978-5-699-03888-6*

Аннотация

В причудливый узор сплетаются судьбы кинорежиссера Натальи Вороновой, следователя Игоря Мащенко и сибирского журналиста Руслана Нильского. Коренная москвичка Наталья живет в коммунальной квартире и опекает всех, кто нуждается в ее помощи – от пожилой одинокой соседки до рано осиротевшей девочки. Выросший в благополучной состоятельной семье Игорь становится следователем и волею случая соприкасается с загадочным убийством старшего брата Руслана Нильского. Руслан же посвящает свою жизнь тому, чтобы разобраться в тайне гибели брата и узнать правду о его смерти. Любовь, ненависть, случайные встречи, взаимные подозрения и искренние симпатии связывают этих людей. И только открывшаяся в конце концов истина расставляет все на свои места.

Содержание

Часть 1	5
Часть 2	55
Часть 3	114
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Александра Маринина

Тот, кто знает

«Господи, за что ты меня наказал? За что, за какие грехи заставил пережить такое? Разве я была плохой? Я всю жизнь трудилась, работала, училась, делала все честно и в полную силу. Я ни минуты не сидела без дела, я заботилась не только о своих родителях, муже и сыновьях, я заботилась и о Бэллочке, и об Иринке, даже не представляю, как у меня хватило сил и времени на всех, но ведь хватило же! Господи, ты дал мне силы на все это, значит, ты тоже считал, что я поступаю правильно. Так в чем же я провинилась? Неужели это расплата за ТО? Но ведь тогда никто не умер, тогда речь не шла о смерти человека. Неужели ты действительно считаешь, что я совершила страшный грех, за который должна расплатиться?»

Часть 1

Наталья, 1965–1972 гг.

Ворвавшись в квартиру, десятилетняя Наташа моментально сорвала с себя пальтишко, скинула ботинки и пулей пролетела по длинному коридору, минуя дверь в комнату, где жила ее семья, и держа путь напрямиком на кухню. Девочка была голодна, и в этот момент ее больше всего на свете интересовала записка с указаниями по части обеда, которую, как водится, должна была оставить мама на кухонном столе. Записка действительно лежала на видном месте, и Наташа впилась в нее глазами. «Суп в синей кастрюльке за дверью, макароны в миске на окне». Дверь, за которой пряталась кастрюля с супом, вела из кухни на черную лестницу. Раньше, до революции еще, по черной лестнице приходила кухарка и готовила еду для всех обитателей этой большой барской квартиры, теперь же черным ходом никто не пользовался, и прохладное даже летом место с успехом заменяло жильцам холодильник. Настоящий холодильник в их квартире был только у Брагиных, и стоял он не в общей кухне, а у них в комнате. Сам Брагин работал кем-то очень важным, получал большую зарплату, и у них всегда появлялись разные полезные и удивительные вещи – проигрыватель, телевизор, магнитофон, вот и холодильник тоже. Правда, они не были жадными и всегда разрешали положить в свою сверкающую белизной сокровищницу что-нибудь особо ценное на хранение, рыбу там или вырезку. А когда по телевизору «Огонек» шел, так даже сами приглашали соседей. Иногда.

С усилием откинув туго входивший в петлю тяжелый крюк, Наташа открыла дверь, достала кастрюлю с супом, поставила на огонь. Отперев дверь комнаты, бросила на стул портфельчик и быстро переоделась в домашнее платье, аккуратно повесив форму на плечики. «Космонавты Павел Беляев и Алексей Леонов... – торжественно вещал голос диктора из постоянно включенного репродуктора. – Двадцать минут провел советский космонавт в открытом космосе...» Вот это да! Наши опять полетели в космос! Надо всем сказать, пусть тоже порадуются! Хотя кому сказать? В этот час в квартире и нет никого, все на работе. Но радость и гордость переполняли маленькое Наташино сердечко, и ей просто необходимо было поделиться такой ошеломляющей новостью. Прихватив с собой стоявшую на подоконнике алюминиевую миску с отваренными еще утром макаронами и масленку, она направилась к телефону, висящему на стене в коридоре.

– Добавочный пятнадцать тридцать шесть, пожалуйста, – вежливо произнесла она, услышав голос телефонистки на коммутаторе.

Через полминуты в трубке раздался голос матери.

– Мам, ты не представляешь, что случилось! – захлебываясь восторгом, заверещала Наташа. – Наши опять в космос полетели!

– Да, я слышала, – спокойно ответила мама.

– Нет, ты, наверное, не все слышала, – не унималась девочка. – Леонов двадцать минут пробыл в открытом космосе! Ты представляешь? Правда же, здорово? Я как по радио услышала...

– Доченька, у нас тут тоже есть радио, и мы все знаем. – Голос матери звучал устало и немного недовольно. – Ты давно пришла из школы?

– Только что.

– Почему так поздно? У тебя четыре урока сегодня, в котором часу ты должна была вернуться?

– В половине первого, – уныло произнесла Наташа.

– А сейчас сколько? – продолжала строгий допрос мама.

– Не знаю, я не посмотрела.

– Сейчас двадцать минут четвертого. Где ты была?

Пришлось признаваться:

– Мы с девочками в кино ходили. На «Ко мне, Мухтар!».

– Но ты уже его смотрела! Вы с папой ходили на этот фильм две недели назад.

– Ну и что! Он мне так нравится...

– А деньги где взяла? Опять в школе не поела? Наташа, я даю тебе каждый день деньги, чтобы ты на большой перемене покушала в буфете, а ты что вытворяешь?

– Ну мам...

– Вечером отец с тобой разберется, – сухо пообещала мама и бросила трубку.

Ну вот, так всегда. Хочешь как лучше, хочешь людям радость доставить, хорошей новостью поделиться, а они ругаются. И почему эти взрослые не понимают, что можно один и тот же фильм бесконечное количество раз смотреть? Девочка медленно побрела на кухню, только что сжигавшая ее радость мгновенно потухла.

Суп уже кипел всюду и даже норовил выплеснуться на плиту. Скучно выхлебав из глубокой тарелки рассольник (а суп оказался именно рассольником), Наташа машинально сжевала разогретые на сливочном масле и посыпанные сверху сахарным песком макароны, забыв, что еще десять минут назад была зверски голодна, и не получая от еды никакого удовольствия. Впрочем, плохое настроение не задерживалось у нее подолгу, и, уже заканчивая мыть посуду, девочка предвкушала радость от того, как будет сообщать потрясающую новость всем жильцам квартиры по мере их появления. Красавице Ниночке, которая слушает по радио только музыку, а на новости внимания не обращает и узнает обо всем от соседей. Ее матери, Полине Михайловне. Полина Михайловна работает уборщицей, ей не до радио. Дяде Славе Брагину. Он, конечно, ответственный работник, у него в кабинете радио наверняка есть, но у него же такая важная и сложная работа, когда ему новости-то слушать! Бэлле Львовне... Хотя нет, Бэлла Львовна всегда все узнает первая, один бог ведает, как у нее это получается. Зато ее сын Марик – вот уж кто с интересом выслушает удивительную новость. Марик студент, а во время занятий в институте студенты радио не слушают. Может быть, и Наташина старшая сестра Люся порадуетя новому успеху советской космонавтики, правда, приходит она поздно, частенько уже тогда, когда Наташа спит. Люсе двадцать семь лет, она на семнадцать лет старше Наташи, и у нее есть жених, с которым она проводит все свободное время, потому и возвращается домой так поздно. Зато Марик приходит рано, сразу же после занятий, нигде не задерживается, разве что в библиотеке, но это бывает редко. И не потому, что он плохой студент и не старается, нет, вовсе не поэтому. Просто его мама Бэлла Львовна сама работает в библиотеке и приносит домой любые книжки, какие только сыну понадобятся. И вообще, Марик – самый лучший!

К этому приятному выводу Наташа приходила регулярно, о чем бы ни размышляла. Ну разве она виновата, что мысли сами текут, выбирая направление, неизбежно приводящее к одному и тому же умозаключению!

Покончив с обедом, она села за уроки, решив победу родной страны в космосе отметить ударным трудом за учебниками. Сегодня уже восемнадцатое марта, через пять дней начнутся весенние каникулы, что само по себе, конечно, просто отлично, но в последний перед каникулами день в дневниках будут выставлять оценки за четверть, и это событие может принести некоторые огорчения. Да что там может, наверняка принесет. По физкультуре, труду и рисованию будут пятерки, в этом можно не сомневаться, руки у Наташи золотые, это все говорят, даже Марик (ох, опять Марик), и бегают она быстрее всех девчонок в классе, и прыгает выше, и по канату взбирается ловко, как обезьянка, зато с французским языком у нее определенно не все благополучно, а уж с русским – вообще беда. И не потому, что она неграмотная, а потому что пишет грязно, с помарками, исправлениями. Она и по

арифметике могла бы хорошие отметки получать, если бы не вечная грязь в тетрадках и бесконечные зачеркивания. Но что же она может сделать, если перьевые ручки так плохо ее слушаются и из них все время капая чернила! Вот если бы им разрешили писать такими ручками, какими пишет дядя Слава Брагин, шариковыми, то и грязи бы никакой не было. Правда, исправления все равно были бы, потому что Наташа Казанцева «девочка умная, развитая, но очень рассеянная», так говорит их учительница на родительских собраниях. Рассеянная, пишет упражнения по русскому или решает примеры по арифметике, а сама о чем-то постороннем думает, поэтому делает глупые ошибки, которые сама же замечает и исправляет. А бывает, что и не замечает. Ну и ладно, зато по пению тоже будет пятерка, слух у Наташи отменный и голосок звонкий. Итого выходит, что в четверти набегают четыре пятерки, четверки по французскому и по чтению и тройки по письму и арифметике. Да уж, с таким табелем нечего надеяться на необыкновенные приключения во время каникул. Ни зоопарка, ни театра, ни кино по два раза в день. Но если в оставшиеся пять дней собрать волю в кулак и постараться как следует, то, может быть, еще можно выкарабкаться. Вот отец всегда ругает ее за то, что она уроки делает без черновиков, сразу набело пишет в ту тетрадку, которую потом на проверку учительнице придется сдавать.

– Ты сделай задание на черновике, покажи кому-нибудь из взрослых, они проверят, исправят ошибки, а тебе потом останется только аккуратненько набело переписать, – поучал он.

Но тратить время на черновики ей не хотелось. Скорей бы отделаться от уроков – и бегом на улицу, в кино, с подружками гулять. Вот и тройки в таблице. А что, если все-таки попробовать сделать так, как отец советует? Наташа достала чистую тетрадку в клеточку за 2 копейки и на обложке крупно вывела: «Черновик».

Она решила уже все примеры в новой тетрадке, разведя на чистеньких страницах невероятную грязь, когда хлопнула входная дверь и послышались шаги Марика – тихие, словно неуверенные, и одновременно почему-то тяжелые. Такая у Марика походка. Наташа вскочила, как пружинной подброшенная, и вылетела ему навстречу.

– Марик, ты слышал? Наши в космос полетели!

– Да что ты говоришь?! Не может быть! Ты сама слышала?

– Сама, по радио передавали, два человека полетели, Беляев и Леонов, Леонов даже в открытый космос вышел и двадцать минут там пробыл! – захлебывалась Наташа.

– Вот это новость так новость! Ну-ка расскажи мне все подробно. Давай пойдем к нам, и ты все мне расскажешь.

«Господи, какой же он красивый», – думала Наташа, сидя за круглым столом напротив Марика и добросовестно пересказывая все, что слышала по радио. Густые черные брови, крупный нос, выпуклые блестящие темные глаза, яркие губы, волнистые волосы – все это вместе составляло для десятилетней девочки эталон мужской красоты, превзойти который не дано было никому. Ну ясно же, Марик – самый лучший. Когда ей было пять лет, она влюбилась в итальянского певца Робертино Лоретти, его фотокарточка в рамочке и под стеклом висела на стене над Наташиной кроватью, все кругом слушали мелодичные песенки, исполняемые звучным дискантом, и красивый талантливый мальчик из далекой солнечной страны на протяжении трех лет был властелином ее детских грез. А потом она пошла в первый класс, и так получилось, что папа был в командировке, а у мамы с утра поднялась температура, целых тридцать девять и шесть, и отвести ее в школу оказалось некому, кроме Марика. И в первый же день новая подружка – соседка по парте Инка Левина – с интересом спросила:

– Это кто был, твой брат?

– Нет, это Марик, мы в одной квартире живем, – спокойно пояснила Наташа. – А что?

– Ничего. Красивый какой! – мечтательно вздохнула Инка.

Наташа сперва даже удивилась, а потом повнимательнее пригляделась к Марику и поняла, что да, действительно красивый. Портрет Робертино Лоретти был безжалостно изгнан с почетного места на стене, а все мысли Наташи Казанцевой, вокруг какого бы предмета ни вились, в конце концов сводились к одному: Марик – самый лучший. Марик с тех пор дважды проваливался на экзаменах в институт, сама Наташа училась уже в третьем классе, но кумир все еще не померк.

Пересказав во всех деталях, как она пришла из школы, как зашла в комнату и услышала сообщение по радио, Наташа спохватилась, что Марик же, наверное, голодный, с утра ничего не ел, а она его тут баснями кормит.

– Давай я тебя покормлю, – предложила она. – Ты только скажи, что разогреть, и иди мой руки, а я все приготовлю.

Марик и не думал удивляться, он давно привык к тому, что маленькая соседка заботится о нем, как взрослая. Девчушка ловкая и сноровистая, всем помогает, не только своей матери, всем готова услужить и ни разу – ни разу! – ни одной чашки или тарелки не разбила. Не зря же все до единого жильцы четырехкомнатной коммунальной квартиры в большом доме по Решикову переулку, что рядом со станцией метро «Смоленская», сходились во мнении: у Наташи Казанцевой руки золотые.

* * *

За пять дней внести существенные коррективы в оценки за четверть, конечно, не удалось, и дома разгорелся очередной скандал. Сначала попало самой Наташе, потом родители принялись ссориться между собой.

– Я с самого начала была против, чтобы она училась в этой поленовской школе! – кричала мама. – Кому он нужен, этот французский язык? Его на хлеб не намажешь и в карман не положишь, а ребенок только зря силы тратит на него и по основным предметам не успевает. Пусть этот год доучится, и переведем ее в гоголевскую.

– Гоголевская дальше от дома, а поленовская – вот она, за углом. Я не допущу, чтобы ребенок один ходил так далеко, – возражал отец.

– Да твой ребенок и так шляется целый день по Арбату, вместо того чтобы уроки учить!

– Значит, дело не во французском языке, а в том, что она не занимается!

– А ты меня не поддавливай!

– А ты...

Такой скандал разгорался на Наташиной памяти уже в третий или в четвертый раз, иными словами – по поводу каждого табеля, в котором мелькали тройки. Школа имени Поленова, в которой она училась, специализировалась на углубленном изучении французского языка, и выпускники даже получали диплом гида-переводчика по музею-усадьбе «Поленово». Находилась школа в Спасопесковском переулке, свернешь с Решикова переулка направо – и вот оно, школьное здание. Школа же имени Гоголя, в которую мать все мечтала перевести Наташу, была самой обыкновенной, без всяких там углубленных преподаваний, и находилась в глубине Староконюшенного переулка, чтобы до нее дойти, нужно было пять раз переходить дорогу. Учиться в другой школе Наташе не хотелось, ведь это означало бы не только раньше вставать и раньше выходить из дому, но и расстаться с подружками, поэтому каждый раз, когда родители начинали выяснять, кто из них прав и где их дочери лучше учиться, клятвенно давала себе слово не быть такой рассеянной, делать уроки тщательно и с черновиками и больше троек в табеле не допускать. Но проходили каникулы, и благой порыв успевал остыть еще до первого звонка на первый урок.

Наташе стало скучно, она незаметно выскользнула из комнаты и постучалась к соседке Бэлле Львовне.

– Бэлла Львовна, можно к вам на телевизор?

Бэлла Львовна и ее сын Марик были вторыми в их квартире счастливыми обладателями телевизора, правда, в их комнате стоял не роскошный комбайн «Беларусь-5», соединяющий в себе телевизор, проигрыватель и радиоприемник, как у Брагиных, а «КВН» с крохотным экранчиком и огромной линзой, но зато для того, чтобы посмотреть кинофильм или концерт у Брагиных, нужно было дожидаться приглашения хозяев, а к Бэлле Львовне Наташа заходила запросто.

По телевизору показывали концерт, пел Магомаев, который, по мнению Наташи, был, конечно, не такой красивый, как Марик, но тоже очень ничего. Темноволосый, темноглазый. Она милостиво отдавала ему второе место в СССР по красоте. После него выступала Эдита Пьеха, потом Иосиф Кобзон. Наташе казалось, что Бэлла Львовна слышит доносящиеся из-за стены раздраженные голоса родителей, девочка испытывала неловкость и попросила разрешения прибавить звук.

– Можно, я погромче сделаю? – робко попросила она. – Песня очень хорошая.

И опять во дворе
Все пластинка поет
И проститься с тобой
Нам никак не дает.
Ла-ла-ла... –

громыхнуло в комнате. Бэлла Львовна поморщилась, подошла к тумбочке, на которой стоял телевизор, повернула ручку громкости, убавив звук до разумных пределов.

– Тебе что, так нравится эта песня? – скептически осведомилась она. – Или тебе не нравится, что твои родители ссорятся?

– А чего, песня хорошая, – пробормотала Наташа, правда, не очень уверенно. Она почувствовала, что щеки запылали.

– Ну-ну. А что у тебя в табеле за четверть?

Наташу всегда поражала эта способность соседки все помнить и ничего не упускать из виду. Даже мама с папой не всегда помнили, когда у нее начинаются каникулы и когда положено предъявлять табель с оценками, а Бэлла Львовна всегда знала, когда каникулы, когда у кого из соседей день рождения, годовщина свадьбы или какая другая памятная дата, и даже кто в данный конкретный день в какую смену работает. Ниночка, например, работала телефонисткой в воинской части, работа трехсменная, и часто бывало, что она договаривалась по телефону куда-то пойти, а потом, не кладя трубку, громко кричала:

– Бэлла Львовна, на следующей неделе в среду я в какую смену работаю?

Собственно, Ниночка и сама могла бы подсчитать, но для этого ей пришлось бы сильно напрягаться, при этом с риском допустить ошибку, или вести специальный календарик, а Бэлла Львовна делала это быстро и в уме и уже через пару секунд отвечала:

– На следующей неделе в среду тебе в ночь выходить.

Вот и сейчас неловкие ухищрения Наташи скрыть ссору, происходящую у нее дома, ни к чему не привели, Бэлла Львовна все равно помнит, что сегодня – конец четверти, и понимает, что крик поднялся именно из-за оценок в Наташином табеле.

– Так что тебе выставили за четверть? – терпеливо повторила соседка.

– Там все хорошо, только две тройки.

– Только две тройки! – Бэлла Львовна трагически всплеснула руками. – Нет, вы послушайте это невинное дитя! Две тройки! Откуда они взялись, золотая моя? У тебя не должно быть троек вообще, ты понимаешь? У тебя даже четверок не должно быть. Ты должна

быть круглой отличницей. Как мой Марик. Вот с кого ты должна брать пример. Тебе нужно учиться на одни пятерки.

– Зачем? – недоумевающе спросила Наташа.

Ну ладно, учиться без троек – это еще можно понять. Получать в школе только «хорошо» и «отлично» – это почетно и похвально, за это даже грамоты дают. Но одни пятерки? Нет, это уж слишком. Да и для чего так напрягаться? Вон Марик учился-учился на одни свои хваленые пятерки, а в институт два раза проваливался. Правда, в третий раз все-таки поступил, но уже в другой институт, не в тот, в котором хотел учиться.

– Что – зачем?

– Зачем получать одни пятерки? Вот Марик же не поступил со своими пятерками в институт, даже два раза, – простодушно заявила Наташа.

Бэлла Львовна вдруг сделалась серьезной и зачем-то выключила телевизор.

– Послушай меня, золотая моя, – сказала она негромко, садясь рядом с Наташей на диван, – я скажу тебе одну очень важную вещь, может быть, я скажу ее тебе слишком рано, но лучше раньше, чем опоздать. Ты – девочка, и для тебя существуют другие правила. То общество, в котором мы живем, как нельзя лучше подходит для мальчиков, мальчики могут добиться всего, чего захотят, не прилагая к этому особых усилий. Мальчикам открыта дорога всюду, они могут учиться в школе на одни тройки и потом стать крупными руководителями. А девочки так не могут.

– Почему? – расширив глаза от удивления, спросила Наташа шепотом. Она боялась повысить голос, ей казалось, что соседка раскрывает перед ней страшную тайну.

– Потому что мальчики нужны на любом месте, на любой работе, а девочки нужны только для того, чтобы рожать детей и готовить обеды для мальчиков. И еще девочки нужны на таких работах, которыми не хотят заниматься мальчики, то есть на самых неинтересных, грязных и тяжелых, за которые мало платят. И если девочка не хочет заниматься скучной и грязной работой, если она хочет чего-то добиться в жизни, ей приходится доказывать, что она лучше мальчиков, которые хотят занять это место. А это означает, что она должна очень хорошо учиться, быть дисциплинированной, активной и заниматься общественной работой. Вот ты сейчас октябренок, а тебя хоть раз назначали старшей в твоей октябратской звездочке?

– Ни разу.

– Вот видишь. Это потому, что ты не активная, ты не пользуешься уважением товарищей. В пятом классе тебя будут принимать в пионеры, и ты должна будешь постараться, чтобы тебя выбрали хотя бы звеньевой, а потом и председателем совета отряда. К восьмому классу ты должна стать председателем совета дружины, тебя примут в комсомол, ты сразу станешь комсоргом класса, тебя заметят в райкоме комсомола, ты проявишь там себя с самой лучшей стороны, и это очень поможет тебе поступить в тот институт, в какой ты сама захочешь, а не в тот, в который сможешь поступить. И только в том случае, если ты получишь образование, о котором мечтаешь, ты сможешь заниматься делом, которое тебе интересно. А занимаясь делом, которое тебе интересно, которое ты будешь любить, ты сможешь достичь настоящих высот в карьере. Только так, и никак иначе. Ни один человек не может сделать блестящую карьеру, если занимается тем, что ему не по душе. Так что все твое будущее закладывается сегодня, и уже сегодня ты обязана начинать трудиться над своей жизнью, не откладывая на потом. Я не очень сложно тебе объясняю? Ты меня поняла?

– Я поняла, Бэлла Львовна. Только я не поняла, а как же Марик? Он же мальчик. И учился на пятерки. Почему же он провалился на экзаменах?

– Золотая моя, кто тебе сказал, что Марик провалился? – грустно усмехнулась соседка.

– Но он же не поступил!

– Это не одно и то же. Он все экзамены сдал на «отлично». Но его не приняли. Без всяких объяснений.

– Но почему?! Так же не бывает!

– Бывает, золотая моя. Марик – еврей. И учиться он хотел в физико-техническом институте. А туда не хотят принимать евреев. Поэтому Марик был вынужден поступать в педагогический институт, куда его с удовольствием приняли. Видишь ли, золотая моя, существуют отдельные правила для мальчиков, для девочек и для евреев. Тебе не обязательно понимать это, ты просто поверь мне, что это так, и запомни как следует. Запомнишь?

– Запомню, – послушно кивнула Наташа.

– И выводы сделаешь?

– Сделаю, – твердо пообещала девочка.

– Ну и славно. Теперь включай телевизор, давай концерт досмотрим.

Конечно, из слов Бэллы Львовны Наташа поняла далеко не все. Например, почему Марика не приняли в физтех, а в педагогический приняли. О том, что существуют евреи, а также люди, которые их не любят, девочка знала очень хорошо, хотя говорить вслух об этом было не принято. Но все равно, почему в одном институте их любят меньше, а в другом – больше, оставалось непонятным. И про то, что мальчикам все дороги открыты, а девочкам – не все, тоже непонятно, хотя если вдуматься, то ведь и в самом деле, все важные начальники – мужчины. Вот дядя Слава Брагин, к примеру, крупный начальник какого-то треста, а его жена тетя Рита – обыкновенный парикмахер. Или даже ее собственный папа, он начальник какого-то отдела, а мама – лаборантка, печатает на машинке и получает самую маленькую зарплату, всего 60 рублей. Выходит, Бэлла Львовна права, для мальчиков и девочек правила разные, но вот почему это так – понять невозможно.

Вообще Бэлла Львовна – удивительный человек. Она единственная разговаривает с Наташей как со взрослой, а не как с ребенком, нимало не заботясь о том, чтобы девочка ее понимала. А переспрашивать Наташа стесняется. Ведь что получится? Бэлла Львовна считает ее умной и взрослой, раз так с ней разговаривает, а если Наташа начнет переспрашивать и признаваться, что не понимает, Бэлла Львовна сразу увидит, что она еще глупый ребенок. Лучше кивать и делать умное лицо, а потом потихоньку переспросить у кого-нибудь, да вот хоть у Марика. Памятью Наташу природа не обидела, все, что ей говорят, запоминает дословно, поэтому переспросить всегда легко.

Концерт закончился, на экране телевизора появились знакомые плюшевые зверьки, рассказывающие детям на ночь сказку. Эту передачу Наташа уже давно не смотрит, это для самых маленьких, а ей десять лет.

– Бэлла Львовна, а Марик скоро придет? – с надеждой спросила она.

– Он придет поздно, он на дне рождения у товарища.

Бэлла Львовна разлила чай в красивые тонкие чашечки, достала из буфета и поставила на стол зеленую стеклянную вазочку с любимым Наташиным печеньем «курабье». Это печенье продавалось неподалеку на Арбате в магазине «Восточные сладости». На неконтролируемые карманные расходы родители денег почти не давали, выдавали в основном на целевые траты – на школьные завтраки, на кино, на мороженое, на тетрадки и карандаши, на проезд в транспорте. Наташа изо всех сил экономила, старалась лишнего не расходовать, где могла – ходила пешком, на большой перемене выпивала только стакан томатного сока за 10 копеек, но зато сколько радости получала она, пробивая в кассе чек и протягивая его продавщице со словами: «Будьте добры, сто граммов «курабье». Сто граммов «курабье»! Да от одних только слов можно было с ума сойти!

– Садись к столу, золотая моя, – ласково пригласила Бэлла Львовна, – давай чай пить. Чем ты собираешься заниматься во время каникул?

– Отдыхать. – Наташа беззаботно пожала плечами.

– От чего отдыхать? – Соседка, казалось, искренне удивилась.

– Ну как от чего? От учебы. Это же каникулы, их специально придумали, чтобы мы отдыхали.

– А ты что, так сильно устала от школы?

Наташа задумалась. Сильно ли она устала? Ну, не так чтобы очень... Просто надоело. Школа – это скучно, это рано вставать, а потом четыре или даже пять уроков сидеть и дрожать от страха, что тебя вызовут. От скуки и страха тоже можно устать, наверное.

– Вот что я тебе скажу, золотая моя, – продолжала Бэлла Львовна. – Ты допускаешь большую ошибку, теряя время на каникулах. Учиться надо всегда, каждый день, постоянно, только тогда от учебы будет толк.

– Так каникулы же! – упрямо возразила девочка. – Вот первого апреля снова пойду в школу и начну учиться. А пока буду целую неделю отдыхать.

– Это неправильно, – голос Бэллы Львовны стал строже, – расслабляться нельзя.

– Но нам же ничего не задали! Как я буду делать уроки, если их не задавали?

– А ты сама себе задай урок.

– Как это?

– Займись чистописанием, решай примеры по арифметике, учись писать без помарок. Да просто читай, наконец! Чтение – это тоже гимнастика для ума и для памяти. Вон посмотри, сколько интересных книжек написано для вас, для детей! Целая «Библиотека приключений», тебе папа специально покупает, а ты к ним даже не притрагиваешься.

Это правда, отец действительно то и дело приносит домой красивые новенькие книжки, синие, зеленые, красные, желтые, но тяги к чтению у Наташи нет, она гораздо больше любит ходить в кино. Была бы ее воля, она бы по пять – нет, по десять раз в день ходила в кино, пусть даже на один и тот же фильм.

В дверь заглянула мама.

– Бэллочка, моя у вас?

– Заходите, – приветливо пригласила Бэлла Львовна, – посидите с нами, мы тут с Наташей чай пьем.

– А ужинать? – Мама сердито посмотрела на Наташу. – Вот ты опять чаю напьешься и ужинать не будешь. Марш домой немедленно.

Наташа быстро сунула в рот еще одно замечательное печенье, слезла со стула и нехотя пошла к двери. Ей ужасно не хотелось уходить из этой чудесной синей комнаты.

* * *

Цвет в ее чувствах и мыслях присутствовал уже тогда, когда маленькая Наташа еще и слова такого не знала. Ей было чуть больше двух лет, когда она, отчаянно рыдая из-за игрушки, которую отобрала мама, потому что пора было укладываться в кроватку и засыпать, вдруг закричала:

– Ты... ты... ты... вот! – и схватилась крохотными пальчиками за темно-коричневую ножку стула.

Злая несправедливость была в ее младенческом сознании окрашена в темно-коричневый цвет, но выразить это она тогда еще, конечно, не могла. Со временем Наташа узнала названия цветов и научилась очень неплохо рисовать акварельными красками, но многие удивились бы, узнав, что для нее не только чувства, но даже обыкновенные цифры имеют свой цвет. Четыре – песочно-желтый, семь – серый, а девять, например, – зеленый. Свои цвета имели и комнаты соседей, причем цвета эти никак не связаны были с настоящими, реальными цветами мебели, обоев или покрывал на кроватях.

Комната Брагиных – светло-серая. На самом деле Брагины были единственными в их квартире обладателями не только холодильника, но и современного румынского мебельного гарнитура «Магнолия». Полированное дерево, сочетание коричневого и светло-желтого в полосочку, тонкие ножки стола, стульев, журнального столика и серванта, ярко-красная обивка низких круглых кресел – все это было модно и шикарно. А если еще прибавить к этому широкую тахту вместо привычных пружинных кроватей, торшер и телевизор с большим экраном, то обстановка получается совсем уж неземная. Космическая... У Марика на полке стоит несколько светло-серых томов «Библиотеки современной фантастики», Наташа как-то попросила почитать и ничего не поняла, все про космос. Одним словом, эта красно-желто-коричневая комната долгие годы оставалась в ее сознании светло-серой.

У Полины Михайловны с Ниночкой комната, наоборот, темно-зеленая с какими-то бурными разводами, хотя она такая светленькая, в два больших окна, и вся украшена белыми кружевными салфеточками. И буфет у них белый, Полина Михайловна каждые два года его красит, и тумбочки белые, и кровати покрыты кремовыми покрывалами, и на белоснежных подушках – светлые накидки. И ни пылинки, ни соринки. Но Наташу эта показная белизна обмануть не может, девочка все равно знает, что Полина Михайловна часто напивается, а соседей своих ненавидит не просто часто, а вообще каждый день. Брагиных – за новую мебель и модную одежду, Бэллу Львовну – за то, что у нее сын такой умный, в институте учится, Казанцевых, то есть Наташину семью, за то, что в ней есть муж и отец. Разумеется, сама Наташа ни за что не догадалась бы, в чем причина такой непреходящей неприязни, просто однажды она случайно подслушала разговор мамы и Бэллы Львовны, когда они обсуждали Полину. Но постоянную злобу соседки она чувствовала очень хорошо, оттого и комната ее окрашена в буро-зеленые оттенки.

У самих Казанцевых комната обыкновенная, не очень старомодная, без всяких там салфеточек и фарфоровых слоников, на стене висят эстампы, их Люся повесила. При помощи шкафа-гардероба и буфета комната разделена на две зоны, в одной, большой, стоят квадратный раздвижной стол, книжный шкаф и диван, на котором спят мама с папой, меньшая же часть принадлежит Наташе и ее старшей сестре. Туда втиснуты два узких диванчика и крошечный письменный столик. Таких маленьких столиков в магазинах не бывает, папа специально заказывал у знакомого столяра, по мерке, чтобы вместился. Днем за этим столиком Наташа делает уроки, а по вечерам Люся что-то пишет. Наташа догадывается, что сестра ведет дневник, но точно не знает. Комната ассоциируется отчего-то с красным цветом, хотя ни одного красного предмета в ней нет, если не считать книжных корешков.

А вот у Бэллы Львовны комната синяя. В ней стоит старинная мебель темного дерева, массивная, с завитушками, на окнах висят тяжелые бордовые портьеры с помпончиками (у всех остальных в квартире – тонкие легкие шторы светлых оттенков), на стенах – картины в золотистых рамках, рамки тоже все в завитушках, наверное, старинные. У Марика есть свой уголок, как и у Наташи с Люсей, но от остального пространства он отделен не мебелью, а красивой китайской раздвижной ширмой. Когда к Бэлле Львовне приходят гости, ширму убирают. Наташа всегда прибегает помогать соседке в такие дни, расставляет посуду, раскладывает серебряные приборы, носит из кухни приготовленные блюда, убирает грязные тарелки, поэтому она знает, что на диване Марика любит расслаиваться толстый добродушный дядя Моня, который курит папиросы одну за одной и показывает смешные фокусы с шариками. Дядя Моня – известный адвокат, он такой толстый, что, кроме него, на диване уже никто больше не помещается, поэтому спальное место Марика в шутку называют «адвокатским креслом». А ширму сначала убирают, а потом достают, когда приходит тетя Тамара. Тетя Тамара живет где-то очень далеко, в Подмосковье, чтобы добраться до дома Бэллы Львовны в Решиковом переулке рядом с Арбатом, ей приходится сначала долго идти пешком по бездорожью до электрички, потом ехать почти полтора часа, потом еще на метро от вок-

зала до «Смоленской». Она появляется в квартире в стоптанных мужских сапогах и старом пальто, держа в руках огромную сумку. Вот тогда и расставляют снова китайскую ширму, тетя Тамара скрывается за ней на несколько минут, а потом все изумленно ахают, когда она выплывает на свет божий в новом платье и в туфлях на шпильках. Тетя Тамара самая старая из гостей Бэллы Львовны, ей в прошлом году исполнилось шестьдесят, но у нее по-прежнему тонкая талия, которую так красиво подчеркивает изящное платье, и она с легкостью передвигается на высоченных тонких каблуках. Друзья Бэллы Львовны Наташу любят, всегда шутят с ней, приносят маленькие смешные подарочки, гладят по голове и называют ангелом-хранителем. А недавно кто-то сказал: «Смотри, Марик, какая невеста для тебя растет. Не вздумай на стороне искать, лучше не найдешь». – «И со свекровью проблем не будет, она свою невестку уже любит», – добавил кто-то, и все засмеялись. Марик тоже смеялся, и Наташа не поняла, приятно ему было это слышать или нет. Сама она тогда жутко покраснела и скорей побежала на кухню за фаршированной рыбой. Для Наташи комната Бэллы Львовны – это сочетание одновременно праздника и покоя, ожидание чего-то радостного и в то же время чувство безопасности и защищенности. Никто ее здесь не обидит, никто не повысит на нее голос. Оттого и цвет у комнаты глубокий синий, а для праздничности – с серебряными звездочками-блестками.

* * *

Увещевания Бэллы Львовны Наташа запомнила, но близко к сердцу не приняла, во время весенних каникул радостно валяла дурака, проводя время в компании своей подружки Инки Левиной. Обе они обожали бесцельно бродить по Арбату, а порой добирались даже до улицы Горького, разглядывали витрины магазинов, нарядно одетых женщин и красивых взрослых мужчин и мечтали о том, как славно будут жить, когда вырастут и смогут носить все эти замечательные шубки из искусственного меха, которые только-только вошли в моду, и как волшебным образом будут выглядеть с выкрашенными в желто-белый цвет волосами, подстриженными «под Эдиту Пьеху».

В последнюю четверть учебного года Наташа и вовсе успехов не добила, потому что все мысли были только о долгожданных летних каникулах. Три месяца свободы, при этом как минимум один – в пионерлагере. В прошлом году ей несказанно повезло, по просьбе родителей дядя Слава Брагин достал для нее путевку в пионерский лагерь Всесоюзного театрального общества. Лагерь находился в Крыму, и Наташа провела сорок незабываемых дней на берегу моря. А вдруг и в этом году ей улыбнется счастье? Может быть, она снова встретит своих прошлогодних подружек из пермского хореографического училища, с которыми так славно выступала на концерте художественной самодеятельности. У них был общий номер: Наташа пела романс Алябьева «Соловей», а девчонки – одна в белой пачке, другая в черной – танцевали. Им так хлопали тогда, даже на «бис» вызывали!

Но надеждам не суждено было осуществиться. Наташа так увлеклась мечтами, что рассеянность ее перешла все мыслимые пределы, тетрадные листы больше обычного пестрели кляксами и помарками, на уроках чтения она пропускала не только слоги, но даже целые слова, бесповоротно запуталась в окончаниях французских глаголов, и в результате в таблице за год оказалось уже четыре тройки.

Папа с мамой опять долго ссорились и кричали друг на друга, потом отец позвал Наташу, привычно спрятавшуюся у Бэллы Львовны и Марика, и строго сказал:

– Наталья, ты уже большая девочка, тебе десять лет. Пора принимать ответственные решения. У тебя есть выбор. Ты можешь с нового учебного года перейти в другую школу, где учиться будет легче. Там иностранный язык преподают только с пятого класса, весь четвертый класс у тебя не будет никакого французского, соответственно и уроков будет меньше.

Или ты остаешься в своей школе, но все лето занимаешься. Никаких гулянок, никаких подружек, никаких походов в кино. Ты будешь три месяца сидеть вот в этой комнате и целыми днями писать упражнения, решать примеры и зубрить французские слова.

– А пионерский лагерь? – потрясенно спросила девочка, будучи не в силах поверить услышанному.

– Лагерь? Никакого лагеря! – отрезал отец. – Если хочешь в лагерь – пойдешь в гоголевскую школу.

Переходить в школу имени Гоголя Наташа не хотела. А в лагерь ехать хотела. Выбор был для нее мучительным, отец дал на раздумья два дня и ровно через два дня спросил: что же она решила.

– Я не хочу в новую школу, – уставившись глазами в пол, пробормотала Наташа.

– Значит, будешь заниматься все лето?

– Буду.

– Обещаешь?

– Обещаю. Честное октябратское.

– Ну что ж, это твой выбор. Потом не жалуйся.

В тот момент Наташа не очень хорошо уловила смысл этих слов. Но прошел месяц, и она поняла. Да еще как поняла!

В это время проходил Четвертый Московский международный кинофестиваль, все кругом только и говорили о нем, со всех сторон слышались названия фильмов, имена актеров и режиссеров, восторженные ахи и охи. Достать билет на внеконкурсный показ было огромным счастьем, а уж попасть туда, где шли конкурсные фильмы, – об этом и мечтать было невозможно. Это – немыслимо, это невозможно представить, это только для небожителей, для тех, кто непосредственно причастен к таинственному и прекрасному миру, именуемому «кино».

Старшая сестра Люся уже несколько дней ходила сияющая, сменив на улыбку свое обычное угрюмое выражение лица. Ее жених Костик, неведомо какими путями и используя неведомо какие связи, раздобыл два билета на конкурсный просмотр. И уже завтра они вдвоем пойдут туда, куда простым смертным путь заказан, и увидят фильм, который никто, кроме завтрашних зрителей, больше никогда в их стране не увидит. Более того, они наверняка смогут увидеть живых звезд, которые обязательно ходят на фестивальные просмотры.

– Как ты думаешь, а Смоктуновский там будет? – спрашивала мама, которая еще с прошлого года находилась под впечатлением «Гамлета».

– Наверняка! – уверенно отвечала Люся.

– А Быстрицкая? – спросил папа, умевший ценить женскую красоту.

– Обязательно.

– А Герасимов с Макаровой? Вот бы посмотреть на них! – мечтала мама.

– А Вертинская с Корневым будут? – влезала Наташа. – А Козаков?

Самым ее любимым фильмом на этот день оставался «Человек-амфибия», и ей даже страшно было подумать, что можно вот так запросто оказаться в одном зале и дышать одним воздухом с этими замечательными актерами. Может быть, даже сидеть с ними рядом. И может быть, даже разговаривать... Ах, как повезло сестре Люсе! Как сказочно повезло! Завтра она всех их сможет увидеть.

Но назавтра случилось непредвиденное. В половине восьмого утра, когда семья Казанцевых сидела за завтраком, раздался телефонный звонок. Люсин жених Костик споткнулся на лестнице, упал и сломал ногу. Разумеется, ни на какой просмотр он пойти не сможет, он в больнице.

– Доченька, возьми с собой Наташу, – предложила мама, когда прошел первый шок от неожиданного известия. О том, чтобы из солидарности с пострадавшим молодым человеком отказаться от фестивального фильма, речь, конечно же, не шла.

Сердце у Наташи замерло. Неужели... Неужели судьба ей улыбнется и преподнесет такой подарок? Неужели она сможет своими глазами увидеть настоящих живых артистов, тех самых, от одного взгляда на экранное изображение которых у нее сладко замирало, а потом начинало восторженно колотиться сердце! Они такие чудесные, такие красивые, такие необыкновенные, такие... Даже слов не хватает, чтобы выразить. Они волшебные, как переливающиеся перламутровые краски, меняющие оттенок в зависимости от освещения. Они сверкающие, как серебряный дождь. И ей, Наташе Казанцевой, обыкновенной девчонке с Арбата, дано такое счастье – увидеть их. Как хорошо, что маме пришло в голову отправить ее с Люсей, сама Люся наверняка не догадалась бы взять с собой младшую сестренку. Конечно, жаль Костика, он такой славный, лучше бы он не ломал ногу, но если бы он ее не сломал, то Наташа не попала бы на просмотр. Мысленно девочка уже видела себя в огромном зале, среди кинозвезд и разных прочих знаменитых людей. Вот только в чем пойти? Кажется, у нее нет ничего нарядного, такого, чтобы не стыдно было перед Корневым или Козаковым... Все это промелькнуло в голове в одно мгновение и вознесло десятилетнюю Наташу на такие сияющие вершины восторга, что она почти ослепла. И даже не сразу поняла, что происходит, когда раздался голос отца.

– Наташа наказана, – твердо произнес он. – До конца лета никакого кино, мы с ней так договорились.

Мама, однако, не была сторонницей столь суровых мер и попыталась вступить за младшую дочь:

– Но это же совсем другое дело, Саша. Это не просто поход в кино, это шанс, который, может быть, больше никогда ей не выпадет. Ты же видишь, девочка просто бредит кинематографом. Это окажется для нее событием, которое она не забудет всю свою жизнь. Ну Саша!

Но отец был непреклонен.

– Она дала слово, что будет все лето заниматься и ни разу не пойдет в кино.

– Но она и так целыми днями сидит над тетрадками! Она не гуляет, воздухом не дышит, с подружками не играет, только в магазин бегаёт. Девочка вообще зачахнет в четырех стенах, – умоляла мама. – Саша, ты же видишь, ребенок старается изо всех сил, ну пусть она пойдет с Люсей, а? В конце концов, ты должен признать, что Наташа не может провести три месяца за учебниками, это непосильно даже для взрослого человека. У нее каникулы, и ты мог бы сделать поблажку хотя бы на один вечер. Ведь вечерами мы все приходим с работы, и она все равно уже не занимается.

– Я сказал – нет. И закончим на этом. Пусть Люся ходит на просмотр с какой-нибудь подружкой.

Наташа сорвалась с места, умчалась в ванную, накинула изнутри на дверь крючок и дала волю слезам. Улыбка судьбы померкла и мгновенно превратилась в безобразную гримасу.

Из ванной она вышла только после того, как вернувшаяся после ночной смены Ниночка принялась испуленно дергать ручку двери:

– Эй! Кто там заперся и сидит? Наташка, ты, что ли?

– Я, – пискнула Наташа, обессилив от слез.

– Давай открывай, у меня там белье замочено, мне стирать нужно.

Наташа откинула крючок и рванулась в коридор, надеясь проскочить в свою комнату, где уже никого не было, все ушли на работу, и никто не помешает ей всласть предаваться обрушившемуся на нее горю. Но проскочить мимо Ниночки оказалось не так-то просто. Девушка ловко перехватила ее и повернула лицом к себе.

– Это что за концерт на летней танцплощадке? Почему рожа опухшая? Почему слезы? Обхватив Ниночку за талию и уткнувшись мокрым лицом в ее пышную юбку-«колокол», Наташа снова разрыдалась. Понемногу соседке удалось-таки добиться от нее более или менее внятных объяснений.

– Да ты что? – расширив глаза, переспрашивала Нина. – Неужели тебя не пустили? Наташа отрицательно помотала головой, борясь с новым приступом рыданий.

– Из-за каких-то паршивых троек?

– Угу.

– А Люська что? Даже словечка за тебя не замолвила?

– Не-а.

– Так и сидела молча?

– Да она всегда молчит, она у нас такая, – Наташа попыталась заступиться за любимую сестру.

– Знаешь, что я тебе скажу, Наташа? Твои родители – суки бессердечные. А Люська твоя – сволочь, каких еще поискать. Если бы у меня жених в больницу попал, я бы днем и ночью возле него сидела, по фестивалям не шлялась бы. А ей, выходит, на Козакова посмотреть дороже, чем родной жених. И папаша твой хорош, из-за каких-то паршивых троек тебя такой радости лишил. И мамаша твоя тебе тоже, получается, не защитница. Бедная ты, бедная, никто тебя не любит. – Ниночка сочувственно вздохнула. – Да кончай ты плакать, слезами горю не поможешь.

– Я не могу, – выдавила Наташа, – оно само... плачется... я стараюсь, а оно плачется...

Нина решительно развернула ее и потащила к себе в комнату.

– Давай выпьем по пять граммов, сразу полегчает.

Горе Наташино было столь велико, что она даже не сообразила, о чем говорит соседка. Девочка молча сидела на стуле и тупо смотрела, как Ниночка достает из буфета бутылку с некрасивой этикеткой и разливает в две рюмки прозрачную, как вода, жидкость. «Наверное, это водка», – подумала Наташа с полным и даже удивившим ее безразличием. Нина подняла свою рюмку.

– Давай. За любовь проклятую! – провозгласила она.

Наташа залпом выпила содержимое маленькой рюмочки, закашлялась, все так же молча встала и ушла к себе. Выложила на письменный стол тетрадки и учебники, достала ручку и приготовилась заниматься. Очнулась она только часам к пяти, с удивлением обнаружив, что спит, положив голову на руки поверх тетради с упражнениями по русскому языку. Жутко болела голова, отчего-то тошнило, и очень хотелось пить. С трудом поднявшись, Наташа побрела на кухню, чтобы налить себе воды из-под крана.

На кухне Марик жарил яичницу с колбасой. Из стоявшего на столе желтого приемника «Спидола» раздавалась задорная летка-енка, и юноша притопывал ногой в ритме танцевальной мелодии.

– Что с тобой? – испуганно спросил он, взглянув на Наташу.

– Ничего, – вяло ответила девочка.

– Да ты бледная как полотно! Ты заболела?

– Да... кажется.

– Что у тебя болит? Горло? Температура есть?

Марик наклонился, чтобы губами пощупать ее лоб, и внезапно резко отшатнулся.

– Чем от тебя пахнет?

– Не знаю. – Наташа попыталась пожать плечами, но не удержала равновесия и едва не упала. Марик подхватил ее и усадил на табурет.

– Ты что, пила?

Девочка молчала. Марик начал трясти ее за плечи, громко повторяя вопрос:

– Что ты пила? Когда? Сколько ты выпила? Наташа, отвечай немедленно, что ты выпила и сколько?

– Водку... кажется... Не кричи на меня.

– Сколько ты выпила?

– Не знаю... немножко.

– Сколько немножко? Один глоток? Два? Три?

– Не помню. Кажется, два... или три... не помню.

– Где ты взяла водку? У отца?

– Нина дала.

Кухню от входной двери отделял длинный извилистый коридор, но Марик все равно услышал, как чей-то ключ царапается в замке. Он испуганно оглянулся, потом схватил Наташу в охапку и поволок в свою комнату.

– Не хватает еще, чтобы тебя кто-нибудь увидел в таком состоянии, – бормотал он, снимая с ее ног тапочки и укладывая поверх покрывала на свой диван за ширмой. – Лежи тихонько, я на разведку схожу.

– Я пить хочу, – жалобно промычала она ему вслед.

– Я принесу. Не вставай и не выходи в коридор.

Наташа покорно вытянулась на диване. Как только голова коснулась мягкой подушки, ей сразу стало легче, даже тошнота почти прошла. Марик вернулся через пару минут, в руках у него была бутылка из-под молока, наполненная водой.

– Это Рита, – с облегчением сообщил он. – А когда твои родители должны прийти?

– Мама в половине седьмого, папа в семь.

– А Люся?

– Люся придет поздно, она идет сегодня...

Договорить ей не удалось. Обида и отчаяние снова нахлынули на Наташу, сдавили горло, обожгли глаза слезами. Марик был терпелив, он успокаивал девочку, давал попить, принес ей таблетку от головной боли, протирал ее лицо смоченным в воде носовым платком, заставлял сморкаться, гладил по голове и слушал ее горестную историю. С самого начала, с того момента, как Люсин жених достал билеты на фестиваль, а потом сломал ногу. Наташа Казанцева не любила читать, но зато уж что она умела – так это рассказывать: подробно, последовательно, детально, не забегая вперед и ничего не упуская. Марик слушал молча, не перебивал ее, только качал головой, мол, я понял, продолжай. И только в конце переспросил:

– Как, ты говоришь, Ниночка назвала твоих родителей?

– Суки бессердечные, – добросовестно повторила Наташа.

– А ты сама-то понимаешь, что это такое?

– Примерно. – Наташа попыталась улыбнуться. – Марик, ты не думай, я такие слова знаю.

– И что, сама их говоришь? – нахмурился юноша.

– Нет, что ты, я знаю, что это плохие слова. Грязные.

Марик отчего-то усмехнулся, и Наташе почудилось что-то недоброе в его глазах. Он предложил план действий: сейчас Наташа полежит, и может быть, даже поспит, пока не вернется с работы ее мама. К половине седьмого ей придется встать и пересесть за стол, а предварительно принести из своей комнаты учебники и тетрадки. Маме, а потом и отцу Марик скажет, что занимается с Наташей, проверяет, как она сделала упражнения и решила примеры, объясняет ошибки. И еще он скажет, что они могут не беспокоиться, поужинает Наташа сегодня с ним и его мамой. Сейчас он сходит к Рите Брагиной и договорится с ней, чтобы та пригласила Казанцевых-старших к себе «на телевизор», как раз в восемь часов будут передавать хороший спектакль. Пока родители отсутствуют, Наташа проберется к себе

и уляжется в постель. Самое главное, чтобы никто с ней не разговаривал и не смог учуять запах спиртного.

– План понятен? – строго спросил Марик.

– Понятен.

– Голова прошла?

– Почти.

– Тогда постарайся поспать, к половине седьмого я тебя разбужу.

Наташа задремала, свернувшись клубочком. Откуда-то издалека ей слышались голоса Бэллы Львовны и Марика, причем голос юноши был грустным, а голос его матери – сердитым. Потом ей показалось, что голоса переместились куда-то в сторону, сначала они звучали совсем близко и приглушенно, как будто люди специально стараются говорить потише, а потом голоса отделились и зазвучали справа, оттуда, где была комната Полины Михайловны и Ниночки. Сквозь дрему Наташа улавливала несвязные обрывки фраз: «Как ты могла... Ребенок... Водка... Ничего не соображаешь... Так говорить о ее родителях... Никто не должен знать... Дай слово...» Девочка поняла, что соседи ссорятся из-за нее.

Ровно в половине седьмого, когда по коридору тяжело процокали каблуки маминых туфель, Наташа, умытая и причесанная, сидела за большим столом с Бэллой Львовной и Мариком. Раскрытый задачник по арифметике, тетрадка, исписанная ровными столбиками решенных примеров, ручка – ну чем не примерная ученица! Бэлла Львовна выглянула в коридор:

– Галочка, Наташа у нас, она с Мариком занимается арифметикой.

На пороге комнаты появилась мама, усталая, в старом платье в цветочек, с кошелкой, из которой торчал белый батон и бутылка кефира с зеленой крышечкой.

– Ты обедала? – спросила она, глядя издалека на Наташу.

Наташа в первый момент растерялась, но выручил Марик:

– Она со мной обедала, Галина Васильевна. Мы ели яичницу с колбасой и помидорами.

– А для кого я, спрашивается, готовлю каждый день? Там суп стоит за дверью, котлеты нажарены, я специально ни свет ни заря вскакиваю, чтобы тебе обед оставить, а ты соседей обедаешь. Как тебе не стыдно!

– Ну-ну, Галочка, не кипятитесь. – Бэлла Львовна подхватила Наташину маму под руку и увела дальше по коридору, прикрыв за собой дверь в комнату.

Они о чем-то долго разговаривали на кухне, потом Бэлла Львовна вернулась улыбающаяся и довольная.

– Все, золотая моя, я тебя отбила. Мы с мамой нашли компромиссное решение, ты будешь ужинать у нас, но я разогрею для тебя суп и котлеты, которые ты не съела на обед. Ты знаешь, что такое компромиссное решение?

– Знаю, вы мне в прошлом году объясняли.

– Ну вот и славно.

Дальше все пошло так, как и было задумано. Пришел отец, но к Бэлле Львовне не заглянул, вероятно удовлетворившись объяснениями жены. Без пяти восемь в коридоре зазвенел голосок Риты Брагиной:

– Бэллочка, Марик, Галя, Саша, Полина Михайловна, Ниночка, приходите к нам спектакль смотреть! Называется «Карьера Артуро Уи, которой могло и не быть!» Постановка Товстоногова! Все бегите скорей, через пять минут начинается!

Возникло некоторое оживление, в комнату снова заглянула мама:

– Бэллочка, Марик, вы идете?

– Я пойду с удовольствием. – Бэлла Львовна поднялась с дивана и накинула на плечи красивую вязаную шаль. – В театре у Товстоногова такие дивные актеры, а в моем телеви-

зоре все такое крошечное, лиц не разглядеть. Говорят, в этом спектакле Луспекаев просто изумителен.

– А Марик?

– Марик пусть с Наташей позанимается.

К девяти часам Наташа лежала в своей постели в пустой комнате и мысленно перебирала минута за минутой этот день, показавшийся ей таким длинным, хотя половину его она пробыла в забытьи. Наверное, Люся и вправду совсем не любит ее, раз не заступилась и не взяла с собой смотреть фильм. Наверное, папе ее совсем не жалко, он уже старый, ему пятьдесят четыре года, и он не понимает, что десятилетняя девочка хочет во время каникул гулять и играть с подружками, ходить в кино и покупать миндаль в сахаре и «курабье» в магазине «Восточные сладости». Наверное, мама ее все-таки любит, но не хочет ссориться с папой, потому что его она тоже любит. В этих рассуждениях все зыбко и пока неточно, над этим она еще подумает, но потом, когда голова станет ясной и тошнота окончательно пройдет. А вот что она теперь знает точно, так это три вещи. Первое: водка – это жуткая дрянь и мерзость. Второе: никому нельзя говорить плохо о его родителях и вообще о его близких. Наташа и сама почувствовала болезненный укол, когда Нина стала обзывать маму с папой и Люсю, ей было неприятно и отчего-то стыдно, а потом, когда Бэлла Львовна кричала на Нину и ругалась, девочка восприняла это как подтверждение: да, Нина поступила неправильно. Плохо она поступила. И не только потому, что дала ей водки, но и потому, что сказала про Наташиных родителей и сестру такие грязные слова. И третье, самое главное: Бэлла Львовна опять оказалась права: если бы Наташа не валяла дурака, не была рассеянной и не предавалась дурацким мечтаниям, а делала бы уроки как следует и в школе была внимательной и собранной, то сейчас сидела бы в огромном кинозале рядом со своими кумирами и смотрела бы фильм «Брак по-итальянски», который никто из ее одноклассников никогда не увидит.

Она уже крепко спала и не слышала, как вернулись родители и как пришла счастливая взбудораженная Люся, как она (редчайший случай!) взахлеб рассказывала, кого из знаменитостей видела и кто во что был одет, и какое потрясающее кино она посмотрела, и какая красавица Софи Лорен, и как безумно талантлив Марчелло Мастоаянни.

Утром Наташа Казанцева проснулась другим человеком. Пережитая накануне горечь и обида подействовали на нее как хлыст. «С сегодняшнего дня все будет по-другому», – сказала она себе и принялась за дело.

* * *

Ей повезло, потому что Марик этим летом никуда не уехал, во время студенческих каникул он пошел работать на почту. С утра Наташа занималась устными предметами, училась бегло читать вслух, не пропуская слоги и слова, зубрила французский, днем решала примеры и задачи с Мариком, а по вечерам, когда приходила Бэлла Львовна, наступало время русского языка, орфографии и чистописания. К концу августа она прошла с ними всю программу четвертого класса по русскому и арифметике.

– Туся, ты жутко способная, – удивленно говорил Марик. – У тебя такая ясная головка и память отменная. Вот ты еще чуть-чуть потренируешься, чтобы окончательно избавиться от своей рассеянности, и станешь первой ученицей в классе.

От этих слов Наташино сердечко таяло. Только Марик называл ее этим смешным именем – Туся. Сокращенное от Натуси. И услышать похвалу из его уст – это ли не счастье? Не говоря уж о том, что теперь они проводили вместе по несколько часов в день, склонившись над столом голова к голове. Наташе очень не хотелось выглядеть дурочкой в его глазах, поэтому она изо всех сил старалась не отвлекаться ни на какие мысли и не мечтать о кренделях небесных, а внимательно слушать его объяснения. К немалому ее удивлению, привыч-

ная рассеянность понемногу отступала, и ей уже без труда удавалось относительно долгое время оставаться сосредоточенной и не делать дурацких ошибок.

– Она не рассеянная, она мечтательная, – с мягкой улыбкой поправляла сына Бэлла Львовна. – От этого нельзя избавиться, когда человек перестает мечтать, он становится сухим и пресным занудой.

Двадцать восьмого августа вечером, после ужина, Наташа положила перед отцом два учебника за четвертый класс – по русскому и по арифметике, и стопку тоненьких тетрадок в клеточку и в линейку.

– Проверь, пожалуйста, я прошла всю программу за год вперед.

Отец молча взял тетради и учебники, нацепил на нос очки и уселся на диван. Наташа ушла на кухню, помогла матери перемыть посуду и отправилась к Брагиным. Дядя Слава уехал отдыхать в санаторий в Кисловодск, а тетя Рита задумала сделать Марику подарок ко дню рождения – сшить по выкройке из журнала «Работница» такой же пиджак, как у битлов, песнями, прическами и костюмами которых бредила в этом году вся молодежь. Бэлла Львовна тайком от сына купила отрез, а тетя Рита – счастливая обладательница немецкой швейной машинки – взялась за шитье. Без Наташи в таком деле, конечно же, обойтись не могли, ее зоркие молодые глаза и уверенные точные пальчики позволяли в одно мгновение вдвигать нитку в машинную иглу, которую нельзя было, как обычную иголку, повернуть к свету и взять поудобнее. Кроме того, Наташе можно было поручить обметывание швов, стежки у нее получались ровные и красивые, один к одному.

Когда она вернулась к себе, мама посмотрела на нее с гордостью и поцеловала, а отец скупно сказал:

– Молодец. Далеко пойдешь. Голова работает, и слово держать умеешь.

Достал из кошелька красную десятирублевую купюру и протянул дочери.

– Держи вот, купишь себе тетрадки и все, что нужно, к новому учебному году.

– Этого много, – робко возразила Наташа, – мне столько не нужно. Тетрадки по две копейки, карандаши по три, ластик по копейке, а линейка у меня еще хорошая, и ручка тоже. Ну там еще чернила, альбом для рисования и краски, но мне трех рублей на все хватит.

– Бери, бери, в кино сходишь, мороженое купишь или конфет каких-нибудь. Заслужила.

Пряча огромное, немислимое богатство в карман, Наташа прикидывала, как рационально истратить его, чтобы обязательно купить подарки Бэлле Львовне и Марику, ведь только благодаря им у нее все получилось. Они занимались с ней, тратили на нее свое свободное время. Что же такое им подарить? Наверное, Марику – ручку, она видела еще весной в канцелярском магазине такие красивые ручки с золотистыми колпачками и в специальных футлярчиках. А Бэлле Львовне она купит пластинку. Какую? Ну ясно же, какую. Однажды Бэлла Львовна, слушая радио, проронила:

– Моцарт, моя любимая Сороковая симфония.

Вот эту-то Сороковую симфонию Наташа ей и подарит.

* * *

Весь год обучения в четвертом классе превратился для Наташи Казанцевой в сплошной праздник. Интенсивные занятия во время летних каникул сделали учебу легкой и совсем не скучной, потому что разве могут наскучить постоянные похвалы и восторги учителей! «Вы только посмотрите, как изменилась Казанцева! Все время была в отстающих, а теперь девочку как подменили. На уроках слушает внимательно, не отвлекается, в тетрадках чистота, у доски отвечает уверенно. Дети, вы все должны брать пример с Наташи. Наташа, выйди к доске и расскажи нам всем, как ты за одно лето научилась писать без помарок». Она стала центром всеобщего внимания в классе и среди учителей, получала сплошные пятерки,

ее хвалили на родительских собраниях, после которых мама приходила домой довольная и сияющая. И табели с оценками за четверть теперь было не страшно приносить и показывать отцу.

Общему радостному настроению способствовало и то, что теперь появилось два новых праздника. В октябре впервые отмечали День учителя, все пришли в школу с букетами астр и гладиолусов, а многие несли в руках еще и пучки желто-красных кленовых листьев. Девочки были в белых передничках, учителя никому не ставили двоек, после уроков в актовом зале прошел замечательный концерт художественной самодеятельности, одним словом, получился настоящий праздник! А весной случилось еще одно приятное событие – Международный женский день 8 Марта объявили нерабочим днем. Вот уж радость была – нежданно-негаданно образовался еще один выходной, когда можно не ходить в школу!

Четвертый класс Наташа закончила круглой отличницей и получила похвальную грамоту. По этому поводу мама испекла торт и позвала в гости на чаепитие всех соседей. Дядя Слава Брагин, как всегда, не смог прийти, он очень занят и возвращается домой поздно, зато тетя Рита подарила Наташе красивую книжку в красном переплете «Приключения Незнайки и его друзей». Увидев это, Марик усмехнулся:

– Ритуля, такие книжки дети читают во втором классе, а Туся у нас уже большая, ее на будущий год в пионеры принимать будут.

Тетя Рита смутилась, и Наташа тут же кинулась ее защищать:

– Ну и что, что в пионеры, а я эту книжку еще не читала. Спасибо большое, тетя Рита, я обязательно прочитаю про Незнайку, вот прямо завтра и начну.

– Ты не читала про Незнайку? – удивился Марик. – Ну, Туся, мне за тебя стыдно. Книги надо читать, а то получится из тебя необразованная отличница.

– Как это? – растерялась Наташа.

– А очень просто, – подхватила Бэлла Львовна. – Пятерки в школе – это гарантия минимальных знаний, но на одних этих знаниях в жизни далеко не уедешь. Ты научишься хорошо считать и писать без ошибок, а поговорить с тобой будет не о чем. Вот понравится тебе мальчик, вы пойдете с ним гулять, он тебя спросит: «Наташа, тебе кто больше нравится, Джек Лондон или Фенимор Купер?» А ты и ответить не сможешь. Мальчику станет скучно с тобой, и он больше не позовет тебя гулять.

– Ну, положим, про мальчиков ей думать еще рано, – добродушно пробасил отец, – но Бэлла Львовна права, читать надо. Вон сколько книг в доме, а ты хоть бы одну в руки взяла.

Наташа покраснела, ведь ее стыдили при Марике, а хуже этого ничего не может быть. Сиреневые тома Джека Лондона действительно стояли на книжной полке, и Фенимор Купер у них был в зелено-оранжевом переплете. И много других книг. Ну почему все постоянно талдычат одно и то же: читать, читать, читать... А она кино любит.

– Между прочим, – заметил Марик, – твой любимый фильм – «Человек-амфибия», а книжку ты читала? Ведь как интересно было бы прочесть книгу и посмотреть, чем она отличается от того, что ты видела в кино.

– А разве есть такая книжка?

– Здрасьте, приехали! – Марик картинно развел руками. – Туся, ты меня просто поражаешь. Конечно, такая книжка есть, ее написал Александр Беляев. Хочешь, дам почитать?

Он вышел и через несколько минут вернулся с книгой. Отдав ее Наташе, Марик сел не туда, где сидел раньше, а рядом с Ниночкой. Он был такой красивый, в черном «битловском» пиджаке, который сшила для него тетя Рита Брагина, с волнистыми темными волосами и блестящими выпуклыми глазами, и Наташе отчего-то было тревожно и неприятно видеть его рядом с хорошенькой Ниночкой, тоже темноволосой и темноглазой, только лицо у нее было не смуглое, как у Марика, а белое-белое. На Ниночке надето ярко-красное платье с облегающим лифом и на тонких бретельках, на губах ярко-красная, как платье, помада, в

ушах – крупные серьги из янтаря, и вся она сверкает и переливается, как новогодняя елка. Только Наташа ничего этого не видит, для нее Ниночка, сидящая рядом с Мариком и загадочно улыбающаяся, окрашена в холодный голубоватый цвет. Это цвет опасности. Когда Наташе было шесть лет, мама учила ее зажигать газовую плиту. Девочка ужасно боялась голубого пламени, и с тех пор все опасное для нее было голубым.

Полина Михайловна, мать Ниночки, тоже пришла, сидела надутая и сердитая и то и дело с горестными вздохами начинала сетовать на жизненные неудачи. Мол, не всем так везет с мужьями, как Рите Брагиной, а коль растишь дочку без мужней помощи, так разве можно ждать, что она будет так же хорошо учиться, как Наташа. Бэлла Львовна на это ответила, что она тоже вырастила Марика без мужа, который умер от ран, полученных во время войны, когда сыну было два годика. Но это не помешало мальчику учиться только на «отлично» и поступить в институт. Полина Михайловна буркнула в ответ:

– Нечего сравнивать. Такие, как вы, всегда умеют устраиваться.

Возникла неловкая пауза, и Наташе показалось, что на какое-то мгновение комната оказалась залита оранжевым светом с коричневыми всполохами. Но это длилось лишь секунду, потом рука Ниночки легла на плечо Марика, а Наташин отец, повернувшись к сидящей рядом Бэлле Львовне, стал накладывать в ее тарелку кусок торта и что-то говорить. Тетя Рита вскочила с места и звонко объявила:

– Предлагаю всем налить в чашки чай, попробовать замечательный торт нашей Галочки и поздравить нашу самую младшую соседку Наташечку с выдающимися успехами в учебе и с получением похвальной грамоты. Ура!

Было очень весело, все шутили, смеялись, пели хором «Навстречу утренней заре по Ангаре, по Ангаре» и «А за окном то дождь, то снег». И только сестра Люся весь вечер просидела молча, рта не раскрыла.

* * *

С женихом Костиком у Люси отношения разладились как раз после того, как он сломал ногу. Люся не утруждала себя частыми посещениями пострадавшего ни пока он лежал в больнице, ни тогда, когда он с загипсованной ногой сидел дома, ограничивалась только телефонными звонками. А Костик поскучал-поскучал да и развлекся тем, что влюбился в медсестру, которая ухаживала за ним в палате. Люся долго не могла понять, что происходит и почему Костик обижается на нее, ведь это же так важно и так интересно – собраться в университетской общаге и до хрипоты обсуждать «Антимиры» Андрея Вознесенского или «Братскую ГЭС» Евгения Евтушенко, спектакль Театра на Таганке «Добрый человек из Сезуана» или возможности первой электронно-вычислительной машины «Урал». Сама Люся студенткой уже давно не была, она три года назад закончила институт и работала на заводе в конструкторском бюро, но Костик как раз еще учился на факультете журналистики, и у них была общая компания, местом сбора которой стало студенческое общежитие. В общаге не только спорили и обсуждали, там и пели под гитару где-то услышанные и подпольно разученные полублатные песни Высоцкого, изысканные романсы Окуджавы и длинные песни-новеллы Галича, от которых веяло смертным холодом одиночества, запахом лагерных бараков и безысходной тоской предательства. И разве можно было отказываться от таких посиделок ради того, чтобы навестить Костика? Да и нужно ли? Конечно, нельзя сказать, что Люся совсем уж обделяла вниманием своего жениха, она навещала его примерно два раза в неделю, и если бы речь шла просто о приятеле или сокурснике, то этого было бы даже много, но ведь она собиралась выйти замуж за этого человека, жить с ним вместе долгие годы, потому что они и дня не могли провести друг без друга. И вдруг оказалось, что Люся не очень-то и скучает по своему избраннику и вполне может обходиться без еже-

дневных свиданий с ним, что есть для нее вещи куда более важные и интересные, нежели вечер, проведенный наедине с женихом. Может быть, Люся не любила Костика, а всего лишь рассматривала его как подходящий вариант замужества, не век же в девках-то сидеть, ведь как-никак двадцать семь уже. Может быть, она любила его, но по-своему, любила так, как умела, и в это умение не входили ни внимательность, ни заботливость, ни нежность. Одним словом, Люся Костиком пренебрегла, а он увлекся другой девушкой, и, когда Люся спохватилась, было уже поздно. Роман с медсестричкой развился так стремительно и зашел так далеко, что Люсе осталось только пожинать плоды своей душевной черствости.

Всегда сдержанная и молчаливая дома, Люся Казанцева с тех пор совсем ушла в себя. Она и раньше-то не баловала своих домашних разговорами, а теперь хорошо, если два слова за день произнесет. Высокая и тонкая, с правильными чертами лица и пышными волосами, такими же темно-рыжими, как у матери, Люся казалась своей младшей сестренке почти божеством, недостижимым и непостижимым. Она вся окружена тайной, по телефону разговаривает так тихо, что ничего не слышно, никогда не рассказывает ни о работе, ни о друзьях, никого не приглашает в гости и не знакомит с родителями. По ночам что-то пишет в толстых тетрадках, но дома их не оставляет, уносит с собой. Наташа, сгорая от любопытства, несколько раз спрашивала:

– Люся, а что это ты пишешь? Ты ведешь дневник, да?

– Не твое дело, – сквозь зубы бросала сестра, не поднимая головы.

– Почему не мое? – недоумевала Наташа. – Почему ты не можешь мне сказать? Это секрет, да?

– Отстань, шмакодявка. Ты еще маленькая.

И так всегда. Наташа для нее – шмакодявка, маленькая и неразумная, с которой разговаривать ниже Люсиного достоинства.

Однажды Наташа даже решилась на некрасивый поступок: выдвинула те два ящика письменного стола, которые принадлежали сестре, в попытках отыскать заветные тетради и прочесть, что же в них написано, но потерпела неудачу. Тетрадей там не оказалось, а ведь Люся, включив настольную лампу, писала накануне часов до двух ночи, Наташа это точно помнила, потому что вставала попить воды и посмотрела на часы.

Когда Костик объявил Люсе, что собирается жениться на медсестре, в семье на некоторое время воцарился траур. Люся взяла больничный и несколько дней лежала в постели и плакала, ничего не ела и ни с кем не разговаривала. У Наташи сердце разрывалось от жалости к любимой старшей сестре, она искренне хотела помочь ну хоть чем-нибудь, хотя бы просто вниманием и сочувствием.

– Тебе принести попить? – заботливо спрашивала она Люсю. – Хочешь, я чаю сделаю? Хочешь, я схожу в магазин и куплю тебе что-нибудь вкусное? Хочешь, я попрошу у Марика интересную книжку для тебя? Хочешь, я почитаю тебе вслух? А давай пойдем к Бэлле Львовне на телевизор, там кино хорошее показывают.

Но в ответ слышалось только одно:

– Отстань.

Наташа расстраивалась, ей так хотелось помочь, так хотелось быть полезной, а Люся отталкивала ее. Вот у Наташиной подружки Инки Левиной тоже есть старшая сестра, ее зовут Мила, так эта Мила с Инки глаз не сводит, утром в школу провожает, по воскресеньям ходит с ней в кино и в Парк имени Горького, и Наташу они с собой берут. Мила всегда находит время, чтобы поболтать с сестренкой и ее подружками, помочь с уроками, она не жадничает и дает девчонкам примерять свои шикарные платья и юбки с блузками, которые им, конечно, велики, но все равно красиво. Ах, если бы Люся была такой же, как Мила, если бы она так же любила свою сестру и заботилась о ней, Наташа Казанцева была бы самой счастливой на свете. Но Люся к ней равнодушна, как будто и не замечает, что у ее родителей

есть еще один ребенок. Она никак не отреагировала на Наташины школьные достижения и не удостоила девочку ни поздравлением, ни похвалой, ни даже просто добрым словом. Будто все это ее не касается. Живет себе Люся в своей башне из слоновой кости, хрупкая и прекрасная, необыкновенная и не понятая окружающими, и не снисходит до того, чтобы хотя бы взглянуть на обыкновенную земную жизнь.

* * *

Учиться в пятом классе оказалось не так легко, как в четвертом. Во-первых, награжденная похвальной грамотой, Наташа это лето, в отличие от предыдущего, провела так, как и полагается его проводить обыкновенным школьницам; а во-вторых, с пятого класса начинаются разные серьезные предметы: история, география, ботаника, вместо чтения – литература. В первые же две недели нового учебного года Наташа ухитрилась схватить три четверки и даже одну тройку. Сперва она даже растерялась от неожиданности, но сумела быстро взять себя в руки. Она уже была отравлена сладким ядом успеха и всеобщего признания, она уже знала, что такое быть первой и быть лучшей, и возвращаться назад, в болото середнячков, не собиралась. Позорные отметки были исправлены в самое короткое время, и Наташа дала себе слово больше не расслабляться, ведь впереди сияла новая цель. Первого сентября новый классный руководитель Валентина Михайловна объявила:

– Вы знаете, что в этом году вас будут принимать в пионеры. Самых лучших учеников в пионеры будут принимать в Музее Ленина, всех остальных – здесь, в школе, в музее боевой славы. Для того чтобы заслужить высокую честь быть принятым в пионеры в Музее Ленина, вы должны не только хорошо учиться и получать одни пятерки, но и примерно себя вести в школе и дома, быть вежливыми и аккуратными, уважать старших и слушаться их.

Разумеется, для Наташи и речь не могла идти о том, чтобы ее принимали в пионеры в школе. Только в Музее Ленина! Она будет лучшей и добьется этой высокой чести.

Когда Наташа рассказала родителям о своих планах, отец немного подумал и, скупой улыбнувшись, сказал:

– Посмотрим. Если добьешься, если выполнишь то, что задумала, я оформлю подписку на журнал «Советский экран», будешь получать каждый месяц.

– Ур-ра!! – завизжала Наташа, бросаясь отцу на шею.

Да, при всей своей педагогической строгости и непреклонности Александр Иванович Казанцев знал, как сочетать кнут и пряник в воспитании дочери. Наташина любовь к кинематографу отнюдь не ослабевала, наоборот, увлечение становилось все сильнее. На день рождения отец подарил Наташе уже второй альбом для открыток, куда девочка вставляла купленные в киосках цветные фотографии актеров. Другим источником пополнения коллекции стал журнал «Советский экран», откуда Наташа аккуратно вырезала фотографии, наклеивала на кусочек ватмана такого же размера и получала вполне сносную самодельную открытку. Как только дочь начала учиться на пятерки, отец стал регулярно выдавать ей деньги на кино и перестал ругать за то, что она смотрит один и тот же фильм по несколько раз. Если нравится – пусть смотрит, лишь бы не в ущерб учебе. Фильм «Ко мне, Мухтар!» Наташа посмотрела четыре раза и каждый раз заливалась слезами сначала на том месте, где Мухтар бросается на предавшую его хозяйку, и еще раз – в самом конце, когда он, постаревший и больной после ранения, страдает от собственной ненужности и скучает по прежней работе. На «Берегись автомобиля» она ходила семь раз и знала его практически наизусть, но рекорд был поставлен Наташей на фильме «Звонят, откройте дверь» – двенадцать раз! Она и сама не могла бы объяснить, чем приворожила ее эта кинокартина о жизни школьников, ее ровесников. Может быть, тем, что главная героиня – пятиклассница, как и сама Наташа, – влюблена в своего пионервожатого, которому столько же лет, сколько Марику. А может быть,

тем эпизодом, когда актер Ролан Быков выходит на сцену и начинает играть на трубе. В этом возрасте она еще не знала такого понятия «сильная сцена», а только чувствовала, что сердце почему-то сжимается и по лицу текут слезы, которые невозможно остановить, сколько бы раз ты ни смотрела фильм. А вот комедия «Операция Ы и другие приключения Шурика» оставила ее равнодушной. Посмотрела один раз, потом – скорее по привычке и для порядка – второй, и так и не поняла, почему все ребята в классе сходят с ума по этому фильму. На следующий год то же самое повторилось с «Кавказской пленницей». Народ валил на комедию валом, в повседневную речь прочно вошли цитаты вроде «Птичку жалко», «Короче, Склифософский», «Кергуду» или «Спортсменка, комсомолка, отличница и, наконец, просто красавица». А Наташа недоумевала: ну что они все нашли в этом фильме? Ни погрустить, ни поплакать, только одни хиханьки да хаханьки.

К летним каникулам 1967 года Наташа пришла с достойным результатом: очередная похвальная грамота за отличную учебу, две грамоты за победу в районных и городских соревнованиях по легкой атлетике, прием в пионеры в Музее Ленина, и – самое главное! – ее выбрали председателем совета отряда. Она хорошо помнила наказ Бэллы Львовны: ты должна завоевать уважение и авторитет, чтобы тебя выбрали сначала звеньевой, а потом председателем совета отряда. А ей удалось сразу перепрыгнуть через ступеньку и миновать должность звеньевой!

– Поедешь в пионерский лагерь? – спросила мама. – У нас на работе путевки есть.

– Нет, – твердо отказалась Наташа, – я лучше в Москве останусь.

– Опять будешь из кинотеатров не вылезать. – Мама недовольно покачала головой. – Тебе надо больше бывать на воздухе, гулять, а ты в четырех стенах все время сидишь, то в школе, то дома, то в кино своем дурачком.

– Кино не дурацкое, – обиделась девочка.

– Галина, оставь ее, – вмешался отец. – У ребенка есть интерес, это в любом случае лучше, чем бессмысленное гулянье. Ты уже плешь проела своей любовью к свежему воздуху, а что от него толку? На свежем воздухе далеко не уедешь и жизнь не построишь.

– Свежий воздух – это здоровье. – Мама явно начала раздражаться и повышать голос, и Наташа поняла, что вот-вот снова разгорится скандал. И почему родители так любят ссориться по любому пустяку?

Она привычно убежала к Бэлле Львовне, чтобы в тишине и покое синей комнаты переждать домашнюю красную бурю. Почему красную – она точно не знала, просто она так чувствовала, мысленно называя «красной бурей» скандалы, возникающие между мамой и отцом.

– Ты действительно не хочешь ехать в лагерь? – недоверчиво переспросила Бэлла Львовна.

– Не хочу, честное пионерское.

– И ты действительно собираешься каждый день ходить в кино?

– Если денег дадут, – вздохнула Наташа. – Билет на дневной сеанс стоит десять копеек, умножить на девяносто дней – получается девять рублей. Огромные деньги.

– А если ходить в кино каждый день по два раза, то восемнадцать рублей, – засмеялась соседка. – Это уже целый капитал. Ты что-нибудь слышала о переходе количества в качество?

– Нет, – призналась девочка.

– Так вот, тебе нужно всего двадцать копеек в день, чтобы два раза сходить в кино на дневной сеанс. Всего двадцать копеек. Это ведь немного, правда?

– Не знаю, для меня много.

– А для твоих родителей – нет, можешь мне поверить. Сегодня двадцать копеек, завтра двадцать копеек... Это же такие деньги, на которые все равно ничего серьезного не купишь,

так что их и не жалко, правда? А за три месяца набегает восемнадцать рублей. Целое платье. Это и называется переходом количества в качество. Ты вот небось сидишь сейчас и думаешь, что твоей маме придется отказаться от нового платья, чтобы ты могла все лето каждый день ходить в кино. Ведь думаешь?

– Думаю, – согласно кивнула Наташа.

– Выбрось из головы, – решительно посоветовала Бэлла Львовна.

– Почему?

– Потому что если ты вспомнишь, сколько денег потратила на кино за всю свою жизнь, то вообще в обморок упадешь. А сколько еще потратишь в будущем? Так что ж теперь, в кино не ходить? Ты мне лучше вот что скажи. Ну, допустим, тебе удастся сходить на два дневных сеанса, но день-то длинный. Все твои подружки разъедутся, кто на дачу, кто к родственникам в деревню, кто в пионерлагерь. И что ты собираешься делать одна до самого вечера?

– Буду читать.

– О, это прогресс. Наконец-то я услышала от тебя разумные слова. А что читать будешь? Сказки и приключения?

– Ну да. И про любовь, – добавила Наташа, слегка смутившись.

– А учебники? Не хочешь подстраховаться перед новым учебным годом? В шестом классе начнутся сложные предметы: физика, химия, алгебра, геометрия. Тебе надо бы заранее настроить голову, чтобы не ударить лицом в грязь, ты ведь теперь председатель совета отряда – человек ответственный, на тебя остальные равняются, ты всем пример подаешь. Ты должна быть лучшей, быстрее всех схватывать новые знания и лучше всех отвечать у доски.

– Я... – Наташа замялась, и тут Бэлла Львовна нанесла решающий удар:

– Марик тебе помог бы, он до середины августа никуда не уедет.

Марик! Ну конечно! Разве можно от этого отказываться? Да об этом только мечтать можно. И потом, Бэлла Львовна, как всегда, права, председатель совета отряда не имеет права получать тройки.

Это лето 1967 года стало для обитателей коммунальной квартиры в переулке Воеводина (а именно так стал с 1965 года именоваться Решиков переулок) летом больших перемен. В начале июня у Брагиных появился новый телевизор «Электрон» с необъятным – 59 сантиметров по диагонали – экраном, даже большим, чем у их прежней «Беларуси-5». Три дня вся квартира по вечерам собиралась у Брагиных, дабы насладиться невиданно крупным изображением. Теперь можно было даже разглядеть сережки в ушах у женщины-диктора. А к середине июля Наташа узнала, что Брагины скоро переедут, дядя Слава получил от своего треста отдельную квартиру.

– Саша, вы должны немедленно пойти в исполком и добиться, чтобы освободившуюся комнату отдали вашей семье, – ежедневно твердила Бэлла Львовна Наташиному отцу, – это же невозможно – как вы живете вчетвером друг у друга на головах. Если вы упустите момент, то, как только Брагины выпишутся отсюда, к нам немедленно поделят новых соседей. И еще неизвестно, кто это будет. А вдруг это окажется семья с отцом-алкоголиком и мальчишкой-хулиганом? А у вас девочка растет, вы должны об этом думать.

– Я не могу ходить и просить, – говорил отец.

– Но вы же не спрашиваете лишнего, ведь вторая комната для вашей семьи – это жизненная необходимость.

– Ничего подобного, – отрезал тот. – Другие и похуже нас живут. В подвальных помещениях ютятся. Им эта комната нужнее.

Тогда Бэлла Львовна переключилась на Наташину маму:

– Галочка, наша квартира – это редчайшее исключение из правила; когда на кухне больше одной хозяйки, неизменно возникают жестокие конфликты. А мы живем практиче-

ски как одна семья. Нам страшно повезло, что в одной квартире собрались такие уживчивые люди...

– Особенно Полина Михайловна, – вставляла в этом месте мама.

– Да, она пьет, – соглашалась Бэлла Львовна, – но она хотя бы не скандалит и не вредничает. А представьте себе, во что превратится наша жизнь, если сюда въедет семья скандалистов и дебоширов, которые станут водить к себе приятелей-алкашей? Или какая-нибудь жуткая пара молодоженов, к которым каждый день будут вваливаться по два десятка гостей, всю ночь они будут танцевать под громкую музыку, а квартира за неделю превратится в хлев. Мы все поддерживаем здесь чистоту, мы все люди сознательные и места общего пользования убираем строго по графику, а какая-нибудь молодуха в свою неделю убираться не станет, и что тогда? Мы будем за нее мыть туалет, ванну и полы? Да мы же все перессоримся только из-за одного этого!

– Я не знаю, Бэллочка, – робко отвечала мама, – я не умею ходить по начальству. Да и Саша против.

Поняв, что с семьей Казанцевых каши не сварить, Бэлла Львовна обратилась к самому Брагину, и, к всеобщему удивлению, тот ответил:

– Нет вопросов, Бэллочка, я завтра же позвоню председателю исполкома и поговорю с ним.

Вопрос решился быстро и легко. Никто не ожидал, что Брагин, которого все считали нелюдимым и заносчивым, проявит такую оперативность в интересах соседей, которые со дня на день должны были стать бывшими соседями. Все сошлись во мнении, что, в сущности, плохо знали Славу Брагина, потому что он страшно занятой человек, уходил на работу раньше всех и приходил часов в десять вечера усталый, голодный и злой. Зато его молодая жена Рита была у всех на глазах, и все видели, как она изо всех сил старается ему угодить, достает невесть где самые дефицитные продукты, а также все самое свежее и дорогое на рынке, а не в магазине, как все, и часами колдует на кухне над плитой. «Мой Славочка любит то... Мой Славочка любит это... Славочка терпеть не может, когда пережарено... Славочка недоволен, когда слишком много чеснока...» Славочка, Славочка! А Брагин приходил раздраженный и не склонный ни к каким разговорам, никогда не выходил на кухню (не начальственное это дело), еду ему Рита всегда носила в комнату, а потом выносила на подносе гору грязных тарелок, кастрюлек и мисочек. Даже когда Брагины приглашали к себе смотреть телевизор, то само приглашение неизменно исходило от милой приветливой Риты, а Брагин, если был дома, сидел молча и ни с кем не разговаривал. Вот и сложилось у всех мнение, что их сосед – гордец и бука, а на самом-то деле он оказался милейшим человеком, просто устает сильно на работе, должность ответственная. Тут уж не до досужей кухонной болтовни.

Так что, когда настало время паковать вещи и грузить их в большую машину, всем стало даже как-то грустно. Хорошие люди эти Брагины, жаль, что съезжают.

– Приходите ко мне на работу, я вас без очереди причешу, – говорила Рита, по очереди обнимая всех соседей и смагивая с покрашенных ресниц слезы.

Сам Брагин пожал всем руки, а Наташу неожиданно поцеловал в макушку и сказал:

– Наслышан о твоих успехах. Молодец, так держать.

Эти слова повергли всех в полное изумление. Никому и в голову не могло прийти, что Рита обсуждает со своим мужем подробности внутриквартирной жизни. И еще меньше можно было ожидать, что Брагин вникает в ее щебетанье и что-то из рассказанного даже запоминает.

В тот же день вечером мама радостно заявила:

– Ну, девочки, собирайте свои вещи, будем вас переселять в отдельное помещение.

Однако отец тут же оборвал ее порыв:

– Погодите, рано еще. Вот оформим все документы, тогда и переселим девочек.

– Но в исполкоме же обещали, – испугалась мама. – Не могут же они передумать, мы и заявление написали, и все подписи собрали и справки. Ты участник войны, они не могут тебя обмануть.

– Мало ли что, – неопределенно ответил он. – Неделя ничего не решает. Сначала получим на руки ордер, тогда и вещи перенесем.

Но опасения отца не подтвердились, ордер они получили без всяких проволочек, видно, Слава Брагин был фигурой значительной и авторитетной. И в этот момент Наташе был нанесен еще один удар.

– Я переселяюсь одна, – объявила сестра Люся, соизволив наконец открыть рот.

– Как это – одна? – оторопела мама.

– Молча. Мне нужна отдельная комната. Я тут с вами с ума сойду, никакой жизни нет.

– Доченька, но как же это?.. – залепетала мама.

Отец рукой отстранил жену и встал перед старшей дочерью.

– Я не позволю тебе диктовать нам условия жизни! – загремел он. – Кто ты такая? Чего ты в жизни добилась, чтобы требовать для себя отдельную комнату? У тебя есть сестра, и ты обязана с этим считаться. Ты ведешь себя как принцесса среди крепостной дворни, мы с матерью это терпели много лет, но сегодня ты перешла все границы! Ты будешь жить в одной комнате с Наташей, и кончено!

– Не буду! Я не собираюсь жить с этой шмакодявкой, я взрослая женщина, мне скоро тридцать, и у меня должна быть своя жизнь.

– Какая своя жизнь? Тебе нужна комната, чтобы мужиков водить?!

Лицо отца налилось кровью, и Наташа испугалась. Никогда еще она не видела его в такой ярости.

– Папочка, – почти закричала она, – пожалуйста, не надо ссориться! Я с удовольствием останусь с вами. Пожалуйста, только не ругайтесь, пусть Люся живет отдельно, а мне с вами будет очень хорошо, я буду о вас заботиться, я буду помогать все-все делать, только не надо кричать и ругаться...

Отец схватил Наташу в охапку, прижал к себе, уткнулся лицом в ее волосы и несколько раз глубоко вдохнул.

– Доченька, – пробормотал он еле слышно, – сердечко мое золотое. – Потом отпустил Наташу и повернулся к Люсе. – Собирай свои вещи и уходи, – произнес он совсем спокойно. – Видеть тебя не хочу.

Конечно, через несколько недель конфликт потерял остроту, отец перестал сердиться и даже не вспоминал о том скандале. Люся переехала в комнату Брагиных, но кушала, разумеется, то, что готовила мать, и посуду за собой не мыла, оставляя эту честь маме и сестре. Однако зайти в ее комнату просто так оказалось невозможным. Люся запирала дверь на ключ даже тогда, когда была дома, и могла запросто не открыть родителям или сестре, ссылаясь впоследствии на то, что устала, уснула и стука не слышала. Первое время такое случалось редко, а потом все чаще и чаще, пока не перешло в систему.

К концу лета у Наташи выкристаллизовалось твердое убеждение в том, что сестра отказалась от нее. Люся ее предала.

* * *

– Бэлла Львовна, а у Марика есть невеста?

Этот вопрос Наташа собиралась задать уже давно, но все как-то смелости не хватало. Подумают еще, что она неспроста интересуется... Конечно, неспроста, она-то сама это знала, но вот всем остальным знать необязательно. Марик уже окончил свой пединститут и работал в школе учителем математики. В глубине души Наташа надеялась, что он придет

работать именно в ту школу, где она учится, но его распределили совсем в другое место, куда-то на окраину Москвы. Теперь он куда чаще приходил домой поздно, да и женские голоса просили позвать к телефону Марка Аркадьевича не раз в неделю, как раньше, а три-четыре раза в день. Болезненные уколы пронзали Наташино сердечко, и она мучилась неизвестностью, мечтая лишь об одном: чтобы Марик ни на ком не женился, пока она сама не вырастет и не докажет ему, что она – самая лучшая. Сегодня был последний день учебного года, Наташа закончила седьмой класс, с гордостью положила на стол перед родителями сверкающий пятерками табель и охапку грамот: за отличную учебу и примерное поведение, за активную работу в школьной пионерской организации, за подготовку пионерского отряда 7-го «А» класса к городскому смотру строя и песни, за первое место в соревнованиях по бегу и прыжкам в высоту, за участие в работе школьной художественной самодеятельности, за второе место на городской олимпиаде по истории и за первое – на олимпиаде по химии.

Родители похвалили ее и сообщили радостную новость: в этом году им наконец удастся отдохнуть летом всем вместе. Отцу дали путевку в сочинский санаторий, а мама и Наташа поедут вместе с ним, снимут комнату и будут жить рядом. Люся с ними не поедет, у нее свои планы. Вот это было здорово! Только как быть с вошедшими в привычку летними занятиями? Наташа понимала, что только благодаря этим занятиям она легко усваивает новые знания, самые трудные – по математике и физике. А это дает возможность в течение года тратить на домашние задания куда меньше времени, чем требуется всем остальным, ведь задачи по физике и тригонометрии и длинные примеры по алгебре она щелкает как орешки, освобождая время для всего остального – для спорта, самодеятельности, общественной работы, – словом, для всего того, за что дают грамоты и что делает ее саму заметной фигурой в школе. Не говоря уже о том, что эти занятия – редкая и чудесная возможность проводить время вместе с Мариком, сидеть рядом с ним, слушать его голос, разогревать для него обед и мыть посуду, из которой он ел.

Наташа тут же помчалась к Бэлле Львовне выяснять, собирается ли Марик куда-нибудь уезжать летом, и если собирается, то когда. Оказалось, что Марик с друзьями в июле поедет в Ленинград посмотреть на белые ночи, а в августе он вместе с Бэллой Львовной отправится во Львов к родственникам, но это ненадолго, дней на десять. После этого он еще собирается с двумя товарищами в турпоход на Кавказ, но это пока неточно, все зависит от того, смогут ли эти его товарищи получить на работе отпуск. Марик – учитель, у него отпуск всегда летом, когда в школе каникулы, а его друзья работают в проектно-институте, где все зависит от начальников и от плана.

Наташа с облегчением вздохнула: ее семья поедет в Сочи тоже в августе, так что весь июнь и даже часть июля Марик будет принадлежать ей. Если согласится, конечно.

– Как вы думаете, Бэлла Львовна, Марик сможет со мной позаниматься? – спросила она.

– Думаю, что сможет, – улыбнулась соседка.

Все так удачно складывается, и год закончен успешно, и поездка на море с родителями предстоит, и время для занятий нашлось. Вот только один вопрос мучает Наташу, и никак она не наберется храбрости его задать, но ведь сегодня все так хорошо, просто здорово, может быть, спросить наконец? Она набрала в грудь побольше воздуха и выпалила:

– Бэлла Львовна, у Марика есть невеста?

Соседка, казалось, ничуть не удивилась такому вопросу.

– Насколько я знаю, ничего серьезного у него нет, – спокойно ответила она. – Девушки им, конечно, интересуются, он с ними в кино ходит, в театр, но о женитьбе речь пока не идет. А почему ты спросила?

– Так просто, интересно, – смутилась Наташа.

– Не ври, золотая моя. Ты боишься, что, если Марик женится, он перестанет с тобой заниматься?

«Нет, я вообще боюсь, что он женится, не дождавшись меня!» – хотелось крикнуть Наташе, но она только промямлила:

– Ну да... И вообще, а вдруг он женится и переедет жить в другое место? Я буду скучать по нему, он мне как брат.

– Не беспокойся, – Бэлла Львовна почему-то усмехнулась, – в ближайшее время этого не случится.

Она помолчала и, глядя куда-то в сторону, вдруг добавила:

– Марик у нас однолюб. К сожалению.

Сердце у Наташи упало. Однолюб... Значит, он кого-то любит и на всех остальных внимания не обращает. Но если любит, то почему не женится на ней? Может быть, она его не замечает? Или вообще она замужем. К своим четырнадцати годам Наташа уже прочла достаточно книг и посмотрела достаточно фильмов, чтобы примерно представлять себе, какие драмы разыгрываются из-за неразделенной любви или из-за невозможности по каким-то причинам быть вместе. Ведь и она сама страдает от этой неразделенной любви. Вот уже сколько лет для нее существует только Марик, а он этого даже не замечает.

– Кстати о женитьбах, – добавила Бэлла Львовна, – ты знаешь, что у нас осенью, вероятно, появится новый сосед? Ниночка выходит замуж.

– Правда? – обрадовалась Наташа. – А за кого?

– Знаю только, что его зовут Николай и что он работает на заводе.

– Ой, Бэлла Львовна, и откуда вы все самая первая узнаете?

– Да как же первая, золотая моя, вся квартира знает, что Нина выходит замуж. Целую неделю только об этом и разговоры.

– Да? – совершенно искренне удивилась Наташа. – Я ничего не слышала.

– Ну когда же тебе слышать, ты у нас вся в учебе и в общественной работе. Просто ради интереса попробуй вспомнить, когда ты Нину в последний раз видела?

– Нину?

Наташа задумалась. А в самом деле, когда? Она очень хорошо помнит, что видела Нину в потрясающем брючном костюме из темно-синего с красными полосками кримплена и в голубой блузке. На ногах – синие лаковые туфельки с тупым носом и на широком каблуке. Не девушка – картинка из модного журнала! Но когда же это было-то? Дней пять назад? Или четыре?

– Я видела ее на днях, она еще в брючном костюме была, – неуверенно ответила Наташа.

– В синем с красными полосками? – уточнила Бэлла Львовна. – Так это, золотая моя, было на Девятое мая, Нина в гости ходила. С тех пор она этот костюм не надевала.

– Да не может быть!

– Я тебе точно говорю. Вот полюбуйся, – Бэлла Львовна распахнула створки тяжелого дубового шкафа, – костюм с тех пор здесь так и висит, Нина его ни разу не брала.

– А почему он у вас? – не поняла Наташа.

– Из соображений безопасности. Полина Михайловна грозит его ножницами разрезать и на помойку выкинуть. Дескать, где это видано, чтобы женщины в штанах ходили, как мужики. Она считает, что это неприлично. Так что Ниночку нашу ты не видела по меньшей мере три недели, а ты говоришь – «на днях»! И еще удивляешься, что все новости мимо тебя проходят.

Ну надо же! Три недели пролетели так незаметно! Конечно, перед концом учебного года у Наташи было много хлопот, она же председатель совета отряда и обязана позаботиться о том, чтобы в ее отряде было как можно меньше отстающих, стало быть, надо было угова-

ривать и убеждать троечников усиленно заниматься и исправлять плохие оценки, надо было искать среди отличников тех, кто возьмется подтянуть их в максимально короткие сроки. Сама Наташа добровольно взялась помочь двум девочкам по русскому языку и одному отпетому двоечнику по химии, сидела с ними после уроков, вдалбливала правила, писала на доске формулы. Ну и результат, как говорится, налицо: девочки исправили тройки на четверки, а двоечник с грехом пополам справился с лабораторной работой по химии и один раз вполне прилично ответил у доски, за что был отмечен учительницей, поставившей ему за год тройку вместо давно запланированной пары. Таким образом, в пионерском отряде, которым командовала Наташа Казанцева, не оказалось за год ни одной двойки ни по одному предмету, а по количеству пятерок и четверок они заняли первое место в пионерской дружине школы имени Поленова, чего, собственно, Наташа и добивалась.

То, что Ниночка выходит замуж за какого-то Колю, это хорошо. Наташе станет спокойнее, ей почему-то становилось не по себе, когда Марик оказывался рядом с Ниночкой, будто искры какие-то между ними пробегали. А вот то, что Марик – однолюб, это плохо. Кого же он любит? Уж не Нину ли? Да нет, оборвала Наташа сама себя, не может быть. Если бы он любил Нину, он бы на ней женился. А может быть, она его совсем не любит? Нет, непонятно. Как можно не любить Марика, такого чудесного, такого умного и красивого, такого доброго и веселого? Он лучше всех на свете. Наверное, он любит какую-то женщину, которая понимает, что Марик – самый лучший, но не может выйти за него, потому что у нее уже есть муж.

С этого дня Наташа стала внимательно присматриваться к Марику, пытаясь уловить какие-нибудь приметы того, что он страдает от безответной любви. Вот он задумался, остановился на середине фразы, объясняя ей очередной раздел по физике, и смотрит куда-то в сторону, наверное, вспоминает о Ней...

– О чем ты думаешь? – тут же спрашивает Наташа.

– О том, как лучше объяснить тебе эту формулу. Я, кажется, не с того начал. Давай попробуем еще раз.

Вот он во время занятий беспокойно посматривает на часы.

– Ты торопишься? – спрашивает она.

– Не совсем... Но хотелось бы сегодня пораньше закончить.

– Почему? У тебя свидание с девушкой?

– Да нет, не в этом дело.

– А в чем? – допытывается Наташа.

– Мне дали один журнал, я должен его прочесть и завтра утром вернуть.

– А что в журнале? Что-то интересное?

– Роман Булгакова «Мастер и Маргарита». Мне так повезло, что я его достал! Правда, всего на одну ночь.

Журнал и в самом деле лежит на столе, сквозь мутную кальку, в которую он обернут, голубеет обложка. Наташа недоверчиво открывает его – «Москва», 1967 год, номер 1.

– Так он же старый! – возмущается она. – Позапрошлогодний. Я думала, это что-то новенькое, а это старье какое-то.

– Старье! Что ты понимаешь? Я за ним больше года гонялся, в четыре очереди записывался, чтобы прочитать, вот наконец повезло. Это такой роман, такой... ты не представляешь!

– Какой – такой? – не отставала Наташа. – Интересный?

– Туся, книга совсем не обязательно должна быть интересной, чтобы люди стремились ее прочитать. То есть нет, я не так объясняю... Вот ерунда какая, совсем запутался. Ты «Трех мушкетеров» читала?

– Конечно, ты же мне сам давал эту книгу.

– Тебе интересно было читать?

– Ну... – Наташа поколебалась, обдумывая ответ, потому что «Три мушкетера» ей совсем не понравились: сплошные политические интриги и война, поплакать не над чем. – В общем да, интересно.

– И тебе хотелось бы перечитать роман еще раз?

– А зачем? – удивилась Наташа. – Я же знаю, чем там все кончится.

– Вот видишь, книга, казалось бы, интересная, а перечитывать ее не хочется, потому что сюжет тебе известен. А кроме сюжета, там ничего и нет.

– А что должно быть еще, кроме сюжета?

– Бывает еще кое-что. Не во всех книгах, конечно, но в некоторых бывает. Что-то такое помимо сюжета, и, сколько бы раз ты ее ни перечитывал, каждый раз открываешь что-то новое, то, что раньше пропустил, или не заметил, или не понял. Второй пласт, третий, десятый... Вот «Мастер и Маргарита» как раз такая книга и есть. Я уже один раз ее читал, теперь хочу перечитать.

– Я тоже хочу прочесть, – решительно заявила Наташа.

– Не получится. Я должен завтра утром журнал вернуть, на него большая очередь, и завтра его уже другой человек возьмет. И потом, тебе еще рано читать такие романы, ты ничего не поймешь.

– Что же я, тупая, по-твоему? – с обидой произнесла Наташа.

– Тусенька, ты не тупая, ты очень умная и развитая девочка, просто ты еще маленькая.

– Я не маленькая, мне уже четырнадцать лет! Меня на следующий год в комсомол примут. Джульетте вообще тринадцать было, когда она с Ромео обвенчалась.

– Ну, для комсомола ты уже достаточно большая, а для Булгакова еще маленькая. А что касается Джульетты, то для Ромео она, конечно, была уже взрослой, ему самому-то всего лет пятнадцать было. А вот если бы ему было двадцать пять, она казалась бы ему совсем ребенком. Все, Туся, давай не будем отвлекаться, у нас по плану на сегодня задачи по оптике. Сейчас их порешаем и на этом закончим.

Дома Наташа спряталась в своем закутке, который стал куда более просторным с тех пор, как из него убрали Люсин диван, и принялась разглядывать себя в висящем на стене зеркале. Волосы в последние годы стали заметно темнеть, раньше они были совсем светлые, а теперь наливаются медно-рыжим оттенком, как у мамы и Люси. Но это – единственное, что у нее от мамы, во всем остальном Наташа – настоящая папина дочка, и нос такой же, прямой и широкий, и губы, и лоб. Почему Люсе так повезло? У нее все от мамы – и тонкие черты лица, и тонкая фигурка, и большие глаза. И даже волосы вьются так же красиво, как у мамы на фотографиях двадцатилетней давности. У Наташи же волосы прямые, жесткие и фигура крепкая, с широкими плечами. Правда, учитель физкультуры говорит, что у нее сложение идеальное для занятий спортом, но ей-то что с этого, не собирается же она становиться олимпийской чемпионкой, она физкультуру терпеть не может, а на тренировки и на соревнования ходит только потому, что у нее результаты хорошие, а результат – это победа, а победа – это грамота. И для авторитета полезно. Наташа уже знает, куда будет поступать – во ВГИК, а туда конкурс безумный, талантливых много, а мест мало, поэтому важно, с чем ты придешь в приемную комиссию, только с одним желанием учиться или с рекомендацией горкома комсомола. А чтобы такую рекомендацию получить, надо стараться, стараться и стараться, это ей еще Бэлла Львовна много лет назад объяснила.

Да, для спорта фигура, может, и подходящая, а вот для модных вещей, которые покупают родители ее подруге Инне Левиной, Наташино сложение не очень-то годится. Инка и ее сестра Мила обожают переодевания, и, когда Наташа приходит к подруге, ей всегда дают примерить новые тряпочки. Сестры Левины в них выглядят как кинозвезды, а на себя Наташа наденет – ну урод уродом. Даже жалко! Поэтому она не очень и страдает оттого, что

ее собственные родители не покупают ей таких вещей, все равно она в них «не выглядит». А не покупают они модную одежду Наташе не потому, что денег нет, а потому, что достать ее нелегко. Ведь в магазине тот же брючный костюм, или белую шубку из искусственного меха, или кримпленовое платье, или хорошие туфельки просто так не купишь, надо знать, где и когда их выбросят, или иметь блат, чтобы из-под прилавка продали. У мамы с папой такого блага нет, вот и ходит Наташа одетая кое-как, то есть добротно, но немодно. Разве может она понравиться Марику в таком виде? Он ведь сам сказал: если бы Ромео было двадцать пять лет, он бы тринадцатилетнюю Джульетту даже не заметил бы. Надо хотя бы прическу сделать более взрослою, а то косы эти...

Решено, завтра же она позвонит тете Рите Брагиной и сходит к ней в парикмахерскую. Ниночка регулярно бежит к ней стричься, тетя Рита, как и обещала, пропускает бывшую соседку без очереди. Пусть и Наташу подстрижет.

* * *

Двадцать четыре дня, проведенные в Сочи с родителями, стали для нее настоящим праздником. Им несказанно повезло, комнату удалось снять в первый же день, хотя Казанцевы готовы были к длительным поискам, зная и по собственному опыту, и по опыту знакомых, что порой приходится две-три ночи провести на вокзале или на пляже, прежде чем найдешь постоянное место для ночлега. Справедливости ради стоит сказать, конечно, что нашли они не отдельную комнату, а всего лишь две койки в комнате, где, кроме Галины Васильевны и Наташи, жила еще приехавшая откуда-то с Урала женщина с маленьким сыном. Но и это было чудесно! Ведь комната же, настоящая комната, а не сарай, где ютилась целая семья из пяти человек, и не раскладушка в саду под грушевыми и яблоневыми деревьями. На этих раскладушках спят какие-то молодые мужчины, Наташа видит их каждое утро и с сочувствием думает о том, где же они, бедненькие, переодеваются и хранят свои вещи.

Наташа вскакивала ни свет ни заря, умывалась из приколоченного к дереву рукомойника и мчалась на пляж занимать место при помощи двух старых истончившихся от долгой жизни одеял. В первый день они с мамой и отцом долго спорили, где лучше: поближе к морю или, наоборот, поближе к высокому каменному парапету. Родители считали, что лучше находиться рядом с парапетом, по крайней мере, мимо них не будут без конца ходить люди, наступая не только на одеяла, но и на ноги, а то и на голову. Наташа же хотела быть поближе к воде, чтобы, даже загорая, слышать шум моря и вдыхать его особый, чуть горьковатый запах. Родители победили в этом споре, сказав дочери, что если ей так хочется моря, то пусть побольше плавают или сидит у кромки воды.

Дорога до пляжа неблизкая, занимает почти полчаса, но утром она девочке в радость, потому что идти приходится вниз, да и нежарко еще, солнце только-только встало. Зато уход с моря превращался в каторгу: вверх по раскаленному жарой асфальту, все мышцы гудят от непривычно долгого плавания. Отец к обеду уходил в свой санаторий и оставался там до четырех часов, это называлось «тихий час», а Наташа с мамой шли в столовую обедать. Бесконечно длинная очередь, терпеливо дожидавшаяся на солнцепеке возможности войти в душное, тесное, пропахшее комбижиром помещение, потом грязные мокрые подносы, липкие тарелки и приборы, отчаянные попытки найти два свободных места за одним столом, невкусная еда и почти совсем несладкий компот на десерт – все это не вызывало у Наташи ни ужаса, ни отвращения, более того, ей ужасно нравилось. Нравилось, что можно стоять в очереди в одном купальнике, только уже на самом пороге столовой накидывая легкий халатик, нравилось, что можно выбирать еду, а не есть то, что дают, пусть даже выбирать всего из трех супов на первое и четырех блюд на второе, но все-таки выбирать, потому что дома ведь не выберешь, что мама приготовит, то и съешь. Нравилось, что можно не мыть за собой

посуду. И вообще, каждый день ходить в настоящую столовую – это ведь почти то же самое, что каждый день обедать в ресторане. Прямо как в кино про взрослую жизнь!

Ужинали они дома, покупали на рынке картошку, помидоры, огурцы и зелень, хозяйка им попалась добрая и разрешала пользоваться керосинкой на кухне и кастрюлькой. А две алюминиевые мисочки, вилки, ложки и нож они привезли из Москвы, мама и раньше ездила отдыхать «дикарем» и знала, что нужно брать с собой.

Но самым сладостным становился для Наташи вечер, когда многочисленные приезжие, снимавшие койки у их хозяйки, собирались в саду за длинным деревянным столом, пили чай и вино, ели арбуз и вели всякие разговоры. Напитки и арбуз ее мало привлекали, гораздо интереснее было послушать разговоры, всякие жизненные истории, анекдоты. И кроме того, там был Вадик, высокий, черноволосый, темноглазый, до того похожий на Марика, что Наташа глаз с него не сводила. Вадик приехал с родителями из Мурманска, он впервые в жизни оказался под южным солнцем, непривычная к загару кожа его сразу же обгорела, и ему приходилось сидеть на пляже в рубашке с длинными рукавами. Наташа его от души жалела, он казался ей таким несчастным! Возможно, днем так и было, но вечером Вадик оживал, распрямлялся и уже ничем не напоминал того юношу, который тоскливо сидел на пляже в тени, закутавшись в рубашку и прикрыв ноги полотенцем (обожженная кожа чутко реагировала даже на те жалкие остатки солнечных лучей, которые просачивались сквозь тонкие реечки длинного навеса). Его родители шутили, что их сын – истинное дитя полярной ночи и хорошо чувствует себя только в темноте, ведь поженились они в начале марта, когда полярная ночь еще не кончилась, а родился Вадик в декабре, когда ночь уже наступила.

Однажды, примерно через неделю после Наташиного приезда, Вадик встал из-за стола, где проходили вечерние посиделки, обогнул его и подошел к Наташе.

– Пойдем погуляем, – предложил он так легко и свободно, словно был знаком с ней всю жизнь, – чего с ними сидеть.

– Мне надо у мамы отпроситься.

Наташа с готовностью встала, собираясь подойти к матери. Она была совсем не против погулять с этим мальчиком, так похожим на Марика, только гораздо моложе.

– Не надо, я сам, – остановил ее Вадик.

– Что – сам? – не поняла Наташа.

– Я сам попрошу разрешения у твоей мамы погулять с тобой.

Наташа рот раскрыла от изумления, а когда закрыла – Вадик уже стоял возле Галины Васильевны и что-то тихо говорил ей. Мама улыбалась и кивала, потом повернулась, искала глазами дочь, снова улыбнулась ей и кивнула. Разрешение получено.

– Слушай, а почему ты это сделал? – спросила Наташа, едва они закрыли за собой калитку и ступили на дорогу, ведущую к центру города.

– Что я сделал?

– Пошел к моей маме меня отпрашивать. Думаешь, если бы я сама попросила, она бы меня не отпустила с тобой гулять? Думаешь, я еще маленькая?

– Я не знаю, маленькая ты или большая, а я уже взрослый и должен сам отвечать за свои поступки. Раз я тебя пригласил, я должен нести за это всю ответственность. Меня так отец учил, – ответил Вадик совершенно серьезно.

– А сколько тебе лет?

– Мне? Пятнадцать.

С ума сойти! Да он всего на год старше ее, а уже чувствует себя совсем взрослым, и разговаривает, как взрослый, и ведет себя соответственно.

– А твой папа – он кто? – поинтересовалась Наташа.

– Он морской офицер.

В его голосе звучала такая гордость, что Наташа не решилась больше задавать вопросы, хотя ей очень хотелось выяснить, чем отцы – морские офицеры отличаются от всех остальных отцов и почему воспитывают своих сыновей не так, как те отцы, которых Наташа знала.

Они долго шли по неосвященной дороге, о чем-то болтали, рассказывали о своих школьных друзьях, обменивались впечатлениями о виденных кинофильмах и о прочитанных книгах. Про кино Наташа знала куда больше, ведь она не только фильмы смотрела, но и журнал «Советский экран» чуть не до дыр зачитывала и могла со знанием дела рассказывать про Василия Ланового и Татьяну Самойлову, Алексея Баталова и Наталью Варлей, и не только про них, но и про Жана Маре и Милен Демонжо, которых все знали после «Трех мушкетеров» и «Фантомаса». А вот по части книг Вадик явно превосходил ее, и Наташа во время этих ставших ежедневными вечерних прогулок не раз вспоминала Бэллу Львовну. Ну и Марика, разумеется! О нем она никогда не забывала.

Самое большое потрясение Наташа испытала, когда Вадик на лестнице подал ей руку.

– Ты что? – испуганно спросила она. – Зачем это?

– На лестнице мужчина должен подать даме руку в любом случае, а уж на темной лестнице – тем более.

– Выходит, ты – мужчина?

– А кто же я, женщина, что ли? – засмеялся Вадик.

– А я – дама, так, по-твоему?

– Ну не кавалер же! Слушай, у вас в Москве все такие темные?

– Почему темные? – обиделась Наташа. – Просто у нас в Москве эти нежности не в моде. Это у вас в Мурманске женщины – неженки, которых надо за ручку водить, а у нас в Москве женщины сильные и самостоятельные. Понял?

– Ну как не понять! У вас в Москве женщины сильные, зато мужчины слабые, никогда даме не помогут, им это просто в голову не приходит. Давай руку, и пошли вниз, и под ноги смотри, а то споткнешься.

Лестница была длинной, и к последней ступеньке Наташа подумала, что идти, держась за сильную руку, вовсе не противно, даже приятно. А ведь до центра города таких лестниц еще пять. И все длинные. И по всем шести придется еще подниматься на обратном пути.

Через две недели Вадик с родителями уехал, у его отца закончился отпуск, и оставшиеся до отъезда несколько дней Наташа отчаянно скучала по нему, одновременно радуясь тому, что скоро, вот уже совсем скоро увидит Марика. Она сама чувствовала, что сильно изменилась за эти две недели, Вадик сумел-таки каким-то образом внушить ей ощущение собственной женственности и прочно внедрил в ее сознание мысль о том, что быть слабой и нежной и принимать помощь мужчины не только не стыдно, но и во всех смыслах правильно. И не только правильно, но и приятно.

Утром в день отъезда, собирая вещи и надевая вместо купальника и халатика юбку и кофточку, Наташа посмотрела на себя в зеркало и осталась более чем довольна. Рита Брагина сделала ей хорошую стрижку, правда, не тогда, в июне, а перед самым отъездом на юг, когда удалось наконец уломать маму с папой и с кровью вырвать у них разрешение на то, чтобы расстаться с косами. Марик уже уехал с Бэллой Львовной во Львов и новой прически Наташиной не видел. За двадцать четыре дня, проведенных у моря, Наташа не только обрела шоколадный загар, но и похудела, теперь она сама себе казалась тоньше и изящнее. И появилось еще что-то неуловимое, мягкость какая-то, которой раньше не было.

Она уже не хотела ни моря, ни солнца, ни вечерних разговоров в саду, ни прогулок с сыном морского офицера из Мурманска. Она хотела скорей попасть в Москву, в свою квартиру. Она хотела увидеть Марика. Если он отправился в поход, как планировал, то должен был к этому времени вернуться.

* * *

Едва переступив порог квартиры, Наташа почувствовала: что-то не так. В квартире пахло по-другому.

– Ой, как накурено! – всплеснула руками мама. – У кого-то гости, что ли?

– Небось у нашей, – недовольно проворчал отец, доставая ключ и открывая дверь комнаты, – навела мужиков. Я знал, что этим кончится.

Но в квартире стояла тишина, никаких посторонних голосов не слышно. Непохоже, чтобы у Люси были гости.

– Доча, поставь чайник, – попросила мама.

Наташа вышла на кухню и с удивлением увидела незнакомого мужчину. Он сидел на табуретке в голубой майке и в трусах и курил, стряхивая пепел в банку из-под консервов «Бычки в томатном соусе».

– Здравствуйте, – вежливо поздоровалась Наташа.

– Привет.

Мужчина медленно повернулся и окинул ее сонными глазами.

– Вы кто?

– Коля. Николай я. Твой новый сосед. Нинкин муж. А ты кто?

– Наташа. Казанцева, – зачем-то уточнила она. – Мы только что приехали из Сочи.

– Отдыхали, стало быть, – мрачно констатировал Николай и снова отвернулся, погружившись в свои мысли.

Нинкин муж... Слова какие-то незнакомые. Никто в их квартире не называл Нину Нинкой, и слышать такое было непривычно. Неужели и свадьба уже была? Как жалко! Опять Наташа все самое интересное пропустила. Хотя Ниночку понять можно, гораздо удобнее праздновать, когда соседи разъехались, никому не мешаешь, можно по всей квартире гулять, танцевать, петь песни и не бояться, что кто-то уже лег спать.

Вскоре, однако, выяснилось, что никакой свадьбы пока еще не было, она состоится только в сентябре, но поскольку вопрос решенный, то Николай не стал тянуть с переездом и заблаговременно переселился к будущей жене. Через несколько дней для Казанцевых стало очевидным, что сбываются некоторые неприятные пророчества их прозорливой соседки Бэллы Львовны. Ниночкин жених оказался как раз таким человеком, соседства с которым они стремились избежать. Во-первых, он страсть как любил выпить, но при этом категорически не желал употреблять в одиночку и настырно приставал с предложением «принять на грудь по чуть-чуть» сначала к Наташиному отцу, потом к Марику, а потом, не добившись успеха у мужской части обитателей коммунальной квартиры, переключался на женщин, начиная обычно с Галины Васильевны, следом за которой шли Люся (если была дома и соизволяла открыть дверь) и Бэлла Львовна. Но это происходило только в тех случаях, когда дома не было ни Ниночки, ни ее мамы Полины Михайловны, которые с удовольствием составляли ему компанию. Во-вторых, у Николая был громовой голос, который он включал в полную силу, выясняя отношения со своей новой семьей. Вся квартира, замерев от ужаса, слушала буквально через день длинные тирады о том, что «Нинка – лахудра та еще» и что «пусть она спасибо скажет, что я ее такую взял» и с сегодняшнего дня пусть помнят, кто в доме хозяин. Соседи перешептывались, бросая недовольные взгляды на дверь комнаты, из-за которой доносился крик, но понимали, что сделать ничего не могут. Николай кричит не на общей кухне и не в общем коридоре, а у себя дома. Конечно, пока что он здесь не прописан, но это вопрос всего нескольких недель, регистрирует брак с Ниной и тут же пропишется. Александр Иванович, Наташин отец, пытался поговорить с новым соседом, но каждый раз все заканчивалось одинаково.

– Иваныч, ты меня не суди строго, – говорил Николай, покаянно бия себя в грудь, – я мужик простой, на заводе работаю, у нас в цехе такой грохот стоит, что, пока не крикнешь во всю глотку, сам себя не услышишь. Привык, понимаешь ли, громко разговаривать, особенно если меня обижают. А они меня обижают, вот поверь моему слову, прямо через день обижают. Я ж не со зла ору, а от чувств.

– Пьешь много, – строго замечал Александр Иванович, – не дело это. И к соседям пристаешь с выпивкой своей. Сколько раз я тебе говорил: у нас квартира непьющая.

– Ну да, – похохатывал Николай, – а теща моя любезная как же? Полина-то Михайловна ни дня всухую не проживет, и ничего, вы ей замечаний не делаете. Да и Нинка моя выпить не прочь, и опять же ничего, вы ей не препятствуете. А ко мне чего цепляетесь?

– Да я не потому, что ты пьешь, – начинал оправдываться Александр Иванович, – это, в конце концов, твое личное дело, но делай его потихоньку, не приставай к нам, особенно к женщинам.

– А как же? – В этом месте лицо Николая начинало выражать полное недоумение. – Одному, что ли, пить? Это, брат Иваныч, признак алкоголизма, верный признак. Человек, если себя уважает, должен пить в компании.

После нескольких попыток обуздать соседа на него махнули рукой. Аргументов, которые могли бы хоть в чем-то убедить Николая, ни у кого не находилось, а сам Коля так искренне извинялся за доставленные неудобства...

Больше всего дружелюбия к нему проявлял, как ни странно, Марик. Он был единственным, кто мог подолгу разговаривать с Николаем, сидя на кухне поздно вечером, когда все хозяйки заканчивали с готовкой и мытьем посуды.

– Он что, нравится тебе? – ревниво спрашивала Наташа, с горечью думая о том, что никогда ее любимому Марику не приходило в голову вот так же посидеть вечером на кухне и поболтать с ней самой.

– А почему он не должен мне нравиться? – отвечал Марик вопросом на вопрос. – Он такой же человек, как и мы все.

– Нет, он не такой, – горячилась девушка, – он грубый и неотесанный, он пьяница и хулиган. Не понимаю, что у вас может быть общего.

– Вырастешь – поймешь, – тонко улыбался Марик. – А пока запомни: он наш сосед, он живет в нашей квартире и будет жить в ней всегда, и мы ничего не можем с этим поделать. Поэтому надо приспособливаться и делать все возможное, чтобы поддерживать с ним хорошие отношения. Вот я отношусь к Коле по-человечески, и он перестал меня цеплять, перестал навязывать совместную выпивку. А Люся, твоя сестра, наоборот, все время на него фыркает и дает понять, что он не человек, а так, животное какое-то. Это его злит, и он специально к ней цепляется при каждой возможности.

Свадьба Нины и Николая превратилась в кошмар, квартиру заполнили незнакомые мужчины и женщины, быстро перепились, громко бранились, кого-то рвало в туалете, кто-то кого-то ударил, и только совместными усилиями Марика и Наташиного отца с трудом удалось предотвратить кровавый мордобой. Наташа едва сдерживала слезы разочарования: она так ждала этого дня, так готовилась, одолжила у Инки Левиной модное кримпленовое платье, темно-красное с яркими желтыми цветами, а ее сестра Мила дала на один день потрясающие итальянские туфли. Наташе так хотелось хорошо выглядеть, ведь придут гости, все будут нарядные и торжественные, и, может быть, ей удастся сесть рядом с Мариком, который будет весь вечер за ней ухаживать, подкладывать в тарелку салат и наливать лимонад. Но все вышло совсем не так, на Наташу никто внимания не обращал, все пили водку или вино, а лимонада на столе вообще не было. Марик к началу застолья опоздал, он водил своих учеников в музей и появился только часам к пяти, его усадили где-то с краю, далеко от Наташи, а минут через двадцать он ушел к себе, и никто, кроме самой Наташи, этого не заметил. Про-

маявшись в одиночестве еще какое-то время, она тоже сбежала. Разделась в своем закутке, аккуратно сложила платье и туфли, завернула в белую бумагу и отправилась к подружке.

– Ты чего так рано? – округлив глаза, испуганно спросила Инна. – Свадьбу отменили?

– Нет, просто уже все кончилось, – быстро соврала Наташа. – Они с самого утра празднуют. А сейчас все расходятся. Вот, возьми, – она протянула подружке пакет, – платье чистое, я проверила.

Инна небрежно бросила пакет на диван и потянула подругу за руку.

– Ладно, брось, пошли лучше к Милке в комнату, у нее такие пластинки обалденные! Послушаем, пока ее нет.

Они поставили пластинку Ободзинского и с наслаждением погрузились в сладкий голос, с неподдельным трагизмом выводивший:

Только не подведи,
Только не подведи,
Только не отведи глаз.

Слушая эту песню, Наташа всегда представляла себе Марику, именно его глаза были для нее «этими глазами напротив», именно к нему она обращалась, мысленно повторяя вслед за певцом незамысловатые слова модной песенки: «Эти глаза напротив ярче и все темней, эти глаза напротив чайного цвета, эти глаза напротив – пусть пробегут года, эти глаза напротив – сразу и навсегда».

– Да ты чего грустишь? – тормошила ее Инна. – Все в порядке, Нина вышла замуж, теперь она для тебя не опасна. Даже если твой Марик в нее влюблен, все равно ничего не выйдет, так что у тебя еще есть шанс.

– Нет, – покачала головой Наташа, – его мама сказала, что он однолюб. Значит, ему без разницы, замужем она или нет, он все равно будет ее любить.

Инна скинула тапочки и забралась на диван с ногами, она всегда так делала, когда начинался долгий и интересный для нее разговор.

– Слушай, – понизив голос, сказала она, – ты же мне говорила, что твой Марик почти что подружился с этим Колей. Говорила?

– Говорила, – подтвердила Наташа.

– Ну вот, видишь! Если бы он любил Нину, он бы ревновал ее к жениху, а если бы ревновал, то ни за что не подружился бы с ним. Раз он к нему хорошо относится, значит, он не ревнует.

– Ну и что?

– Ну и ничего! Раз он не ревнует Нину, значит, он ее вообще не любит. И можешь успокоиться.

– Ничего себе – успокоиться! Если бы дело было в Нине, я бы успокоилась, она теперь замужем, и Марику все равно ничего не светит, даже если он будет ее любить. А если это не Нина, тогда кто? Я ничего о ней не знаю, а вдруг она свободна? А вдруг он на ней женится?

– Не кричи, – Инна забавно наморщила носик и скорчила подружке рожицу, – что за манера сразу страх нагонять: а вдруг, а вдруг! Ты вот мне скажи, как он вел себя на свадьбе?

– Никак, – пожалала плечами Наташа, – пришел поздно, посидел немножко и ушел.

– По нему видно было, что он переживает?

– Да нет... кажется...

– Непонятно. – Инна переменила позу, усевшись поудобнее и спрятав босые ножки под широкую плиссированную юбку. – С одной стороны, с виду он не страдает, но с другой стороны, немножко посидел и ушел, то есть ему все это было неприятно. Непонятно... Слушай, а почему бы тебе не поговорить с ним, а?

– О чем?

– Об этом. Ну подойди ты к нему и спроси напрямую: мол, Марик, у тебя есть девушка, которую ты любишь? И кто она? Пусть уж он тебе один раз ответит, и ты перестанешь маяться.

– Ты что? – испугалась Наташа. – Как это я спрошу?

– А что? Возьмешь и спросишь. Что в этом такого? Он тебе как старший брат, почему сестра не может задать такой вопрос своему брату? Если бы у меня был брат, я бы все-все-все про его личную жизнь знала. Я про Милкиных ухажеров все знаю, всех видела.

Мгновенная и ставшая привычной зависть снова уколола Наташу: вот если бы у нее с сестрой Люсей были такие отношения, как у Инны с Милой! Люся стала совсем чужой с тех пор, как переехала в отдельную комнату, теперь Наташа по нескольку дней с ней не видится. Но идея, поданная подругой, стала прорастать в ее голове и пускать корни. Один раз она решилась и задала мучивший ее вопрос Бэлле Львовне, но ничего конкретного в ответ не услышала, кроме того, что Марик – однолюб и что девушки им интересуются, но пока не намечается ничего серьезного. А что, если и в самом деле спросить у Марика? Может быть, она напрасно, как выражается Инка, нагоняет страх, и Бэлла Львовна имела в виду, что если уж Марик кого-то полюбит, то это на всю жизнь, но пока такая девушка ему не встретилась. А вдруг... вдруг окажется, что он любит ее, Наташу, только ее, и терпеливо ждет, пока она вырастет и закончит школу. Господи, какое это было бы счастье!

* * *

С того дня Наташа с новой силой принялась наблюдать за Мариком, уделяя особое внимание тому, как он на нее смотрит, как говорит с ней, как гладит по голове. По вечерам, лежа в постели, она снова и снова перебирала в памяти свои наблюдения, выискивая признаки особого отношения к себе со стороны соседа. Иногда такие признаки были налицо, иногда их приходилось собирать по крупицам из всех впечатлений за день, но примерно месяца через два Наташа прочно утвердилась в своих догадках. Напрасно ломала она голову в поисках невидимой соперницы, ее нет и никогда не было, потому что Марик любит ее, Наташу. Тогда чего же он ждет? Почему не скажет ей об этом? Может быть, боится, что она его отвергнет? Вот глупый! Неужели он до сих пор не понял, что он для нее самый лучший и самый любимый? Да, Инка права, надо непременно завести об этом разговор, заставить Марика признаться ей в любви и сказать ему, что она тоже его любит. И все будет чудесно. Они смогут больше не прятать свои чувства друг от друга и от окружающих и будут все свободное время проводить вместе.

Решение было принято, теперь осталось найти подходящий для объяснения момент.

* * *

Очередь в гастрономе на Смоленской площади двигалась медленно, и Наташа, чтобы не скучать, мысленно повторяла список покупок и прикидывала, сколько сдачи останется с пяти рублей, которые дала мама на продукты. Триста граммов колбасы по два рубля двадцать копеек – шестьдесят шесть копеек. Двести граммов сливочного масла по три шестьдесят – семьдесят две копейки. Черный хлеб за четырнадцать и белый батон за тринадцать – двадцать семь. В молочном отделе еще велено взять три пакета молока, синеньких, по шестнадцать копеек, полкило сметаны по рубль пятьдесят – семьдесят пять копеек, и бутылку кефира – еще тридцать. И триста граммов сыра по три рубля за килограмм – девяносто копеек. Потом надо бежать в овощной магазин за картошкой, по десять копеек за килограмм, в пакете три кило, стало быть, еще тридцать копеек. Итого сколько набежало? Четыре рубля

тридцать восемь копеек. Останется еще шестьдесят две копейки, так что можно купить молоко не по шестнадцать копеек, трехпроцентное, а по двадцать пять, в красных пакетиках-пирамидках, в нем шесть процентов жирности, поэтому оно вкуснее, хотя и дороже. И сметану взять не по рубль пятьдесят, а по рубль семьдесят, она хоть не такая кислая и жидкая, а ведь сметана нужна маме для теста, она собирается в выходные что-то испечь, наверное, любимый Наташин торт-медовик, он как раз на сметане делается.

Увлеченная расчетами, она вздрогнула, услышав совсем рядом знакомый голос:

– Девушка, я перед вами занимал, вы не забыли?

Перед ней стоял улыбающийся Марик с авоськой в руке.

– Прихожу с работы, а меня мама в магазин посылает, говорит, мол, Наташа только что побежала в гастроном, иди скорее, может, она еще в очереди стоит. Удачно я успел, да, Туся? Давно стоишь?

Наташа взглянула на маленькие часики на кожаном ремешке – подарок отца ко дню рождения.

– Минут сорок. Вставай передо мной, всего три человека осталось.

– Неправильно мыслишь. Вот тебе рубль, возьми для нас двести граммов «Любительской» колбасы, а я пойду в молочный очередь занимать.

Так, сменяя друг друга в очередях, они купили все необходимое. Марик левой рукой легко подхватил тяжелую Наташину сумку, а правую согнул в локте:

– Хватайся, а то скользко, упадешь.

На улице и в самом деле было скользко, декабрьский мороз лизал ледяным языком щеки и нос, холодный ветер засыпал в глаза мелкую снежную крупу. У Наташи моментально замерзли руки, и только тут она сообразила, что в пылу беготни из очереди в очередь сунула перчатки на самое дно сумки, и теперь для того, чтобы их достать, нужно останавливаться, ставить сумку на тротуар и выкладывать все продукты. Ладно, правую руку она засунет в карман, а вот что делать с левой, которая так хорошо лежит на рукаве у Марика? Не убирать же ее. Ладно, ради такого случая можно и потерпеть, до дома ведь совсем близко.

Однако Марик почти сразу заметил ее покрасневшие пальцы.

– А перчатки где? Потеряла?

– Они в сумке, я их продуктами завалила, – как можно беспечнее отозвалась Наташа. – Да мне и не холодно совсем.

Он остановился, поставил на тротуар Наташину сумку и свою авоську, снял перчатки и протянул ей:

– Возьми, надень, а то лапки отморозишь. Бери, бери, не стесняйся.

– А ты как же?

– А мне не страшно, у меня, как у всех мужчин, кожа толстая.

– Ты обо всех девушках так заботишься? – весело спросила она.

– Не обо всех, а только о некоторых.

– О каких же?

– О самых лучших.

Сердце ее гулко заухало в груди. Вот он, тот момент, когда удобно и уместно задать свой вопрос. Ну же, Наталья, давай, решайся, еще три шага – и дверь подъезда, где они живут.

– Значит, я – самая лучшая? – осторожно спросила она.

– Вне всякого сомнения, – улыбнулся Марик, открывая перед ней дверь.

– Ты не шутишь?

– Ну какие же могут быть шутки. Все знают, что Наташа Казанцева – самая лучшая девушка на свете, спортсменка, комсомолка, отличница и, наконец, просто красавица.

Они уже начали подниматься по лестнице на четвертый этаж, и Наташа чувствовала, что что-то не так, разговор идет по какой-то совсем другой колее и ведет совсем в другую сторону. Осталось пройти всего три этажа. И она решила:

– Марик, а ты кого-нибудь любишь?

И замерла в ужасе перед собственной смелостью.

– Конечно, маму люблю, друзей своих люблю, учеников. И вас всех, моих соседей, тоже люблю.

– Я не это имела в виду. У тебя есть девушка, которую ты любишь?

Марик остановился, удивленно посмотрел на нее:

– Вот это вопрос! Даже и не знаю, что тебе ответить, ты меня совсем ошаршила.

– Ответ правду.

– Зачем? Зачем тебе это знать?

– Мне нужно. Марик, пожалуйста, скажи, мне очень важно это знать.

Лицо его стало неожиданно серьезным. Свободной рукой он погладил Наташу по холодной щеке.

– Туся, никогда не задавай вопрос, если ты не уверена, что готова услышать ответ.

– Но я готова... – запротестовала было Наташа, однако Марик перебил ее:

– Я все сказал. Ты подумай над моими словами. И больше мы это обсуждать не будем, – твердо произнес он.

До квартиры они дошли в полном молчании. «Никогда не задавай вопрос, если не уверена, что готова услышать ответ». Что это должно означать?

* * *

О том, что Ниночка беременна, первой узнала, как всегда, Бэлла Львовна.

– Ты кого хочешь, мальчика или девочку? – приставала к Нине Наташа, которая почему-то страшно обрадовалась. При мысли о том, что в их квартире появится крошечное существо, о котором нужно будет заботиться, у Наташи становилось радостно и тепло на сердце.

– Да мне без разницы, – вяло отмахивалась Нина. – Кто родится – тот и родится.

– А Коля кого хочет?

– Пацана, само собой. Все мужики хотят сыновей.

Теперь Наташа ходила в магазин за продуктами не только для своей семьи, но и для Ниночкиной, ведь Полина Михайловна уже немолодая, да и на работе сильно устает, Нине поднимать тяжести и стоять в душных очередях вредно, а с Коли какой спрос? И если в ванной комнате Нина замачивала белье в тазу, Наташа при первом же удобном случае старалась его постирать. А что такого? Ей не трудно, а Ниночке вредно стоять, согнувшись в три погибели над стиральной доской. Николай, однажды застав Наташу за стиркой своих рубашек, хмыкнул и заявил:

– Решено, начну откладывать с каждой полочки, к лету куплю Нинке стиральную машину. А то пеленки пойдут, распашонки всякие, не вечно же ты ей помогать будешь.

Наташу покорило это «ей». Что значит «ей»? Наташа заботится о Нине просто потому, что больше некому это сделать, Полина Михайловна всегда уставшая и почти каждый вечер пьяненькая, а у Нины, между прочим, муж есть, который обязан ей помогать, но не помогает, пальцем о палец не ударяет, даже за хлебом никогда не ходит, только и знает, что курить на кухне и искать собутыльники. Получается, что Наташа помогает не только Нине, но и ее мужу, делает за него то, что он сам должен был бы делать.

– Ничего, мне не трудно, – сдержанно ответила она, продолжая оттирать изрядно заносенный воротничок Колиной рубашки. – Но если бы ты носил рубашки по три дня, а не по месяцу, мне было бы легче их отстирывать.

– Ишь ты! – фыркнул он. – Мала еще меня поучать. Не больно-то мы нуждаемся в твоей помощи, не хочешь стирать – не надо, в прачечную снесу, там еще лучше постирают и погладят.

Наташа с трудом подавила в себе желание поднять таз с мыльной водой и выплеснуть на соседа. Ну и пусть, она же не для него старается, а для Ниночки и для маленького. А Ниночка всегда благодарит ее за помощь. Правда, как-то вяло и безразлично, но все-таки благодарит. Особенно когда Наташа вместо Нины моет полы в местах общего пользования, надраивает с порошком унитаз, ванну и раковины в ванной и на кухне и отчищает плиту и духовку.

Восьмой класс пролетел для Наташи как одна неделя, она даже толком не успела испугаться предстоящих экзаменов, ведь, помимо учебы и общественной работы, теперь уже не в пионерской, а в комсомольской организации (в том году праздновалось столетие со дня рождения Ленина и двадцатипятилетие Победы, и общественная активность многократно возросла), ей приходилось заниматься хозяйством фактически двух семей. Ну просто ни одной минуты свободной! Она вскакивала в шесть утра и ложилась в одиннадцать, мгновенно засыпала как убитая, и у нее даже не было времени пострадать о Марике.

Экзамены за восьмой класс неотвратимо надвигались, и Наташа вдруг испугалась: она еще никогда не сдавала экзаменов и не знает, что это такое. Одно дело – выучить текущий урок и блестяще ответить у доски, после чего все лишнее можно благополучно забыть, и совсем другое – знать весь пройденный материал одинаково хорошо, уметь доказать любую теорему по геометрии, написать сочинение по любой книге, изученной за последние два года, или связно изложить на французском любую из двадцати тем, в том числе и историю Москвы, биографию и творческий путь русского художника Василия Поленова или характеристику драматургии Жана Батиста Мольера. Когда по французской литературе проходили Мольера, Наташа, конечно, все выучила и ответила так, как надо, но уже на следующий день выбросила выученный текст из головы, освободив место для Бомарше, потом точно так же разделалась с Бомарше, приступив к изучению творчества Бальзака. А теперь нужно держать в голове все одновременно.

Иринка родилась перед самыми экзаменами, 25 мая. Коля с тещей Полиной Михайловной тут же напились и не выходили из увеселенного состояния целую неделю. Когда нужно было забирать Нину с ребенком из роддома, счастливый отец и не менее счастливая бабушка спали непробудным сном. За молодой мамой отправились Бэлла Львовна и Наташа.

Когда Нина увидела, что муж ее не встречает, она расплакалась.

– Колька где? – спросила она сквозь слезы.

– Дома, – осторожно ответила Наташа. – Ты не волнуйся, с ним все в порядке.

– Конечно, в порядке, пьет небось не просыхая. О господи, угораздило же меня...

– Ниночка, ну что же ты расстраиваешься, – вмешалась Бэлла Львовна, – у тебя теперь ребенок, вон какая чудесная девочка, какая красавица, вылитая мама. А глазки у нее какие?

– Черные, как у меня, – всхлипнула Нина и через силу улыбнулась.

– Вот и славно, вот и чудесно, ты теперь только о ребенке думай, а о плохом забудь.

Ты уже решила, как ее назовешь?

– Хочу Ирочкой, Иринкой. Как вы думаете, Бэлла Львовна?

– Замечательное имя, – радостно подхватила та, – просто прекрасное. Будет у нас Ирина Николаевна Савенич.

– Вот еще, придумали тоже, – неожиданно рассердилась Нина. – Не будет она Савенич, будет Маликова, как я. Я ее на свою фамилию запишу, я, когда с Колькой расписывалась, фамилию не меняла.

– Не выдумывай, – строго сказала Бэлла Львовна, – ребенок должен носить фамилию отца. То, что ты не поменяла фамилию, это твое личное дело, хотя я считаю, что ты не права.

Взять фамилию мужа – это означает проявить к нему уважение. Николай у тебя и без того не подарок, а ты его провоцируешь. А потом удивляешься, что он на тебя орет.

Родильный дом имени Грауэрмана находился на проспекте Калинина, от их дома не больше километра, поэтому такси решили не брать и пошли пешком. Ребенка несла Бэлла Львовна, а Ниночка держала в руках огромный букет цветов – Наташа все утро бегала по цветочным магазинам, выбирая более или менее приличные тюльпаны.

Остаток дня прошел в хлопотах, ахах и охах, все сгрудились вокруг кровати, разглядывали малышку, поражались ее сходству с Ниночкой. А на следующий день Наташа сдавала первый экзамен – французский язык.

Она и сама чувствовала, что отвечает не самым лучшим образом, тему помнила плохо, сильно волновалась и от страха забывала слова, которые выучила еще в третьем классе. Когда объявляли оценки, учительница сказала:

– Казанцева – ну, Казанцевой мы поставили «пять» только потому, что она все годы очень хорошо занималась, и мы верим, что она нас не подведет. Но отвечала ты, Наташа, плохо. На троечку. Может, ты заболела?

Наташа отрицательно помотала головой.

– Тогда будем считать, что ты переволновалась. Мы же знаем, что ты хорошо владеешь французским, лучше всех в классе. Но на будущее учти: нужно уметь держать себя в руках и в ответственный момент собраться.

Еще никогда в жизни Наташе Казанцевой не было так стыдно.

* * *

Весь девятый класс Наташа проучилась с ощущением нежно-розового цвета, в который окрашивалось все вокруг. Во-первых, Марик ее любит, теперь она в этом не сомневается, даже несмотря на то, что он не воспользовался предоставленной ему возможностью признаться в этом. Ничего страшного, мужчины все такие, из них слова не вытянешь. Да и разве в словах дело? Она же видит, как он к ней относится, и этого достаточно. Во-вторых, у нее теперь есть Иринка, ее маленькая соседка, о которой можно и нужно заботиться, такая чудесная, такая ласковая и красивая. Наташа каждую свободную минуту проводила с девочкой, сидела с ней, давая Нине возможность сходить куда-нибудь, в кино, например, или к подруге. Наташа была абсолютно счастлива, ведь у нее есть любимый и есть младшая сестренка, которая в ней нуждается. Вот пройдет совсем немного времени, она окончит школу, поступит в институт, они с Мариком поженятся, Иринка подрастет, и Наташа будет водить ее в кино, в театр, в цирк, будет читать ей книжки, учить читать и считать, и все будет так хорошо! Мечты овладевали ею, уводили мысли от учебников и задачников, мешали слушать учителей, объяснявших новый материал, и результат не замедлил сказаться. В первом полугодии в таблице появилось несколько четверок, а за год четверок оказалось куда больше, чем отличных оценок. Комсорг класса Наталья Казанцева перестала быть первой и лучшей в учебе, хотя по-прежнему пользовалась уважением одноклассников.

Увидев таблицу, отец расстроился, но ничего Наташе не сказал, только покачал головой. Мама же пришла в ужас, она успела привыкнуть к тому, что ее дочь – круглая отличница.

– А дальше что будет? – спросила она. – В десятом классе на тройки скатишься? Тебе в институт поступать надо, а ты совсем распустилась, днюешь и ночуешь у Нины, все время проводишь с Иринкой, вместо того чтобы заниматься.

– Ничего не случится, если она не поступит в институт, – вмешался отец. – Она не мальчик, ей армия не грозит. Пойдет поработает годик и снова будет поступать. Наташа у нас девочка упорная и трудолюбивая, она своего добьется, правда, доченька?

– Правда, папа, – с благодарностью ответила она. – Это случайно вышло, честное слово, я даже сама не заметила, как четверки появились. Я буду заниматься все лето, Марик мне поможет. На следующий год это не повторится, я обещаю.

– Марик?

Отец как-то странно взглянул сначала на нее, потом на маму.

– Видишь ли, доченька, я не уверен, что Марик сможет с тобой заниматься этим летом, – осторожно сказал он.

– Но почему?

– Разве ты не знаешь? Марик женится. В конце июня свадьба, и после этого он переедет к жене.

* * *

Из состояния шока Наташа не могла выйти несколько дней. Слава богу, родители отнесли это на счет пестрящего четверками табеля и отнеслись с пониманием к тому, что их шестнадцатилетняя дочь целыми днями лежит на диване, отвернувшись к стене, ничего не ест и ни с кем не разговаривает. Точно так же, как лежала когда-то их старшая дочь Люся, узнав, что Костик женится на другой.

На третий день появилась Инна, девочки договаривались пойти посмотреть новое здание Театра кукол, говорят, там какие-то волшебные часы и вообще все очень классно. Наташа слышала три звонка в дверь, но не встала, Инне открыла Нина. Увидев подругу лежащей на диване с опухшим от слез лицом и темными подглазьями, девушка переполошилась.

– Что случилось, Натуля? Кто-нибудь умер?

– Марик женится, – прорыдала в ответ Наташа.

– На ком?

– Не зна-а-а-ю...

– Когда? – продолжала деловитый допрос Инна.

– Скоро уже, в конце июня.

– Почему так внезапно? Она что, беременна?

– Да откуда я знаю! Мне вообще ничего не говорили.

Инна помолчала, потом распахнула настежь окна, отдернула занавески, впуская в комнату летнее солнце.

– Ну и что теперь, будешь так лежать и плакать всю оставшуюся жизнь?

– Я жить не хочу, – простонала Наташа. – Я покончу с собой, я этого не вынесу.

– Не валяй дурака, – спокойно заявила Инна, усаживаясь за письменный столик. – Марик твой, конечно, сволочь, не дождался тебя, но, с другой стороны, может, он тебя и не любил, а?

– Любил! Я точно знаю.

– Откуда? Он тебе говорил об этом? Не говорил. Ты это сама придумала. Ты очень хотела, чтобы он тебя любил, и принимала желаемое за действительное. Все, Натуля, кончай это безобразие, вставай, умывайся, одевайся, пошли куда-нибудь ходим. Мне в честь окончания девятого класса предки червончик подбросили и Милка пятерку подарила, у нас с тобой целых пятнадцать рублей. Можно в кафе сходить, в «Московское» или в «Космос», там такие коктейли – закачаешься!

– Не нужны мне твои коктейли...

– А что тебе нужно? А, поняла, тебе нужен Марик. Послушай, Натуля, ты еще совсем неопытная...

– Можно подумать, ты очень опытная, – огрызнулась Наташа, снова собираясь залиться слезами.

– Я – да, я – опытная, – не моргнув глазом подтвердила Инна. – Потому что я все время в кого-нибудь влюбляюсь, а потом разочаровываюсь или сама парня бросаю, или он меня, это уж как получится. Я знаешь какая закаленная? Меня теперь голыми руками не возьмешь. Думаешь, я не переживала, когда Витька Романов из пятьдесят девятой школы меня бросил и стал с Верой Кравченко ходить? А ведь у нас такая любовь была, такая любовь! Целый год не разлучались, все время вместе были, даже уроки вместе делали. Ну и что? Повеситься мне теперь? А ты всю жизнь была влюблена только в одного своего Марику, на других парней внимания не обращала, тебя никогда никто не бросал, вот тебе и кажется, что настала всемирная трагедия. А это совсем не трагедия, можешь мне поверить. Неприятно, конечно, и противно, что и говорить. Но не смертельно. Давай-давай, поднимайся.

– Ты не понимаешь...

– Хорошо, я согласна, я не понимаю, – терпеливо говорила Инна, стаскивая с Наташи одеяло, за которое та судорожно цеплялась, – я полная дура и не понимаю, что твоя любовь к Марику – это совсем не то же самое, что моя любовь к Витьке Романову. У тебя любовь особенная, и Марик твой особенный, и ты сама не такая, как все. Согласна. Но это не означает, что теперь ты должна лежать на своем диванчике и горько плакать, в то время как жизнь идет своим чередом и, между прочим, проходит мимо. В «Художественном» идет новая комедия, называется «Семь стариков и одна девушка», там Смирнитский играет, такая лапочка – закачаешься! Во МХАТе новый спектакль, «Дульсинья Тобосская», в главной роли сам Ефремов, билетов не достать, но я могу папу попросить, он нам сделает. Между прочим, мой папа машину купил, «Жигули», она в точности как итальянский «Фиат», совсем новая модель, у нас в стране раньше таких не было. Можно его попросить, и он нас покатает. Мы с Милкой вчера весь вечер катались, когда он с работы пришел. Знаешь, как классно? Кстати, Милка достала потрясающий парик с локонами, ей так идет – обалдеть! Можно пойти к нам примерить его.

Наташа поневоле вслушивалась в неторопливую Инкину речь, слова подруги одновременно убаюкивали, делая душевную боль не такой смертельной, и пробуждали интерес к жизни. Все-таки Наташа была обыкновенной шестнадцатилетней девушкой, для которой любовь, конечно, стоит на первом месте, но на втором, третьем и десятом местах тоже находятся вполне привлекательные вещи. Сочетая длинный непрерывный монолог с активными действиями, Инне удалось дотащить подругу до ванной, умыться ей, напоить чаем и даже запихнуть в отнекивающуюся Наташу два бутерброда с «Докторской» колбасой.

– А теперь одевайся, пойдем гулять, – скомандовала Инна.

– Я не хочу... У меня нет сил.

– А ты через «не хочу». Пошли сначала ко мне, выберем что-нибудь модненькое, потом прошвырнемся по Калининскому и пойдем по бульварам. Мне Милка одну кафешку показала, ее туда очередной ухажер водил, там такие пирожные – закачаешься! Как раз на Гоголевском бульваре.

Через час девушки бодро шагали по проспекту Калинина, разглядывая витрины универмагов «Москвичка» и «Весна». Наташе Инна дала свою белую водолазку – писк моды в этом сезоне – и клетчатую юбку в складку, сама же надела извлеченные из шкафа сестры брюки с жилеткой и водолазку шоколадного цвета, такую шелковистую на ощупь, что хотелось все время гладить ее пальцами. Они прогулялись по бульварам, съели в кафе по два эклера и выпили по чашке кофе с молоком, сходили в кино – в маленьком кинотеатре у Никитских Ворот, где шли старые фильмы, посмотрели «Разные судьбы» с Татьяной Пилецкой и Юлианом Паничем. Обе девушки видели этот фильм впервые и всю дорогу домой горячо обсуждали личную жизнь героев. Инна особый упор делала на то, что уж как герой Панича страстно любил героиню Пилецкой, уж как переживал, когда она ему изменила, даже

жить не хотел, а потом все наладилось, он встретил другую девушку, в сто раз лучше, добрее и умнее.

– Вижу, к чему ты клонишь, – горько усмехалась Наташа. – Только никого добрее, умнее и лучше Марика на свете нет. Так что не намекай.

– Да откуда ты знаешь, есть или нет, – горячилась в ответ Инна, – кого ты видела в своей жизни, кроме Марика? Ты же ни на кого внимания не обращала, один Марик для тебя – свет в окошке. Ты хоть раз с парнем в кино ходила?

– Ходила.

– Да? С кем это, интересно знать? – недоверчиво прищурилась Инна.

– С Вадиком.

– С каким еще Вадиком?

– Ну там, в Сочи, два года назад, помнишь, я тебе рассказывала. Вадик из Мурманска.

– Ах этот... Этот не в счет.

– Почему не в счет? – удивилась Наташа.

– Он за тобой не ухаживал.

– А... – начала Наташа и вдруг осеклась.

И в самом деле, ухаживал Вадик за ней или нет? Тогда, в Сочи, ей казалось, что они просто проводят вместе вечера, потому что оказались единственными близкими по возрасту жильцами одного дома. Вадик, уезжая, даже адреса ее не попросил и писем писать не обещал. Однако теперь, пройдя через пристальное наблюдение за поведением Марика и испуганные поиски признаков влюбленности с его стороны, Наташа стала понимать, что те же самые признаки можно было увидеть и в поступках и словах ее южного приятеля. А ведь он почти такой же красивый, как Марик, и умный, книжек много читал, и воспитанный, и добрый. Только он намного моложе Марика, а в остальном... Может быть, Инка не так уж и не права, утверждая, что Марик на свете не единственный? От этой мысли ей стало почему-то грустно. Выходит, ничего необыкновенного в Марике нет, и где-то на Земле, а может быть, даже и по Москве ходят такие же, как он, чудесные, умные, красивые и добрые.

* * *

Все лето Наташа провела вместе с Инной на даче у Левиных в Подмосковье. Она набрала с собой учебников для десятого класса с твердым намерением заниматься каждый день. Все равно Марик женится и уедет из их квартиры, а годовалую Иринуку Нина увезла куда-то в деревню, к родственникам Николая. Инна только плечами пожала, увидев перевязанную бечевкой стопку учебников, взятых у кого-то из выпускников (новые будут выдавать в школе только в сентябре).

– Ты что, серьезно? – спросила она, насмешливо глядя на подругу.

– А что? Я всегда летом занимаюсь, ты же знаешь. И потом, я папе слово дала, что в десятом классе у меня не будет ни одной четверки в табеле.

– Ну смотри, – Инна притворно вздохнула. – Жалко, конечно, но ничего не поделаешь, раз ты слово дала.

– А что? – забеспокоилась Наташа. – Я не понимаю, о чем ты.

– Наташа, да ты хоть представляешь себе, что такое лето в дачном поселке, где живут одни профессора, академики и известные артисты?

– Не представляю, – честно призналась Наташа. – У нас нет дачи, я только к тебе иногда приезжаю, да и то зимой, на лыжах кататься.

– Вот то-то и оно! Ладно, что я тебе буду рассказывать, сама увидишь.

И Наташа увидела. На много лет запертая любовью к Марику и непомерным честолюбием в четырех стенах своей квартиры, она даже не подозревала, что есть и такая жизнь,

полная веселья, шумных компаний, анекдотов, песен под гитару и танцев под магнитофонные записи зарубежных певцов и ансамблей. Она не знала, что можно гулять всю ночь и ложиться только на рассвете, что можно ездить на родительской машине на озеро купаться, жарить шашлыки на берегу, сидеть по вечерам у костра и обмениваться долгими многозначительными взглядами с сидящим напротив сыном врача из Кремлевской больницы или с сыном известного кинорежиссера, а потом бродить с ним, взявшись за руки, по извилистой тропинке вдоль леса, с замиранием сердца думая: «Обнимет или не обнимет? Поцелует или не решится?» Никаких ограничений и запретов на поздние возвращения не налагалось, присматривала за девочками Инкина тетка, с пониманием относившаяся к юношеским забавам и твердо знающая из многолетнего опыта дачной жизни, что в таком почтенном respectable окружении ничего плохого с ее подопечными случиться не может.

Учебники, естественно, были забыты, и мысль о женитьбе Марика не вызывала больше отчаянной боли во всем теле. Так, небольшой укол где-то в области сердца. Спихватилась Наташа только в начале августа, когда из подъехавшей к дому машины Инкиного отца Бориса Моисеевича Левина вылез Александр Иванович, отец Наташи.

– Ну, как вы тут? – добродушно осведомился отец, оглядывая огромный, поросший соснами участок и просторный деревянный дом. – Борис Моисеевич давно меня звал вас поведать, вот, наконец, выбрался. Как, Анна Моисеевна, не очень вам хлопотно с двумя-то девицами на выданье?

Анна Моисеевна, маленькая и кругленькая, как булочка, звонко расхохоталась и замахала руками:

– Что вы, Александр Иванович, какие с ними хлопоты, сами себе приготовят, сами за собой уберут. А у вас вообще не девочка, а клад, все умеет, и печет, и жарит, и варенье варит, и штопает, и огурцы солить умеет. Мне бы такую помощницу каждое лето на один месяц, я бы горя не знала – и вашу семью, и Боренькину, и свою на всю зиму вареньями-солениями обеспечила. Мы с Наташенькой уже сорок банок смородины накрутили и огурцов банок пятнадцать. С завтрашнего дня за капусту возьмемся.

– А у вас свой огород? – удивился Александр Иванович, оглядываясь. – Я не заметил.

– Да что вы, какой огород, на участке ни одной грядки нет, только кусты, вот смородину красную и черную и крыжовник я отвоевала, а больше Боря ничего не разрешает сажать. Мы все на базаре покупаем, здесь дешевле, чем в городе, да и дом большой, места много, есть где развернуться. А в городской кухне разве столько варенья наварить? А капусты столько нашинкуешь?

– Ну, славно, славно, – приговаривал Александр Иванович, выслушивая похвалы в адрес своей дочери. – А с занятиями как? Продвигается дело?

– Да, потихоньку, – промямлила Наташа, мечтая только об одном: не покраснеть и не выдать себя.

Отец пробыл на даче до вечера, вместе с Борисом Моисеевичем стучал молотком, занимаясь починкой полок в погребе, съездил с ним на базар за капустой, выдал Анне Моисеевне деньги за Наташино питание, от которых та шумно и яростно отказывалась, утверждая, что съедает девочка на копейку, а помощи от нее на сто рублей и что, если бы не Наташа, ей, Анне Моисеевне, пришлось бы приглашать помощницу из местных жительниц и платить ей бешеные деньги. Однако Александр Иванович увещеваниям не внял, положил конверт с деньгами на стол, помахал всем рукой и отбыл вместе с отцом Инны на сверкающих новеньких белых «Жигулях».

– Мне заниматься надо, – растерянно пробормотала Наташа, глядя вслед удаляющейся машине. – Всего месяц остался.

– Да брось ты, – беспечно махнула рукой Инна. – Ты же способная, ты и так в течение года будешь нормально учиться, если перестанешь все время думать о Марике.

– Нет, – Наташа упрямо покачала головой, – так нельзя. Надо заниматься. Я папе обещала.

– И что, не будешь теперь по вечерам с нами гулять?

– Буду. Заниматься можно и днем.

– А тетке помогать? А купаться на озере? А шашлыки?

– Инка, не расхолаживай меня! – засмеялась Наташа. – Я знаю все твои хитрости и уловки. Время для занятий найти можно, было бы желание. В конце концов, можно отказаться от озера и от шашлыков.

– Ну как знаешь.

Слово свое Наташа сдержала, перестала ездить с ребятами на озеро, выкроив по четыре-пять часов в день для занятий математикой, физикой и химией. Без Марика это оказалось непросто, он умел понятно объяснять, и с его помощью самые трудные темы представляли легкими и доступными. Но Наташа, лежа на одеяле под кустом смородины, упорно продиралась сквозь испещренные формулами страницы учебников, решала задачи, и постепенно в голове прояснялось, и каждая формула укладывалась на свое место, и каждое правило становилось на свою полочку. «Вот и хорошо, – сердито думала девушка, сравнивая приведенный в конце задачника ответ с тем, который получился у нее в тетради, и убеждаясь, что задача решена правильно, – вот и ладно, и без вас обойдусь, Марк Аркадьевич, не очень-то и хотелось. Сама справлюсь. А вы там развлекайтесь со своей молодой женой».

* * *

Ей отчего-то казалось, что жена у Марика должна непременно быть уродливой и глупой, и скорее всего она старше его лет на пять, а лучше на десять. На свадьбу Наташа не пошла, заблаговременно спрятавшись от тяжкого мероприятия на даче у Левиных, так что на невесту ей взглянуть не довелось. Но к концу лета злость как-то утихла, и появилось нормальное человеческое любопытство, диктовавшее Наташе жгучее желание увидеть соперницу. Какая она? Красивая или нет? Толстая или худая? Высокая или маленькая? Блондинка или брюнетка? Старая или юная? И вообще, кто она такая, откуда взялась, давно ли Марик ее знает?

На некоторые вопросы ответила Бэлла Львовна, поведав Наташе, что Танечка – дочь ее давних знакомых, девочка из очень хорошей семьи, и Марик знает ее с детства. Танечке двадцать три года (стало быть, она моложе Марика), она как раз в этом году закончила медицинский институт имени Семашко по специальности «стоматология», она, конечно, не красавица, но зато умница и прекрасная хозяйка. И как жаль, что Наташа уехала из Москвы и не была на свадьбе, на Танечке было такое изумительное платье, с пышной юбкой и кружевами, и длинная фата до самого пола.

– Да ты ее увидишь, в субботу они придут ко мне на обед, – сказала Бэлла Львовна. – Я могу рассчитывать, что ты мне поможешь? Хочу сделать фаршированную рыбу, а с ней столько возни!

– Конечно, – с готовностью отозвалась Наташа. – Может, мне торт испечь? «Наполеон», Марик его любит.

– Испеки, – радостно согласилась соседка.

Ну вот, мало того что эта пресловутая Танечка не красавица, так Наташа наверняка ее за пояс заткнет своим фирменным тортом. Этот торт даже Анна Моисеевна хвалила, просила рецепт для нее оставить, а уж она-то кулинарка каких поискать. И еще Наташа сделает чудесное ореховое печенье с изюмом, которое ее научила печь Анна Моисеевна.

– Ты что, с ума сошла? – презрительно фыркнула Инна, когда Наташа поделилась с подругой своими планами. – Зачем тебе это нужно?

– Ну как... – растерялась Наташа.

Зачем ей это нужно? Чтобы Марик увидел и понял... Увидел и понял что? Что она лучше его Танечки? А что, раньше у него не было возможности их сравнить? Разве раньше он никогда не ел собственноручно испеченный ею торт «Наполеон»? Ел, и еще как! И нахваливал. Разве раньше он не видел Наташу? Не разговаривал с ней? Да он шестнадцать лет рядом с ней прожил, и глупо надеяться на то, что он чего-то там в ней не разглядел. И почему Инка всегда умеет заставить ее по-другому посмотреть на очевидные, казалось бы, вещи?

– Инка, и почему ты такая умная? – улыбнулась Наташа. – Ведь мы с тобой одноклассницы, ровесницы, а мне иногда кажется, что ты старше меня раза в два. Или даже в три.

– Во мне живет вековая мудрость многострадального еврейского народа, – расхохоталась Инна.

– Чего-чего в тебе живет?

– Ничего, тебе не понять. Это тетя Аня так всегда говорит.

Фразу Наташа запомнила, но вникать в ее смысл в данный момент не стала – времени не было, пора было идти гулять с Иринкой, которую несколько дней назад привезли из деревни, да и в магазин надо сбегать за изюмом и орехами, печенье она все равно испечет, раз уж решила.

Встреча с соперницей прошла на удивление спокойно и легко, Танечка оказалась, вопреки оценке свекрови, очень симпатичной, с огромными темно-серыми глазами, обрамленными густыми длинными ресницами, с нежным цветом лица и непокорными каштановыми кудрями, рассыпающимися по плечам. Единственным дефектом ее внешности был слишком крупный и длинный нос и явно излишняя полнота, но это с лихвой компенсировалось доброжелательностью, которую буквально источала новоиспеченная жена Марика. Сам Марик казался напряженным и чем-то озабоченным, и Наташе даже показалось, что он испытывает чувство вины. Неужели перед ней, Наташей? Любил ее, а женился на другой. Прямо как в кино.

– Как давно я тебя не видел, Туся, – говорил Марик с вымученной улыбкой.

– Три месяца, – уточнила Наташа, мысленно отметив, что и при жене он продолжает называть ее ласковым именем.

– Ты стала такая взрослая... Как мама, папа? Здоровы?

– И вполне благополучны. У них все в порядке, спасибо.

– А Люся? Как у нее дела?

– Понятия не имею. – Наташа пожала плечами. – Она перед нами не отчитывается и ничего нам не рассказывает, ты же знаешь.

– Да, знаю. А соседи наши как поживают? Нина, Коля?

– Ну что Коля. – Наташа вздохнула. – Коля в своем репертуаре: или сидит на кухне, курит и заполняет карточки «Спортлото», или поддает. Ребенком совсем не занимается. Полина Михайловна тоже, как обычно, напивается каждый вечер и спит. Нина справляется пока, а как дальше будет – не знаю. Она собирается Иринку в ясли отдавать. Да что ты спрашиваешь, Марик, ты ведь всего два месяца здесь не живешь, а что могло измениться за два месяца? Все как было, так и осталось.

Наташа добросовестно отвечала, но видела, что Марик ее ответы совсем неинтересны и вопросы свои он задает из вежливости, чтобы за столом не повисла тишина. Мысли его витают где-то далеко-далеко, и не сказать, чтобы мысли эти были приятными.

После субботнего обеда у Бэллы Львовны Наташа заметно успокоилась. Она вдруг отчетливо и ясно осознала, что изменить ничего нельзя, что все сложилось так, как сложилось, что Марик сознательно и добровольно сделал свой выбор, и тот факт, что выбор этот оказался не в пользу Наташи, надо просто принять и смириться с ним. И жить дальше.

* * *

С женитьбой Марика и его переездом к жене в жизни Наташи образовалась некая пустота, которую она изо всех сил заполняла учебой и общественной работой, а также возней с маленькой Иринкой. Девочка росла непослушной, капризной, любила от души поорать и пореветь, и Наташу по нескольку раз за вечер звали на подмогу, ибо справиться с ребенком удавалось только ей. Марик и Таня регулярно приходили на субботние обеды к Бэлле Львовне, и с каждым разом Наташа чувствовала, что боль ее утихает, становится все глуше, теряет остроту. А к маю, когда началась интенсивная подготовка к выпускным экзаменам, она и вовсе перестала убиваться из-за того, что Марик женился. Ну женился и женился, пусть живет с Танечкой долго и счастливо.

Двадцать пятого июня, ровно через месяц после того, как всей квартирой отметили Иринкин второй день рождения, Наташа Казанцева получила на торжественном собрании в актовом зале школы свой аттестат зрелости, в котором не было ничего, кроме пятерок.

А еще через два дня ей позвонил Марик.

– Туся, мне надо с тобой встретиться.

– Так приезжай, я дома, – радостно откликнулась Наташа.

– Нет, Тусенька, только не дома. Давай встретимся и погуляем. У меня к тебе серьезный разговор.

Голова у Наташи закружилась от волнения. Вот оно, то, чего она втайне ждала и на что надеялась. Он понял, что поторопился с женитьбой, он не любит свою Танечку и не хочет жить с ней, он не может без Наташи. И сейчас, буквально через сорок минут, он скажет ей об этом.

К назначенному месту Наташа летела на крыльях, Марик попросил ее прийти в скверик возле церкви у Никитских Ворот. Он уже ждал ее. «Господи, какой же он красивый», – с восторгом думала Наташа, издалека увидев его, одетого в модные джинсы и черную водолазку.

– Туся, у меня к тебе два сообщения и две просьбы, – начал он без предисловий, глядя на Наташу запавшими потухшими глазами, в которых застыл страх, смешанный с тоской.

– Твои просьбы я выполняю, чего бы это ни стоило. А какие сообщения? Хорошие?

– Не знаю. Тебе решать. О господи, Туся, – внезапно простонал он, – если бы ты знала, как мне тяжело.

Он опустил на скамейку и закрыл лицо руками. Наташе показалось, что Марик плачет, и она испуганно обняла его и принялась гладить по волосам.

– Ну что ты, Марик, не надо, успокойся.

Он поднял голову и благодарно посмотрел на нее.

– Ты думаешь, я плачу? Если бы я умел плакать, мне было бы легче. В общем, Туся, не будем откладывать неприятный разговор. Я уезжаю.

– Куда? В отпуск?

– Туся, я уезжаю. Навсегда.

– В другой город? – догадалась Наташа.

– В другую страну. Мы с Танечкой уезжаем в Израиль. У нее там родственники, и нам разрешили выезд для воссоединения семьи.

У Наташи задрожали ноги, и она машинально оперлась локтями на колени, чтобы не было заметно, как ходит ходуном юбка. Да, она знала, что еще год назад евреям разрешили выезжать из СССР, Инка много об этом говорила, рассказывая, как то одни, то другие знакомые их семьи уезжают. Но все это происходило с людьми, которых Наташа не знала и никогда не видела. И вот теперь Марик...

– А когда ты вернешься? – тупо спросила она.

– Никогда. Туся, туда дают билет только в один конец. Я уеду и больше никогда не вернусь. И никогда больше не увижу маму. И тебя не увижу.

– Но почему, Марик? Разве тебе здесь плохо?

– А разве хорошо? Мне не дали поступить в институт, в котором я хотел учиться, мне не дали и никогда не дадут заниматься тем делом, которое я люблю. Мне всю жизнь давали понять, что я – еврей, а значит – неполноценный и бесправный.

– Но, может быть...

– Не может, Тусенька. Мы расстанемся навсегда.

Она вдруг поверила и поняла, что цепляться за надежду бессмысленно. Надежды нет.

– Когда? – глухо спросила Наташа.

– Послезавтра.

– А как же Бэлла Львовна? Она с вами не поедет?

– Нет, она отказалась. Не хочет уезжать. И в связи с этим у меня к тебе первая просьба: не бросай ее, Туся. Позаботься о ней. Она пока еще относительно молода, ей пятьдесят два, но с возрастом приходят болезни, немощь... Я буду спокоен, если буду знать, что ты рядом с ней. Ты можешь мне это пообещать?

– Конечно, Марик. А какая вторая просьба?

– Погоди.

Он помолчал какое-то время, потом достал из кармана бумажник и извлек маленькую фотографию. На снимке черноволосый черноглазый ребенок лет двух сидел на деревянной лошадке. Иринка.

– Ой, когда это снимали? – удивилась Наташа. – И где? У Иринки нет такой лошадки.

– Это не Иринка. Это я.

– Ты?

– Да, Туся, это я. Мне было два года, когда мой папа незадолго до смерти меня сфотографировал. Мы с Иринкой – одно лицо. Теперь ты понимаешь?

– Нет.

Она действительно не понимала. Марик молчал, и через какое-то время до Наташи стал доходить смысл происходящего.

– Ты... – неуверенно начала она, – ты хочешь сказать, что Иринка – твоя дочь?

– Да, именно это я и хочу сказать. И моя вторая просьба касается Иринки. Позаботься о ней тоже, на Нину никакой надежды, она легкомысленная, выпить любит. Не бросай мою дочь, я прошу тебя. Моя мама тебе поможет, если нужно, она все знает.

– А Коля как же? Он знает о том, что Иринка не от него?

– Слава богу, нет. Иринка такая же черненькая, как Ниночка, и все думают, что она просто похожа на свою маму. Боюсь, что и Нина не знает, от кого из нас двоих она родила. Туся, это сложно объяснить, но... Нина собиралась замуж, ей хотелось ярко провести последние свободные деньки, а с Николаем она... в общем, она уже была близка с ним. Но ей хотелось еще чего-то, сильных впечатлений, что ли. Не знаю... Она давно хотела, чтобы я на ней женился.

– Ты? На ней?

От изумления Наташа даже забыла обо всем остальном.

– Ну да. Она хотела, чтобы я на ней женился, все время оказывала мне знаки внимания, пыталась соблазнить. Тогда, в августе, все разъехались, моей мамы не было, вас тоже, Люся не в счет, она из своей комнаты почти не выходила. Турпоход наш не состоялся, я был в Москве. Вот тогда все и случилось. Нина сказала, что у меня есть единственный шанс, если я на ней женюсь, она пошлет к черту своего Николая. Я ответил, что не могу, моя мама этот брак не одобрит. Да и ее мама, Полина Михайловна, была бы против, она ведь у нас

яровая антисемитка. Не мог же я сказать Ниночке, что она мне совсем не нравится. То есть она красивая, привлекательная и все такое, но жить с ней всю жизнь я не хотел. Мы долго разговаривали, а потом все кончилось... сама понимаешь как. На следующий день в нашу квартиру вселился Коля. Вот и все.

– Надо же, – Наташа разгладила на коленях юбку, не зная, куда девать руки, – а я думала, что Ниночка тебе нравится, что ты в нее влюблен.

– И ревновала? – грустно улыбнулся Марик.

– А разве было видно?

– Только слепой не заметил бы. Тусенька, через два дня я уеду и больше никогда тебя не увижу, поэтому сейчас я отвечу на тот вопрос, который ты мне когда-то задавала. Помнишь?

– Помню, – кивнула она, замирая от предчувствия неотвратимо надвигающейся катастрофы. Вот сейчас он признается наконец, что любил и любит ее, а через два дня уедет навсегда. И что потом со всем этим делать? Как жить, зная, что любимый и любящий тебя человек недосыгаем никогда и ни при каких условиях?

– Ты спросила, есть ли девушка, которую я люблю.

– Да, я помню.

– Такая девушка есть. Я и сейчас ее люблю. Это твоя сестра Люся.

– Люся?!

– Ты удивлена? Моя мама знала. Больше никто. Даже Люся не знала. Она вообще меня не замечала, ведь я младше ее. А ты так похожа на нее, Туся. Я разговаривал с тобой, а видел ее.

Они еще долго сидели в скверике, то говорили, то молчали. Потом Марик проводил Наташу до троллейбусной остановки, на прощанье обнял ее и поцеловал.

– Ты будешь самым лучшим моим воспоминанием, я тебя никогда не забуду, – дрогнувшим голосом произнес Марик.

– Я тоже тебя не забуду.

Она проглотила слезы и поднялась на ступеньку троллейбуса. Обернувшись, поймала взгляд его темных выпуклых глаз.

– Я тебя люблю. Я давно хотела тебе сказать...

– Я знаю.

Лицо его странно дернулось, Марик резко повернулся и пошел прочь.

Дома Наташа первым делом заглянула к Нине, подошла к детской кроватке, взяла малышку на руки. Боже мой, да она – вылитый Марик, как же никто этого до сих пор не заметил?

– Я никогда тебя не брошу, – шептала она в крохотное розовое ушко. – Я всегда буду рядом с тобой, что бы ни случилось.

– *Меня хотят убить.*

– *С чего ты взял?*

– *Знаю.*

– *Тебе открыто угрожали?*

– *Нет, но...*

– *Может быть, тебе показалось? Приснилось?*

– *Не делай из меня придурка! Намекаешь на то, что я много пью?*

– *И на это тоже.*

– *Послушай, я говорю серьезно. Мне стало известно, что меня собираются убить. Никто мне не угрожает, они в открытую не действуют, обстригают свои делишки потихоньку. Ты должен мне помочь.*

– *Как?*

– Не мне тебя учить. Ты сам знаешь, как. Я назову тебе имена, а ты уж сам решиай. Я на тебя надеюсь. Если ты не поможешь – никто не поможет. Сделаешь?

– Конечно. Давай имена.

Часть 2

Игорь, 1972–1984 гг.

– Мама, а папа увидит Никсона? – задал Игорь вопрос, который мучил его уже второй день.

В мае 1972 года президент США Ричард Никсон приезжает с визитом в СССР, а отца Игоря, Виктора Федоровича Мащенко, переводят на работу в Москву, так что всей семье придется переезжать из Ленинграда. Правда, отец уезжает уже сейчас, в апреле, а Игорь с мамой пока остается, чтобы мальчик мог закончить учебный год, а уж с сентября он пойдет в четвертый класс в новой школе в Москве.

– Не знаю, сынок. Вряд ли, – рассеянно ответила мама.

Она была занята тем, что аккуратно складывала в большой чемодан рубашки мужа. Игорь уже сделал уроки и прикидывал, чем бы ему заняться: то ли одному в кино сходить, то ли зайти за приятелем, живущим в соседнем доме, и позвать его погулять. Можно вообще никуда не идти, а помочь маме собирать папины вещи. Тоже интересное занятие. Он достал из шкафа сложенные стопкой отцовские шерстяные вещи – два свитера, теплую фуфайку и красивую красную жилетку.

– Не нужно, сынок, положи на место, – улыбнулась мама.

– Почему? – удивился мальчик. – Разве в Москве не бывает холодно?

– Сейчас папа возьмет с собой только то, что ему нужно на ближайший месяц. В начале июня мы с тобой приедем и привезем все остальное. Все равно нам нужно будет заказывать контейнер для мебели и вещей, зачем же папе на себе лишнюю тяжесть таскать.

Он обиженно засопел и стал засовывать вещи на полку. Ну и пожалуйста, не хотите помощи – не надо, тогда он в кино пойдет.

– Мам, дай на кино, – попросил он. – И на мороженое.

– А уроки?

– Я уже сделал.

– Ладно. Значит, не поедешь со мной?

– Куда? – встрепенулся Игорь.

– Папу встречать. Я поеду на машине, потому что папа должен забрать с работы все свои книги и бумаги.

– Я с тобой!

Кататься на машине Игорь любил, но больше всего ему нравилось, когда их красные «Жигули» вела мама, ведь это так необычно – женщина за рулем, в Ленинграде такое нечасто увидишь, все оглядываются, смотрят с интересом, а мама при этом такая красивая и модная, и Игорь так гордится ею! Ему кажется, что, находясь рядом с такой необычной женщиной, он и сам становится необычным в глазах окружающих.

От проспекта Непокоренных, где они живут, до университета путь неблизкий, и всю дорогу можно посвятить вопросам, на которые маме придется отвечать, потому что в машине нет телефона, по которому она постоянно с кем-нибудь разговаривает.

– А мы в Москве где будем жить? Возле Кремля?

– Вряд ли, сынок. Скорее всего, где-нибудь в новостройках.

– А там метро есть?

– Ну а как же! В Москве очень красивое метро.

– Лучше нашего? – ревниво уточнил Игорь.

– Сам увидишь.

– А в Оружейную палату пойдём?

– Обязательно.

– А в Большой театр?

– Сходим, если билеты достанем.

– Достанем, – уверенно пообещал Игорь, – ведь в Мариинский папа всегда билеты достает.

– Сынок, то – Ленинград, а то – Москва. Здесь у нашего папы есть связи, и он может все достать. А в Москве их пока нет. Так что насчет Большого театра ничего не обещаю.

Отец уже ждал их у входа в университет на набережной. Рядом с ним стояли еще двое мужчин, и у всех троих в руках были папки и огромные связки книг. Снег еще не совсем растаял, тротуары грязные и мокрые, и свою поклажу они держат на весу. Сидя на заднем сиденье, Игорь наблюдал, как книги и папки укладывают в багажник, потом папа прощается с мужчинами, пожимает им руки, они обнимаются. Лицо у Виктора Федоровича грустное, и пока машина едет по Дворцовому мосту, он несколько раз оборачивается и смотрит на здание университета. Игорь не понимает причину этой грусти, ведь впереди – переезд, Москва, новые приключения и новые впечатления.

– Грустишь? – тихонько спросила мама.

– Сама понимаешь, пятнадцать лет жизни здесь провел, – ответил отец. – Сначала учился, потом аспирантура, потом преподавал. Привык.

– Ничего, и в Москве привыкнешь, – бодро сказал Игорь. – А у меня в Москве будет своя комната? А моя новая школа будет далеко от дома? А кинотеатр там есть?

* * *

Сначала все складывалось именно так, как Игорю мечталось. В новой московской квартире у него была своя комната, мама водила его на прогулку в Кремль, в Оружейную палату, в Третьяковскую галерею и в музей, на спектакль в Кукольный театр Образцова и еще в один, на Спартаковской улице, и в Театр юного зрителя. И все было таким необычным и так непохожим на Ленинград! Даже улицы и дома были совсем другими.

Но наступило 1 сентября, и с ним – первое жестокое разочарование. Игорь так ждал этого дня, он был уверен, что к нему, как к новичку, приехавшему из Ленинграда, из города-героя, колыбели Революции, все отнесутся с интересом, будут расспрашивать, он окажется в центре внимания и станет со знанием дела рассказывать москвичам про Эрмитаж, про крейсер «Аврора», про Петродворец и про то, как ночью разводят мосты над Невой. И, разумеется, после первого же дня в новой школе он обзаведется новыми друзьями, вместе с которыми будет ходить в кино, играть в футбол летом и кататься на коньках зимой. Но все вышло совсем не так.

Мама уже давно показала ему, где находится школа, это совсем недалеко от их дома, и 1 сентября Игорь заявил, что провожать его не нужно, он вполне справится сам.

– Не забудь, – несколько раз повторила мама, – твой класс – четвертый «Б», учительницу зовут Зоя Николаевна.

На школьном дворе ученики выстроились на торжественную линейку. В первый момент Игорь растерялся и даже пожалел, что отказался от маминой помощи. Где искать свой класс? Им хорошо, они все друг друга знают, а ему как быть?

– А где четвертый «Б»? – спросил он дрожащим голосом у какой-то толстой тетки в сером костюме, торопливо пробиравшейся сквозь толпу.

– Вон там, – она махнула рукой куда-то в сторону. – Ты новенький, что ли?

– Да, я из Ленинграда.

Но на тетку сообщение о том, что он из Ленинграда, не произвело ни малейшего впечатления.

– Вон туда иди, видишь, где Зоя Николаевна стоит, высокая такая, с белой косынкой, – равнодушно бросила она и куда-то умчалась.

Высокую женщину с белой косынкой на шее Игорь увидел и радостно направился прямо к ней.

– Я Игорь Мащенко, – заявил он без предисловий.

– И что? – Зоя Николаевна недоуменно приподняла тонкие выщипанные брови над круглыми глазами.

– Я новенький.

– Ах да... Хорошо, иди встань вместе с классом.

Ребята оживленно разговаривали, обмениваясь впечатлениями о летних каникулах. Им было о чем поговорить, ведь они три месяца не виделись! И даже не заметили, что к ним подошел какой-то незнакомый мальчик.

Линейка закончилась, директор торжественно потрясла медным колокольчиком, что должно было означать первый звонок на первый в новом учебном году урок, и все весело повалили в школьное здание. Игорь понуро плелся сзади.

В классе он попытался усесться за последнюю парту в дальнем ряду, возле окна, в ленинградской школе он всегда сидел именно на этом месте, но подошедший вихрастый мальчишка бесцеремонно шлепнул перед ним свой пузатый портфельчик со словами:

– Это наше место. Вали отсюда.

Рядом с вихрастым стоял еще один пацан, маленького росточка, со злыми глазками. На лице его явственно читалось: «Вот только попробуй не встань, вот только попробуй».

Игорь встал и принялся озираться в поисках другого места. Все парты уже были заняты, единственное свободное место оказалось на первой парте, прямо перед столом учительницы, но садиться туда Игорю не хотелось.

– Тише, дети! – закричала Зоя Николаевна, жестом успокаивая галдящий класс. – Сели все по местам! Быстренько! У нас в классе новенький, его зовут Игорь...

– Мащенко, – быстро подсказал Игорь.

– Игорь Мащенко. Игорь, ты хорошо учился?

– Нормально, – растерялся он.

– Ну вот и хорошо, будешь сидеть с Сашей Колбиным. Я надеюсь, вы подружитесь, и ты будешь помогать Саше с уроками.

С этими словами Зоя Николаевна показала рукой на ту самую первую парту, за которой он так не хотел сидеть.

Класс разразился дружным ржанием, но Игорь не понял, что такого смешного сказала учительница. И только через несколько дней до него дошло, в чем дело. Саша Колбин был посмешищем всего класса, с ним не хотели сидеть вместе, и тем более никто не хотел с ним дружить. Толстый, неопрятный, в очках, только частично компенсировавших сильную близорукость, Колбин вдобавок был непроходимым тупицей, не вылезавшим из двоек, за что и получил среди одноклассников прозвище Колобашка. На переменках ребята, пробегая мимо Игоря по коридору или школьному двору, весело спрашивали:

– Ну как Колобашка? Правда, клевый?

Или предупреждали:

– Смотри, не провоняйся от Колобашки.

И, не дожидаясь ответа, бежали дальше, к своим совместным играм и развлечениям в компаниях, сложившихся и устоявшихся еще с первого класса. Новенький как таковой им был неинтересен, и про Ленинград никто его не спрашивал. Оказывается, как раз этим летом они всем классом ездили на десять дней в Ленинград и все видели своими глазами: и белые ночи, и разводящиеся мосты, и Эрмитаж, и крейсер «Аврора». Игорь оказался обреченным на общение с тупым Колобашкой, которого не интересовало ничего, кроме хоккея.

Но именно с хоккея все и началось. В сентябре проходила хоккейная суперсерия СССР – НХЛ, игры транслировали по телевизору, и, измученный собственной отверженностью, Игорь в отчаянии пригласил Колобашку к себе домой смотреть матч. Трансляции шли поздно вечером, и ему пришлось просить маму, чтобы та позвонила родителям Колбина. Уж о чем они там разговаривали, Игорь не слышал, но результат его ошарашил: в гости к семье Машенко явилось все семейство Колбиных в полном составе – мама, папа, старший брат и сам Колобашка.

– Мы так рады, что у Сашеньки наконец появился друг в школе, – чирикала Колобашкина мама. – А то он все один да один, ни с кем не дружит.

Колобашку, как самого слабовидящего, усадили прямо перед экраном.

– Во клевое! – не переставал восторгаться Саша. – Никогда по такому классному телику хоккеем не смотрел.

Телевизор у Машенко и впрямь был отличный, цветной, с большим экраном, фирмы «Грюндиг». Наши хоккеисты победили со счетом 7:3, и стены квартиры, да и всего дома в тот вечер содрогались то от рева восхищения, то от стонов отчаяния.

На другой день к Игорю в школе подошел Гена Потоцкий, тот самый вихрастый паренек, который прогнал его с задней парты возле окна.

– Колобашка сказал, что смотрел вчера хоккей у тебя дома. Врет, нет?

– Смотрел, – подтвердил Игорь, замирая от страха и одновременно от радости. К нему впервые обратился кто-то, кроме ненавистного Колобашки. И не просто кто-то, а сам Генка Потоцкий. За несколько дней Игорь успел понять, что Генка – самый авторитетный в классе, как скажет – так и будет.

– Он говорит, у тебя телик клевый. Врет, нет?

– «Грюндиг», – неумело пытаюсь скрыть гордость, заявил Игорь.

– Ух ты! А чего ты с Колобашкой сидишь? Убогих любишь?

– Так больше не с кем сидеть, других мест нет. Зоя Николаевна меня посадила, вот и сижу, – простодушно объяснил Игорь.

– Заметано, – таинственно подмигнул Генка.

Когда ребята вернулись в класс после переменки, Потоцкий подошел к пареньку, сидящему за партией прямо перед ним.

– Колян, освободи место, пересядь к Колобашке.

– Почему? – в ужасе закричал тот. – Я не хочу, я здесь сижу.

– Ну пересядь, будь человеком. А то побью, – пригрозил Потоцкий.

– Игорь, иди сюда, с нами сидеть будешь.

Дома у Генки телевизор был не хуже, настоящий «Филипс», он тоже, как и Игорь, имел возможность видеть в цвете мельчайшие детали знаменитых хоккейных матчей, в том числе и надписи на клюшках игроков. Оба мальчика первыми в классе стали делать из спичечных коробков миниатюрные клюшечки с надписями «КОНО», «ТИТАН» и «JAFE» и со знанием дела обсуждали ход игры, пересыпая свою речь фамилиями Михайлова, Петрова, Харламова, Якушева, Старшинова, Кузькина и Викулова.

Игорь и опомниться не успел, как оказался третьим членом компании, состоявшей из Генки Потоцкого и заправского хулигана Жеки Замятина, того самого низкорослого, со злыми глазками. Еще долгое время Игорь ловил на себе несчастный и растерянный взгляд Колобашки, который не понимал, почему его отвергли, и надеялся на то, что новый друг еще вернется к нему. Первое время Игоря это смущало, но вскоре новые друзья совершенно вытеснили из его памяти дни, проведенные в обществе никчемного и всеми презираемого полуслеплого тупицы.

* * *

– Ты больше не дружишь с Сашей? – как-то спросил папа.

Игорь даже не понял сперва, о ком идет речь, и только потом догадался, что отец имеет в виду Колобашку.

– Нет, – нехотя ответил он.

– Почему? Вы поссорились?

– Мы не ссорились. Просто он... скучный.

– Понятно, – кивнул отец. – И с кем же ты теперь дружишь?

– С Генкой и с Жекой.

– А поподробнее нельзя?

– Ну чего подробнее... – Игорь задумался. – Генку в классе все уважают, как он скажет – так и будет.

– За что уважают? – продолжал допрос отец. – Он отличник?

– Да нет, он как я учусь, на пятерки и четверки. И тройки бывают тоже.

– Так за что же его уважают? Может, он хороший спортсмен? В секцию ходит?

– Ни в какую секцию он не ходит. Просто уважают, и все.

– Ладно, а кто такой Жека?

– Замятин. Он в «чижика» лучше всех играет. И в «трясучку».

– В «трясучку»? Что это за игра? – приподнял брови отец.

Игорь прикусил язык. Черт, надо же было так проболтаться! Играть в «трясучку» в школе строжайше запрещали и нарушителей запрета сурово наказывали. Генка Потоцкий, правда, и тут был исключением, ловили его за игрой регулярно, но почему-то ему все сходило с рук. Как же теперь выкручиваться?

– Игорь, ты мне не ответил, – настойчиво сказал Виктор Федорович. – Что это за игра такая?

– Это... ну... монетки подбрасывать. И угадывать, орел или орешка.

– Решка, а не орешка, – поправил отец. – Поподробнее, если можешь.

Игорь нехотя принялся объяснять, что можно играть на две монетки по 5 копеек, а можно на четыре по 2, и тогда приходится договариваться, как играть, «на все или на много». Иногда даже пускают в ход десяти- и двадцатикопеечные монеты, но это в основном делают ребята постарше.

– Это же игра на деньги! – возмутился Виктор Федорович, выслушав невнятные объяснения сына. – Неужели в вашей школе это разрешают?

Пришлось признаваться, что, конечно, не разрешают.

– И ты тоже играешь?

– Нет, – соврал Игорь.

– А Генка твой с Жекой, выходит, играют?

Выхода не было, он все равно уже протрепался, что Жека – лучший по «трясучке». Сейчас отец рассердится и запретит ему дружить с ребятами. Что же теперь делать?

Но вопреки опасениям отец вовсе не рассердился, только спросил:

– И что бывает с теми, кого поймают за игрой?

– К директору вызывают. Потом родителей тоже вызывают. В дневник записывают. Оценки за поведение снижают.

– Значит, твоих друзей регулярно за это наказывают?

– Только Жеку. Генке ни разу ничего не было.

– А почему?

– Генку учителя любят. И вообще, его уважают.

Больше отец к этому разговору не возвращался, и Игорь успокоился.

Через несколько дней уже уснувший было Игорь вдруг проснулся около полуночи и побрел в туалет. Проходя мимо кухни, услышал за закрытой дверью голоса родителей и замер, когда до него донеслось произнесенное отцом имя Генки Потоцкого.

– Ну что ты хочешь, Лизонька, у него отец – дипломат, два срока пробыл в Швейцарии, а до этого был в Аргентине. Разумеется, он купил всю школу с потрохами. У него же карманы набиты чеками Внешпосылторга, он всем учителям достает дефицит по мелочи, кому духи, кому помаду, кому лекарства, поэтому Генке все с рук сходит.

– Это ужасно! – вздохнула мама. – Такой мальчик может испортить нам Игорька. Может, перевести его в другую школу?

– Не говори глупости. Генка, как я понял, ничего плохого не делает и сам привилегиями родителей не пользуется, учится нормально, я специально узнавал. А то, что его не наказывают и все ему прощают, так это вина учителей, сам парень тут ни при чем.

– Господи, я не понимаю, за что же его в классе так уважают-то? Он что, свою правоту силой доказывает?

– Лизонька, ну как же ты не понимаешь таких простых вещей! Мы живем в закрытом обществе, для каждого из нас заграница – это сказочная мечта. И тут вдруг появляется мальчик, который родился и до семи лет жил в Швейцарии, у которого дом набит импортной техникой, а на полках стоят самые дефицитные книги. Конечно, этот мальчик не может в нашей советской школе не стать чем-то особенным. Вот он и стал. Если бы это была школа, в которой учатся дети сотрудников аппарата ЦК и внуки членов Политбюро, так на Генку этого никто и внимания бы не обратил, там все такие. Но наш с тобой сын ходит в самую обычную московскую школу, так что удивляться тут нечему.

– А ты точно уверен, что Генка не будет плохо влиять на Игоря?

– Да помилуй, Лизонька, ну в чем он может повлиять? Гена – самый обычный мальчик, в меру хулиганистый, как и положено для его возраста, в меру усердный в учебе. Он очень много читает, это все учителя отметили. А что же ты хотела, чтобы наш Игорек дружил с этим чудовищным Сашей, который двух слов связать не может?

– Нет. – Мама снова вздохнула, – Саша мне тоже не понравился. Пусть уж лучше Генка, раз ты считаешь, что ничего страшного...

– Я тебя уверяю, – твердо сказал Виктор Федорович, – ничего страшного. Но если ты волнуешься, я познакомлюсь с его родителями и посмотрю, что там за обстановка в семье.

Не в силах больше терпеть, Игорь проскочил в туалет и не дослушал, чем же закончится такой интересный разговор между родителями. Впрочем, из их слов он понял далеко не все. Но главное усек: против дружбы с Генкой родители не возражают, за то, что бросил Колобашку, на него не сердятся, и папа собирается знакомиться с Генкиными родителями.

На следующий день Игорь подкараулил Генку по дороге в школу.

– Слушай, – понизив голос, сказал он, – у меня к тебе важное дело. Мои предки собираются знакомиться с твоими. Я случайно вчера услышал, как они разговаривали.

– Ну и пусть. – Генка беспечно махнул портфелем, едва не задев идущую мимо пожилую женщину. – Мне-то что?

– А вдруг они друг другу не понравятся? Тогда нам с тобой дружить не разрешат.

– Мои предки всем нравятся, – самоуверенно заявил Генка. – Насчет этого можешь не беспокоиться.

– А если мои мама с папой твоим не понравятся?

– Они у тебя кто? Дворники какие-нибудь? Или торгаши? Мой папа торгашей не любит.

– Почему дворники? – обиделся Игорь. – Ничего они не дворники. И не торгаши. Мой папа доцент, он преподает научный коммунизм в одном институте.

– В каком институте? В торговом? – прищурился Генка.

- Да почему в торговом?! Во ВГИКе, там на артистов учат.
 - Это другое дело. А мамаша твоя чем занимается?
 - Она врач... этот... оториноларинголог. – Игорь старательно выговорил трудное слово, которое он так долго учил еще в первом классе.
 - Кто-кто?
 - Ухо-горло-нос, – пояснил он.
 - Ну, тогда все в порядке, они друг другу понравятся. И вообще, Игореха, чего ты так переполошился? Никто нам с тобой не может запретить дружить, а если попробуют, мы им покажем!
 - Что мы им покажем? Это ты Жеке или Колянну можешь показать, ты лучше их дерешься. А с предками как быть? Не бить же их?
- Генка остановился и приблизил губы к самому уху Игоря:
- Игореха, предков не нужно бить, их нужно обманывать. Усек?

* * *

На протяжении всего учебного года Игорь радовался тому, что нашел новых друзей. И только в сентябре 1973 года, когда пошел в пятый класс, вдруг осознал, что быть другом самого Генки Потоцкого не просто интересно, но и удобно.

1 сентября, едва завидев Игоря на школьной линейке, Генка с таинственным видом спросил:

- Ты где летом был?
- Игорь начал добросовестно перечислять: ездил с мамой и папой в дом отдыха в Карелию, потом провел одну смену в пионерском лагере, потом сидел на даче у маминого брата под Ленинградом, на побережье Финского залива.
- Значит, в августе телик не смотрел? – зачем-то уточнил Генка.
 - Нет, откуда на даче телик?
 - Ну, ты много потерял! Там такое кино показывали! Называется «Семнадцать мгновений весны». Смотрел, нет?
 - Про любовь? – презрительно поморщился Игорь, среагировав на слово «весна».
 - Ты что, дурной? Про какую любовь? Про шпионов. Если хочешь, расскажу как-нибудь, – небрежно добавил Генка. – Хочешь, нет?

Хочет ли он! Конечно, хочет. Игорь припомнил, что мамин брат дядя Вова и его жена действительно уходили куда-то по вечерам и будто бы и в самом деле речь шла о том, что по телевизору показывают какой-то интересный фильм, который можно посмотреть у их приятеля – директора дома отдыха, расположенного неподалеку. Игорю даже в голову не приходило пойти вместе с ними, он радовался, что остается один и может в компании дачных приятелей-ровесников всю развернуть военно-спортивные действия на свободной от взрослых территории. И вот теперь оказывается, что он прохлопал все самое интересное – многосерийное кино про шпионов.

Как ни удивительно, но оказалось, что во всем их классе Потоцкий был единственным, кто посмотрел фильм целиком, от начала и до конца. Большинство ребят проводили лето там, где нет телевизора, – на дачах, в деревнях у родственников, в пионерских лагерях, а те немногие, кто в августе оставался в Москве, переставали смотреть «Мгновения» уже после второй или третьей серии, смущенные обилием документальной «информации к размышлению», казавшейся им скучной и длинной. Никакой стрельбы, никаких погонь – тягомотина!

Времени, отведенного на пять школьных уроков, оказалось достаточно, чтобы весь класс облетело известие: Генка Потоцкий будет рассказывать потрясающее кино, интересное, про немецких шпионов и советских разведчиков, но главное – длинное. И рассказывать

будет не перед всем классом, а только избранным. В первую очередь Жеке Замятину и Игорю Машенко.

Перед пятым уроком к Игорю подошел Славик Бойко – отличник и гордость класса.

– Говорят, Потоцкий будет кино рассказывать, – начал Славик почему-то робким и просительным тоном. – А можно мне тоже послушать?

– Не знаю, – пожал плечами Игорь. – Надо у Генки спросить.

– А ты не можешь спросить?

– Ладно, спрошу, – легко согласился Игорь.

Генка снисходительно разрешил Славику присутствовать при своем бенефисе, о чем Игорь и сообщил задаваке-отличнику. Во время пятого урока Игорь получил целых три записки, две из которых были от девочек, с просьбой походатайствовать перед Потоцким. Видно, Славик Бойко похвастался, что пробил через Игоря разрешение «послушать кино». Игорь обернулся к Генке, пошептался с ним, потом покрутил головой в поисках авторов записок и важно кивнул им. Сразу после звонка к Игорю обратились еще несколько одноклассников, и для всех он выспросил у Генки разрешение присутствовать при рассказе. Его распирало от сознания собственной значимости: его просят, перед ним заискивают, ищут его благосклонности. А все почему? Потому что с ним дружит сам Генка Потоцкий!

После уроков жаждущие пересказа «Мгновений» собрались на школьном дворе, и началось: штандартенфюрер Штирлиц, папаша Мюллер, у которого все под колпаком, агент Клаус, которого Штирлиц коварно застрелил на берегу реки, профессор Плейшнер, который так глупо облажался в Берне, не заметив условный знак – цветочный горшок на подоконнике. Генка рассказывал подробно, со вкусом произнося магические слова «пастор Шлаг», «партайгеноссе Борман» и «сепаратные переговоры». Ребята слушали затаив дыхание и, когда «устное кино» закончилось, испуганно разбежались по домам – шел уже шестой час.

– Почему так поздно? – строго спросила Игоря мама, работавшая в тот день в первую смену, до трех часов дня, и уже давно поджидавшая сына дома.

– Генка новое кино рассказывал, про Штирлица. Ой, мам, так интересно! А вы с папой смотрели?

– Конечно, – улыбнулась мама. – Только что твой Генка мог понять в этом фильме? Это серьезное кино, для взрослых. Там много тонких политических нюансов.

Никаких политических нюансов Игорь в рассказе Генки не уловил, наоборот, все было просто и понятно. Гитлер проигрывает войну, но не хочет в этом признаваться, и другие военачальники, видя, что дело идет к концу, но Гитлер этого не понимает, хотят заключить соглашение с некоторыми странами за спиной рейхсфюрера. Это и называется «сепаратные переговоры». И чего тут тонкого и непонятного?

Вечером пришедший с работы отец тоже заинтересовался Генкиной версией фильма и заставил сына вкратце повторить пересказ.

– Ну что ж, – удовлетворенно констатировал Виктор Федорович, – твой товарищ весьма неглуп, это меня радует.

Довольный Игорь убежал в свою комнату доделывать уроки и не слышал, как мама спросила:

– К чему этот экзамен, который ты устроил ребенку?

– Лизонька, это действительно был экзамен, только не для Игорька, а для родителей Гены. Мы же с тобой взрослые люди и отдаем себе отчет в том, что одиннадцатилетний пацаненок не в состоянии понять и усвоить такую сложную политическую игру, какую нам показали в «Семнадцати мгновениях». Ребенок может быть сколь угодно одаренным, он может быть даже вундеркиндом, но это сказывается в музыке, поэзии, живописи, математике, да в чем угодно, но только не в политике. Можно научиться блестяще играть на скрипке, можно освоить самые сложные разделы математики, можно быть шахматным гением, но нельзя

научиться политике во младенчестве. Нельзя. Понимание политических реалий приходит с возрастом и жизненным опытом.

– Ну и что? Что из этого? При чем тут родители Гены Потоцкого?

– А при том, Лизонька, что, если мальчик понял и сумел внятно пересказать длинный политический фильм, это означает, что рядом с ним постоянно сидел кто-то из взрослых и объяснял ему все подробно и, как говорится, на пальцах. И эти объяснения, это понимание политики Советского государства в период Второй мировой войны ребенок потом понесет в среду своих товарищей. Мне важно было их услышать. Я хочу быть уверен, что за годы пребывания в Аргентине и в Швейцарии этот дипломат Потоцкий не заразился буржуазным мировоззрением и не начал толковать историю и политику в западной манере. А если заразился, то внушает ли он эти идеи своему малолетнему сыну, или у него хватает ума держать свои взгляды при себе. Не хватало еще, чтобы Игорек набрался у Генки черт знает каких представлений.

– Ну и как, доволен ты результатом экзамена? – скептически осведомилась Елизавета Петровна.

– Вполне. Со стороны Потоцких нашему сыну ничего не угрожает.

* * *

Первый конфликт произошел у Игоря с друзьями в конце ноября того же года, когда должен был состояться отборочный матч чемпионата мира по футболу. Встреча сборных команд СССР и Чили была назначена на 21 ноября 1973 года на стадионе в Сантьяго. Советская сторона, не желая проводить матч на стадионе, где устраивались массовые расстрелы, требовала перенести встречу на территорию третьей страны. Международная федерация футбола нам отказала, но советская сборная тем не менее на матч не приехала. В назначенный день сборная Чили вышла на поле, судья дал свисток, и четверо игроков легко и непринужденно закатали мяч в пустые ворота, предназначенные для советских футболистов. Нашей сборной засчитали поражение, и на чемпионат мира советские спортсмены не поехали. В среде многочисленных любителей футбола наступил легкий шок. Военный переворот в Чили произошел всего за два месяца до этого, в середине августа, жестокое убийство президента Альенде и массовые расстрелы на том самом стадионе были у всех на слуху, и в нашей стране до самого конца не верили, что мировая общественность и ФИФА могут этим вот так запросто пренебречь, забыть о солидарности с чилийским народом и отказать СССР в просьбе перенести матч в другое место. И не просто отказать, но и провести встречу вот так, без соперников.

– Наши правильно сделали, – заявил Генка. – Лучше пусть мы проиграем и не поедем на чемпионат, но с хунтой Пиночета дела иметь не будем. Согласен, нет?

– А по-моему, зря мы не поехали, – возразил Игорь. – Жалко же, игру отдали просто так. А могли бы выиграть.

– Как ты не понимаешь, это же вопрос чести. Мы не могли играть на стадионе, обогранным кровью.

Генка явно повторял чужие слова, точь-в-точь ту же фразу Игорь слышал накануне, ее произнес спортивный комментатор в какой-то телевизионной программе.

– Ну и что, все равно можно было что-нибудь придумать, чтобы матч не срывался, – упрямылся он.

– Что, например?

– Например, выманить чилийскую сборную в другую страну. Сказали бы, что на Чили надвигается страшный ураган и встречу проводить опасно. Или, например, что террористы собираются взорвать стадион во время матча. Вот в Мюнхене же в прошлом году террористы

расстреляли целую делегацию во время Олимпиады, они запросто могут и в Чили то же самое сделать. Напугали бы их как следует, они бы сами попросили матч в другую страну перенести.

– Ты дурак! – внезапно разъярился Генка. – Это вопрос принципа, ты что, не понимаешь? При чем тут «выманить» и «напугать»? Нам важно, чтобы весь мир знал, что мы не можем сотрудничать с хунтой и что мы против Пиночета.

– Да при чем тут принципы? – заорал в ответ Игорь. – Это же чемпионат мира по футболу!

– Значит, по-твоему, пусть Пиночет убивает людей?

– А по-твоему, пусть наша сборная проигрывает?

Молчавший до этого времени Жека Замятин внезапно ударил Игоря кулаком в лицо.

– Да чего с ним разговаривать, с редиской этой, – презрительно процедил он. – Пошли, Генка.

Ошарашенный Игорь долго не поднимался с тротуара, глядя вслед уходящим друзьям. Он искренне не понимал, почему Генка рассердился на него и зачем нужно было лезть на рожон в этой футбольной истории, когда можно было бы придумать десятки способов добиться своего «без шума и пыли», как говорилось в любимой его кинокомедии «Бриллиантовая рука». Он не понимал, почему какие-то там принципы важнее результатов матча. И не понимал, почему Жека его ударил. Да еще и «редиской» обозвал. Фильм «Джентльмены удачи» к тому времени уже год как победно шествовал по экранам кинотеатров, и жаргонные словечки прочно вошли в повседневную речь не только взрослых, но и школьников. Игорь знал, что «редиска» – это «нехороший человек», и недоумевал, чем мог заслужить такое обращение. Глотая слезы боли и обиды, он поднялся с грязного тротуара, на котором мерзко хлюпал подтаявший первый снег. Новое пальто, купленное мамой месяц назад, в мелкую черно-серую клеточку и с цигейковым воротничком, безнадежно испачкано, да и разбитая губа кровоточит, так что скрыть от родителей следы конфликта никак не удастся. А может, и не надо скрывать? Рассказать им все как есть, пожаловаться на Генку и на Жеку. Нет, на Генку-то за что жаловаться? Он же его не бил, это Жека, сволочь, нанес внезапный предательский удар, даже не предупредив, что собирается драться. Нажаловаться только на Жеку? Но они с Генкой – неразлейвода, всегда вместе, и если папа с мамой рассердятся, то запретят ему дружить с обоими ребятами. «Ну и пусть запрещают, – озлобленно думал Игорь, бредя в сторону дома и прикладывая к губе носовой платок, – не хочу я с ними дружить, раз они такие. Я думал, они настоящие друзья, а они из-за какого-то футбола могли так со мной... Ну и пожалуйста, ну и не очень-то хочется с вами дружить».

Однако, чем ближе подходил он к дому, тем отчетливее вспоминал слова Генки, сказанные ему на ухо в прошлом году: родителей нужно обманывать. Да и в самом деле, зачем говорить им правду и жаловаться на Генку с Жекой? Еще неизвестно, что папа скажет, если узнает, из-за чего они поссорились. А вдруг окажется, что Игорь и сам не во всем прав, тогда и ему тоже попадет. Так уже бывало неоднократно, когда Игорь с праведным негодованием жаловался дома на несправедливость учителей, записавших ему в дневник замечание или поставивших слишком низкую отметку, а отец строго выговаривал ему, объясняя, что мальчик не прав и поступил дурно, потому что нарушал дисциплину на уроке или плохо подготовил домашнее задание. Так что лучше не нарываться. Он скажет, что подвернул ногу и упал. И все.

* * *

Несколько дней Генка с Жекой делали вид, что не замечают Игоря, всячески демонстрируя разрыв дипломатических отношений. Игорь жестоко страдал, опасаясь, что их

дружбе пришел конец и что он снова останется один, и больше никому не будет интересен, потому что все будут знать, что Генка Потоцкий – сам Генка Потоцкий от него отвернулся. Однако вскоре дружба была восстановлена, тем более что в декабре снова стали показывать по телевизору «Семнадцать мгновений весны», и каждое утро в школе начиналось с обсуждения, что сделал Штирлиц, да что сказал Мюллер, да как классно Штирлиц вывернулся из ситуации с чемоданом радистки Кэт.

А во время зимних каникул Игорь и Жека наконец удостоились приглашения к Генке домой, где до той поры ни разу не бывали. Мальчишки вообще-то не особенно стремились ходить друг к другу в гости, играли и гуляли на улице, ходили в кино, гоняли в футбол и бегали зимой на каток, а если и подходили к двери квартиры, где жил кто-то из товарищей, то лишь затем, чтобы позвать друга. Но тем не менее у Игоря мальчишки несколько раз бывали, да и к Жеке домой пару раз навещались, а вот в квартире, где обитали Потоцкие, ни Игорь, ни Жека не были никогда. Сам Генка с небрежным презрением говорил, что его предки не разрешают приглашать друзей, чтобы грязи не нанесли, и, хотя они целый день на работе, за порядком бдительно следит его бабушка. А тут так удачно все складывается – родители уехали на субботу и воскресенье за город кататься на лыжах, а бабушка завтра с утра уйдет на похороны: умерла какая-то ее приятельница.

– Приходите, – пригласил Генка, – я вам классные книжки покажу. И слайды про Аргентину и Швейцарию.

Слайды произвели на мальчиков неизгладимое впечатление, особенно те, на которых был запечатлен сам Генка. Ведь одно дело, когда ты смотришь просто на красивый пейзаж, который где-то там, неизвестно где, и совсем другой колорит, когда на слайде человек, которого ты лично знаешь и понимаешь, что он там был, стоял на берегу этого озера, сидел на кривом стволе этого дерева или любовался освещенными солнцем заснеженными вершинами Альп.

– Это мы на горных лыжах катаемся, – небрежно, как обычно, пояснил Генка. – Это Альпы, а вот эти домики называются «шале»... Это я на берегу Женевского озера... Это мы с папой в Берне...

– Где профессор Плейшнер? – выпалил, не сдержав восхищения, Игорь.

– Ну, – подтвердил Генка.

– И на Цветочной улице был? – спросил Жека.

– Ты что, больной? – презрительно протянул отпрыск дипломата, – Кино же в Таллине снимали, а не в Швейцарии. Понял, нет?

– А ты никогда не рассказывал, что был в Берне, – с упреком заметил Игорь. – Мы столько раз вместе кино обсуждали, а ты и не сказал ничего.

– Мне предки хвастаться не разрешают, – спокойно объяснил Генка.

– А-а-а, понятно, – протянул Игорь, хотя на самом деле ничего не понял. Почему хвастаться плохо? Почему нельзя, обсуждая фильм, действие которого происходит в Швейцарии, сказать, что ты сам там был и видел все своими глазами? Что в этом особенного? Впрочем, с Генкиных родителей какой спрос, они вообще не в себе, друзей приводить не разрешают. Грязь они, видите ли, нанесут. Ну и что? Убрать нельзя, что ли? Хотя квартира у Потоцких и в самом деле шикарная, Игорь в таких никогда не бывал. Пол прямо сверкает, и мебель красивая, на стенах висят африканские маски, на полках стоят какие-то загадочные штуквины, о назначении которых Игорь даже догадаться не может, а на журнальном столике валяются заграничные журналы в ярких глянцевых обложках, пачка американских сигарет и удивительная зажигалка в виде крошечного револьверчика.

Вообще дома у Генки было много интересных и непонятных вещей, но больше всего воображение Игоря потрясли книги. «Библиотека современной фантастики» – все 25 томов! Толстые книги о путешествиях Тура Хейердала, Даррелла и даже Рокуэлла Кента, прочитать

которые Игорь так мечтал. Надо же, сколько раз он говорил об этом вслух, а Генка, гад такой, даже словом не обмолвился, что у него дома эти книги на полке стоят.

– Дай почитать, – попросил Игорь с горящими глазами, уже протягивая руку к заветным томам.

– Не трожь, – резко ответил Генка. – Предки убьют, если хоть одна книжка пропадет. Понял, нет?

– Но она же не пропадет, я не насовсем беру, я же верну, – удивился Игорь, все еще не веря в то, что ему отказывают.

– Я сказал – не трожь. Они завтра приедут и увидят, что книги нет на полке. Знаешь, что они со мной сделают?

Неожиданно на сторону Игоря встал Жека, хотя до сих пор всегда заглядывал в рот Генке и поддакивал ему.

– Да ладно, Ген, чего ты, в самом деле? Пусть Игореха возьмет до завтра. А завтра вернет. Твои предки ничего не узнают.

Генка задумался. Видно, такой вариант не приходил ему в голову.

– А ты до завтра успеешь прочитать? – с сомнением спросил он.

– Успею, – поклялся Игорь. – Если не успею, все равно книжку верну, не сомневайся.

Дома он тут же уединился в своей комнате и уткнулся в книгу. Вечером к нему заглянул отец.

– Ну как, был у Гены в гостях?

– Угу, – промычал Игорь, не отрываясь от страницы с описанием африканских джунглей и их хищных обитателей.

– А что ты читаешь с таким увлечением?

– Гржимека и Ганзелку. Про путешествия.

– Это тебе Гена дал?

– Да, на один день всего. Завтра нужно вернуть.

– Почему так срочно?

– Его родители завтра вечером возвращаются. Они не разрешают книги отдавать.

– Ну, в таком случае читай, не буду тебе мешать.

Отец вышел, и через некоторое время до Игоря донесся его голос:

– У этого Потоцкого неплохие связи.

– Откуда ты знаешь? – спросила Елизавета Петровна.

– Во всяком случае, книги у него дома весьма дефицитные. Наш мальчик взял у него Гржимека и Ганзелку, а это очень редкое издание. Я, по крайней мере, даже в Ленинграде не всегда мог такие книги доставать. Но меня радует, что наш сын любит читать. Хорошо, что я успел собрать приличную библиотеку. Ничего, Лизонька, вот постепенно обросту связями в Москве, снова начну дефицитные книги доставать, билеты, в театры будем ходить регулярно, на концерты. Одну тебя как куколку. Заживем как раньше, даже еще лучше. Ты уж потерпи немножко.

Игорь слушал краем уха и смутно догадывался, что слова отца – это продолжение какого-то разговора с мамой, но в чем его суть – неизвестно. Да и неинтересно. У них своя жизнь, у него – своя.

* * *

До 1977 года жизнь его текла размеренно, насколько это вообще возможно для подростка. Никаких взлетов и падений, ровная учеба, в основном на четверки, реже – на пятёрки, но без троек, и ни малейшего интереса к общественной работе. Вышло постанов-

ление о профтехучилищах, и классный руководитель на собрании объявила восьмиклассникам:

– Вам в этом году предстоит сдавать экзамены за восьмилетку. Имейте в виду, кто плохо сдаст – будем отчислять и переводить в ПТУ, так что старайтесь, ребята, готовьтесь к экзаменам как следует.

После собрания Гена Потоцкий отозвал в сторонку Игоря и Жеку:

– Старички, надо что-то думать, а то как бы Жеку в ПТУ не спихнули. До экзаменов еще два месяца, давайте прикинем, что можно успеть. Согласны, нет?

Женя Замятин был толковым парнем и при желании мог бы учиться на одни пятерки, но беда в том, что желания такого у него не было. Он органически не переносил слова «надо» и «должен», болтался до позднего вечера неизвестно где, активно зарабатывая на жизнь все той же пресловутой «трясучкой», мода на которую до сих пор не прошла. Деньги у него всегда водились, в восьмом классе он уже курил, причем не дешевенькую «Приму», а сигареты с фильтром, «Столичные» или даже «Яву-100». Из низкорослого четвероклассника, каким он был, когда с ним познакомился Игорь, Женя превратился в долговязого красавца, превосходящего ростом и Игоря, и Гену. Друзья знали, что он уже активно ухаживает за девушками, и не только ровесницами, но и постарше, поскольку благодаря высокому росту выглядит лет на семнадцать-восемнадцать, водит их в кино и в кафе и даже, кажется, целуется с ними в темных подъездах. Однако сейчас, после классного собрания, осознав реальность перспективы оказаться отчисленным из школы и загреть в ПТУ, Женя так перепугался, что даже стал казаться ниже ростом.

Гена Потоцкий энергично принялся разрабатывать план подготовки друга к экзаменам. После длительного обсуждения стало ясно, что за два месяца наверстать упущенные за несколько лет знания вряд ли удастся, и все усилия юношей были направлены на то, чтобы придумать стратегию подсказок на устных экзаменах и помощи на письменных.

– Все равно нужно заниматься, – решительно заявил Гена. – Жека, ты можешь взять себя в руки хотя бы на два месяца? Мы с Игорехой тебе напишем «шпоры», но без основных знаний ты даже не сможешь ими воспользоваться.

– Ты думаешь, получится? – неуверенно спрашивал Жека. – Нет, мужики, зря вы это затеяли, все равно меня выпрут. Директриса спит и видит, как бы от меня избавиться.

– Нельзя опускать руки, надо бороться до конца, – уверял его Гена, и Игорь полностью его поддерживал.

Как ни странно, страх оказаться в ПТУ и лишиться ежедневного общения с друзьями оказался для Жени Замятина настолько сильным стимулятором, что за два месяца он не только исправил отметки по большинству предметов, но и вполне прилично подготовился к экзаменам. Немаловажную роль в этом сыграла и очередная Женина подружка, первая красавица микрорайона, девятиклассница Катя, которая как-то в разговоре с ним обронила фразу о том, что «ни за что не стала бы встречаться с пэтэушником, они все испорченные и какие-то недоразвитые». Женя был по уши влюблен, на 8 Марта он подарил Кате французские духи «Клима» за 25 рублей, что по меркам учеников восьмого класса казалось просто невыносимым. Во-первых, это безумно дорого, а во-вторых, еще попробуй достань. Короче говоря, ради Катиных прекрасных глаз Жека был готов на все, даже на то, чтобы перестать валять дурака, прекратить обирать местную молодежь при помощи ловкости рук, используемой при игре в «трясучку», и начать нормально учиться.

В день устного экзамена по математике Игорь и Гена волновались за друга куда больше, чем за самих себя, и были совершенно потрясены, когда при объявлении отметок учитель математики сказал:

– Нас приятно удивил Женя Замятин. Он блестяще отвечал, нашел интересный ход при решении задачи, и мы с удовольствием поставили ему «пять». Я уже три года веду матема-

тику в вашем классе, и мне всегда казалось, что Женя плохо знает мой предмет. Оказалось, я был не прав. У него большие способности, и я не побоюсь сказать, что тебя, Женя, ждет большое будущее. Если, конечно, ты снова не разленишься и не перестанешь заниматься.

Гена получил на этом экзамене пятерку, а Игорь – четверку.

– Старик, я чего-то не понял, – озадаченно произнес Гена, когда друзья после экзамена шли в кино. – Как это получилось?

– Никак, – Женя подкинул в воздух монетку и ловко поймал ее, зажав между указательным и средним пальцами. – Само получилось.

Отчисления из школы Замятин благополучно миновал и с нового учебного года снова принялся за свое: «трясучка», благодаря которой он зарабатывал на «красивую» по школьным меркам жизнь, ухаживание за Катей, пиво с более взрослыми приятелями и поздние возвращения домой.

* * *

– Есть два билета в Большой театр на «Спартак», – торжественно объявил сыну Виктор Федорович. – Мама отказывается в твою пользу.

– Ну зачем же, – промямлил Игорь, – пусть мама с тобой ходит.

Идти на балет ему совершенно не хотелось, в детстве его явно перекармлили регулярными посещениями Мариинского театра, и перспектива снова смотреть на игрушечные страдания девушек-лебедей, оживающих мертвецов или сказочных принцев Игоря не вдохновляла.

Однако родители твердо решили, что мальчик должен приобщаться к прекрасному, и сопротивление было сломлено в самом зародыше.

Через несколько минут после начала спектакля Игорь уже забыл о том, что не хотел идти в театр. Балет поразил его воображение, он даже не подозревал, что можно ТАК танцевать под ТАКУЮ музыку. Страсти оказались вовсе не игрушечными, рисунок танца был непривычен глазу и завораживал настолько, что сводило затылок. В тот момент, когда два непримиримых врага – Спартак–Васильев и Красс–Лиєпа – сошлись у края сцены и несколько секунд молча смотрели друг на друга, у Игоря возникло ощущение, что он смотрит кино или даже читает книгу: слова, описывающие мысли и чувства героев, словно сами собой возникали в голове. Никогда еще на балетных спектаклях с ним такого не происходило.

В антракте отец повел его в буфет. Им удалось занять удобное место, где отец и сын Машенко расположились со своими соками, бутербродами и пирожными. В какой-то момент отец повернул голову и улыбнулся.

– Здравствуйте, Наташа, – сказал он красивой рыжеволосой девушке в длинной черной юбке и зеленой кофточке.

Девушка держала за руку девочку лет десяти-одиннадцати с нежно-оливковым личиком и огромными темными глазами. В другой руке у нее была тарелка с двумя пирожными.

– Здравствуйте, Виктор Федорович, – произнесла девушка низким голосом.

– Познакомьтесь, Наташа, это мой сын Игорь. А это Наташа, – добавил отец, повернувшись к Игорю, – моя студентка, в этом году заканчивает сценарное отделение. А кто это с вами, Наташа? Сестренка?

– Нет, просто соседка. Мы в одной квартире живем.

Виктор Федорович наклонился к девочке:

– И как же тебя зовут, соседка?

– Ира Маликова, – бойко ответила та, ничуть не смутившись.

– А сколько тебе лет?

– Через месяц будет восемь.

– Что ты говоришь? – неприятно удивился отец. – Неужели всего восемь? Я думал, тебе лет двенадцать, ты такая высокая, крупная и совсем взрослая.

– Она в дедушку пошла, – с улыбкой пояснила рыжеволосая Наташа, – тот был двухметрового роста. В классе Иринка самая высокая.

– Присоединяйтесь, – пригласил Виктор Федорович, сдвигая стаканы и тарелки, – ставьте сюда свои пирожные. Кого еще из наших видели здесь?

– Почти никого, несколько девочек с актерского и Буйнову из деканата. Даже не верится, ведь когда билеты распределяли – такая сvara была, все перессорились, и где теперь все эти люди? Я думала, полтеатра только нашими будет заполнено, а нас здесь – раз-два, и обчелся.

– Наташенька, вы очаровательны в своей наивности, – добродушно засмеялся Виктор Федорович, – билет в престижный театр на престижный спектакль – это для огромного количества людей не способ приобщиться к искусству, а просто дефицитный товар, который можно выгодно использовать, чтобы поддержать нужное знакомство. Я, например, точно знаю, что мой завкафедрой, который с пеной у рта вырывал для себя два билета, отдал их своему знакомому из техцентра на Варшавке. Он, видите ли, недавно купил новые «Жигули» и хочет иметь возможность отремонтировать их быстро, качественно и с гарантией, что с машины ничего не украдут. А ваш, Наташенька, любимый педагог Ржевская взяла билеты, чтобы подарить их своему косметологу из Института красоты. Как вам балет? Нравится?

– Очень, – восхищенно вздохнула Наташа. – Такой эмоциональный накал, столько режиссерских находок! Потрясающе.

– А вам не показалось, что сцена Красса и Эгины была слишком...

Отец задумался в поисках подходящего слова, и Игорь попытался угадать, что же он имел в виду. Сам юноша не остался равнодушен к этой сцене, его будто жаром обдало, и даже голова немного закружилась.

– ...слишком эротичной? – подсказала Наташа.

Отец бросил выразительный взгляд на сына, потом на маленькую черноглазую девочку.

– А что же это наши дамы едят пирожные всухомятку? Игорь, будь добр, принеси... Что вам принести, Наташа? Сок или лимонад? Может быть, шампанское?

– Сок, если можно.

– Вот, возьми деньги. – Отец протянул Игорю три рубля. – Иринка, иди с Игорем, поможешь ему.

Игорю показалось, что улыбка девушки стала как будто натянутой, и решил, что она, наверное, стесняется затруднять сына своего преподавателя. Иринка без колебаний сунула свою ладошку в его руку.

– Ты меня держи, а то я потеряюсь, – деловито скомандовала она. Они встали в конец длинной очереди, и Игорь с недоумением подумал, что отец зря послал его за соком, все равно до конца антракта они не успеют дойти до буфетной стойки.

– А ты мне купишь конфету? – Иринка подергала его за руку.

– Какую?

– Вон ту, зелененькую.

– «Белочку»?

– Я не знаю, как она называется. Купишь?

– Куплю, – кивнул Игорь.

– А вон ту, голубенькую?

– «Мишку косолапого»? – уточнил он.

– Ну что ты все время спрашиваешь? – внезапно рассердилась девочка. – Я же тебе сказала: зелененькую и голубенькую. купишь?

– Куплю.

– Сколько? Одну или две?

– На сколько денег хватит.

– А на сколько хватит?

– Не знаю. – Он начал терять терпение, но старался держать себя в руках. – Это не мои деньги, а папины, я не могу их все потратить на твои конфеты.

– А почему?

Очередь двигалась на удивление быстро, и Игорь успел взять два стакана сока и конфеты до окончания антракта. К этому времени он уже был по горло сыт обществом черноглазой девочки, ее настырностью и бесцеремонными вопросами. Если все дети такие, то хорошо, что у него нет младших братьев или сестер, они бы его до белого каления довели. Или он их просто придушил бы.

– Вот. – Он поставил сок на стол перед Наташей.

– А мне конфетки купили! – тут же радостно похвасталась Иринка. – Две зелененькие и две голубенькие.

– Странная она у вас, – произнес Игорь с плохо скрываемым раздражением, – конфеты различает не по названию, а по цвету фантиков.

Наташа густо покраснела, положила обе руки на плечи Иринки, прижала девочку к себе.

– Она не странная. – Ее голос стал еще ниже и как будто глуше. – Просто она никогда не видела и не ела ни «Белочек», ни «Мишек». В магазинах их уже давно нет, и блата нет, чтобы доставать. А в Большом театре она в первый раз.

Отец бросил на Игоря уничтожающий взгляд. Слава богу, в этот момент раздался второй звонок, и нужно было идти в зал.

После спектакля они снова столкнулись с Наташей и ее соседкой, на этот раз в гардеробе.

– Вас подвезти? – спросил Виктор Федорович. – Я на машине.

Игорь с ужасом представил себе, что сейчас эта рыжая согласится и придется еще какое-то (а может быть, даже весьма длительное) время терпеть общество этого маленького чудовища. Отец, конечно же, предложит Наташе сесть рядом с ним впереди и будет всю дорогу с ней разговаривать, а ему, Игорю, выпадет завидная участь отвечать на дурацкие вопросы малолетней наглой дуры.

– Нет-нет, спасибо, – отказалась Наташа, застегивая длинное пальто макси и обматывая вокруг шеи белый шарф. – Мы близко живем, в конце Арбата, возле метро «Смоленская». Через десять минут будем дома.

Игорь с облегчением вздохнул. Опасность миновала, можно расслабиться. Однако он сильно заблуждался. Едва они с отцом сели в машину, Виктор Федорович сказал:

– Никогда не подозревал, что мой сын может оказаться таким глупым и бестактным.

Игорь ошеломленно уставился на отца:

– Ты что, пап? Что я сделал?

– Что ты сделал? Ты поставил Наташу в неловкое положение, вот что ты сделал. Кто дал тебе право насмеяться над девочкой за то, что она никогда в жизни не видела хороших конфет?

– Да я не насмеялся, я просто удивился, – попытался оправдаться Игорь.

– Удивляться можешь молча, про себя. А когда говоришь вслух, то думай как следует над своими словами. Ты когда в последний раз покупал в магазине конфеты?

– Я?

Да, действительно, конфеты он уже много лет не покупал. Мама его посылала за хлебом, молоком, макаронами, картошкой, мясо и рыбу покупала сама, а конфеты, то в коробках, то россыпью, откуда-то появлялись сами.

– Да, ты, – сердито продолжал Виктор Федорович. – Ты не покупал в магазине хорошие конфеты, потому что их там давно уже нет. Остались только карамельки, а если в продаже появляются шоколадные конфеты, то совсем дешевые и невкусные.

– Но у нас дома конфеты всегда есть, – упрямо возразил Игорь. – Откуда они берутся? Разве не из магазина?

– Их приносят маме больные. Или я достаю, используя свои знакомства. И запомни, сын, так, как живет наша семья, живут далеко не все. Вот ты ощущаешь разницу между тем, как живет семья твоего друга Гены Потоцкого и наша?

– Нет, – честно признался Игорь. – Я вообще не знаю, как они живут, я у него дома только один раз был, его родители не разрешают никого в гости приглашать. А Генка сам не рассказывает.

– Правильно. Генка твой умнее тебя в десять раз, потому и не рассказывает. И родители его умные люди, поэтому и объяснили ему, что не нужно на каждом углу хвастаться тем, какие у тебя есть книги, пластинки и игрушки, какая у тебя модная одежда и куда ты едешь отдыхать. Потому что большинству людей все это недоступно, и им неприятно слышать, что это у тебя есть. Неприятно и обидно. Они не понимают, почему у одних людей все это должно быть, а у других – нет. На самом деле между семьей Потоцких и нашей семьей лежит огромная пропасть, и Генкина заслуга в том, что ты этого ни разу не почувствовал и до сих пор не понял, хотя вы с Генкой дружите с четвертого класса. Это сколько лет получается?

– Шесть, – подсказал Игорь.

– Вот видишь, шесть лет. – Отец некоторое время молчал, глядя на дорогу. – А между тем, как живет наша семья, и тем, как живут Наташа и ее соседка, пропасть еще больше. Твой второй товарищ, Женя, живет примерно так же, как они, так ты спроси у него, когда он в последний раз ел «Белочку» и знает ли он, каков на вкус торт «Птичье молоко». Голову даю на отсечение, он даже не вспомнит, что это за конфеты. А про торт только слышал, но никогда не пробовал. Мне сегодня было стыдно за тебя, сын.

* * *

Незадолго до окончания девятого класса Виктор Федорович спросил Игоря:

– Ты, собственно, в какой институт собираешься поступать?

– Не знаю, еще не решил, – осторожно ответил Игорь. – Это ведь еще не скоро будет, только в следующем году.

– Очень плохо, – неожиданно серьезно произнес отец. – Ты должен думать об этом уже сейчас и усиленно готовиться по тем предметам, которые придется сдавать на вступительных экзаменах.

– Да ну, пап...

– В армию захотел? – загремел отец. – В казарму? Дедовщины решил попробовать? Это все влияние твоего Женьки, оболтуса и бездельника. Имей в виду, мы скоро переезжаем на новую квартиру, и я переведу тебя в другую школу, если ты не возьмешься за ум.

Разговоры о переезде шли в их семье уже давно, и Игорь так к ним привык, что и внимания не обращал. Почти год назад отец впервые заговорил о том, что скоро они будут жить в новой квартире, более удобной и просторной, где все комнаты будут отдельные, а не проходные, как сейчас. Но время шло, мама записывалась в какие-то очереди на мебель и бегала отмечаться, а квартиры все не было и не было, и Игорь перестал думать о ней как о чем-то близком и реальном.

И вот неожиданно в конце мая отец радостно сообщил, что вопрос решен окончательно и на следующей неделе можно переезжать. Новый дом оказался совсем в другом конце Москвы, очень далеко от школы, в которую придется добираться час с четвертью вместо привычных десяти минут пешком.

– Пойдешь в новую школу? – спросил отец Игоря незадолго до наступления нового, последнего учебного года. – Или будешь в старую ездить?

Ездить так далеко, конечно, не хотелось, но расставаться с Генкой и Жекой хотелось еще меньше. Кроме того, Игорь очень хорошо помнил, что быть новеньким в сложившемся коллективе – не самая приятная вещь на свете. В новую школу он решил не переходить.

Теперь ему приходилось вставать на целый час раньше, долго трястись в автобусе до ближайшей станции метро, потом ехать с двумя пересадками. Правда, за это время Игорь успевал почитать пару учебников и подготовиться к устному ответу по истории, литературе или биологии.

– Слушай, – как-то сказал он Генке, – меня отец совсем задолбал, требует, чтобы я ему сказал, куда буду поступать. Ты сам-то определился с институтом?

– Ты чего, старичок? – Генка вытаращил на него изумленные глаза. – Мы же еще в шестом классе решили, что будем в летное училище поступать. Забыл, нет?

Честно говоря, Игорь забыл. Мало ли что они там решали в шестом классе! Мальчишки собирались стать то спелеологами (когда началась мода на изучение пещер), то путешественниками, то пожарниками, то полярниками. В шестом классе, когда все вокруг говорили о международном космическом полете на кораблях «Союз» и «Аполлон», было решено, что они станут космонавтами. А для этого нужно было сначала стать летчиками.

– А что туда нужно сдавать? – спросил он у Генки.

– Сочинение или изложение, я точно не знаю, математику и физику. Нам весь год нужно будет по этим предметам усиленно готовиться.

– А Жека? Он тоже в летное будет поступать?

– А куда он денется, – рассмеялся Гена. – Мы же всегда втроем, всегда вместе.

Перспектива стать летчиком Игорю не особенно нравилась, но, подумав как следует, он понял, что вообще не знает, кем хочет быть и где учиться. Не то чтобы ему было все равно, какую получать профессию и чем потом заниматься всю жизнь, нет, конечно, он мог с уверенностью сказать, кем он быть не хочет. Дворником, врачом, учителем, рабочим на заводе, музыкантом, артистом, ученым. Все эти виды деятельности его ничуть не привлекали. Но выбрать среди всех остальных оказалось крайне затруднительно. Можно стать инженером-строителем и строить дома, красивые, удобные, надежные. Можно стать корабелом и строить корабли. Можно стать физиком-ядерщиком и строить реакторы. Можно стать разведчиком и охранять безопасность Родины. Можно поступить на юридический и стать следователем, вон по телевизору показывают «Следствие ведут знатоки», уже 13 серий прошло, работа нужная, уважаемая, интересная. А можно и летчиком, чем плохо?

Но самое главное – Генка Потоцкий. Ведь Игорь согласился с ним, сказал, что готов поступать в летное училище. И как теперь можно отказаться от своих слов, как сказать Генке «нет»? В первый и в последний раз он посмел не согласиться с Генкой еще тогда, в пятом классе, когда они поссорились из-за матча СССР – Чили. Игорь хорошо помнил тот страх, который охватил его, когда прошел первый приступ обиды на Генку и Жеку. А вдруг дружба кончилась? А вдруг Генка больше никогда не примет его в свой круг? Что же ему, снова к Колобашке возвращаться? У него никогда больше не будет таких замечательных друзей, как Генка и Жека, и, если они не помирятся, жизнь кончится. Игорь переживал тот конфликт необыкновенно тяжело, боялся остаться в одиночестве и с тех пор никогда и ни в чем Потоцкому не перечил, более того, не только не перечил, но всячески поддерживал, даже если был не согласен с товарищем.

- Папа, я буду поступать в летное училище, – сказал Игорь Виктору Федоровичу.
- С какой это стати? – нахмурился отец. – У тебя никогда не было тяги к армии.
- Я хочу стать космонавтом. Это уже не армия, а космос.
- Ты заблуждаешься...

Отец не на шутку рассердился и весь вечер читал Игорю лекцию на тему о воинской дисциплине и о том, что нужно получать гражданскую профессию. Игорь кивал и делал вид, что соглашается, он давно уже усвоил, что, если хочет жить спокойно, должен избегать открытой конфронтации, ни с кем не спорить, свою точку зрения не отстаивать, а потихоньку делать так, как он считает нужным.

На другой день он озабоченно сказал Генке:

– Мой старик категорически против летного училища. Весь вечер канифолил мне мозги насчет гражданской профессии, которая будет меня кормить до самой пенсии, и все такое.

– Ну ты и козел, – укоризненно покачал головой Генка. – Кто тебя за язык тянул трепаться про летное училище?

– А что я должен был говорить? Он же меня спрашивает, куда я буду поступать, хочет, чтобы я уже к вступительным экзаменам готовился. Еще и угрожает, мол, если я не определюсь с институтом и не начну готовиться, он меня из этой школы заберет. Вот и пришлось сказать.

– Дурной ты еще, – презрительно фыркнул Генка. – Вот учу я тебя, учу, учу, а все без толку. Родителей не нужно убеждать в своей правоте. Их нужно обманывать.

– А когда обман откроется?

– А тогда уже поздно будет. Ты уже студент, личность взрослая и самостоятельная, они ничего с тобой сделать не смогут.

– И что я, по-твоему, должен сказать отцу?

– Ты...

Генка наморщил лоб, о чем-то сосредоточенно думая, потом просветлел и хитро подмигнул другу:

– Скажи, что готовишься в университет на физический факультет. Или в институт инженеров транспорта. И еще скажи, что насчет летного училища ты пошутил, сморозил, не подумавши, и приносишь свои извинения за дурацкий розыгрыш. Экзамены там те же самые, все равно физику и математику сдавать. И твой старик от тебя до конца десятого класса отстанет.

– А потом?

– А потом в один прекрасный день он придет домой с работы и увидит на столе записку, дескать, дорогие мама и папа, не ждите меня сегодня, я уехал в город Качинск поступать в летное училище. Вот и все, старичок. Понял, нет?

В Генкином изложении план выглядел простым и вполне выполнимым. Вечером того же дня Игорь с покаянным видом извинился перед родителями за вчерашнее, сказал, что это был всего-навсего розыгрыш и что на самом деле он собирается стать инженером-транспортником и заниматься конструированием большегрузных автомобилей, ему это всегда было интересно. Отец одобрительно кивал, мама радостно улыбалась, и до следующего лета в семье Машенко наступили мир и покой.

* * *

Игорь отправился в военкомат и написал заявление с просьбой направить его на учебу в Харьковское высшее военное авиационное училище летчиков. Генка и Жека сделали то же самое. Ходить приходилось по отдельности, потому что в связи с переездом Игорь оказался прописанным в другом районе Москвы. Военком разъяснил им, что придется пройти две

военно-врачебные комиссии, сначала районную, потом городскую. Комиссии они прошли благополучно, ни у кого из троих никаких заболеваний обнаружено не было.

– Теперь ждите, – сказали в военкомате, – когда придет запрос, приносите к нам, вам выпишут проездные документы, купите билеты и поедете к месту назначения.

Игорь больше всего боялся, что пришедший по почте запрос попадет на глаза родителям, поэтому по несколько раз в день проверял почтовый ящик. Наконец запрос прислали, в нем было сказано, что Машенко Игорю Викторовичу надлежит явиться в училище к 3 июля 1979 года для сдачи вступительных экзаменов. На той же неделе запросы получили Генка и Жека.

– Надо получить проездные документы и сразу же покупать билеты на поезд, – озабоченно говорил Гена.

– Да ты чего, рано еще, – махнул рукой Жека, – месяц впереди. Мы еще даже экзамены не сдали.

– А тебе что, билет карман тянет? Это же лето, балда, и южное направление. Ты билеты потом хрен достанешь, – авторитетно заявлял Потоцкий.

Они отстояли огромную многочасовую очередь на Курском вокзале и взяли билеты на пассажирский поезд (на скорые поезда мест уже не было) в плацкартный вагон, как и было указано в выданных в военкоматах проездных документах.

* * *

В плацкартном вагоне Игорь ехал впервые в жизни, раньше он путешествовал на поезде только в купе, если ехал с обоими родителями, или даже в спальном вагоне, когда ездил с мамой или с отцом в Ленинград. Дожив до семнадцати лет, он даже не представлял себе, что бывает и так: пятьдесят четыре человека, в прямом смысле слова сидящих и лежащих друг у друга на головах, переодевающихся, едящих, пьющих водку и играющих в карты на глазах у всех, потому что в плацкартном вагоне нет дверей. И полки какие-то короткие, у него ноги не помещаются. «Бедняга Жека, – с сочувствием думал Игорь о своем долговязом друге, – ему, наверное, еще тяжелее». Но самым неприятным для Игоря Машенко была именно эта открытость всеобщему обозрению и невозможность уединиться. С самого рождения он жил в отдельной квартире, и у него всегда была своя комната, где можно было заниматься своими делами и оставлять сначала игрушки, потом книги и тетрадки так, как ему удобно, и точно знать, что никто их не возьмет и не переложит в другое место, не спрячет и не заберет. Конечно, был и опыт совместной с десятком мальчишек жизни в пионерских лагерях, но это было давно, когда Игорь был еще маленьким и не так остро ощущал потребность в том, чтобы побыть одному, иметь собственный ареал обитания, никем не нарушаемый. Чем старше он становился, тем острее проступало в нем странное чувство ненависти к каждому, кто прикасался к его личным вещам. Он морщился, как от зубной боли, когда сосед по парте брал его ластик.

Игорь поступил так, как советовал Генка, – до последнего дня ничего не говорил родителям и днем, когда отец и мама были на работе, за несколько часов до отхода поезда умчался на вокзал, оставив дома большое и подробное письмо, в котором изложил веские, как ему казалось, аргументы, объясняющие, почему и куда он уезжает, что он твердо решил стать летчиком, что в большегрузных автомобилях он разочаровался, просил родителей не беспокоиться и обещал, что с ним все будет в порядке. Однако теперь, на середине пути, он вдруг решил, что надо бы дать телеграмму. Пусть мама с папой знают, что пока с ним ничего плохого не случилось и он находится в дороге.

Поезд начал притормаживать возле большой станции, и Игорь спрыгнул со своей боковой полки и направился к выходу из вагона. На нижней полке под ним спал Женя Замятин,

а на следующей боковой полке, расположенной вдоль прохода, сидел, уткнувшись в книгу, Генка Потоцкий. «Путешествие дилетантов» Булата Окуджавы – самое модное чтение семьдесят девятого года.

- Ты куда? – поднял голову Генка, когда Игорь протискивался мимо него.
- Хочу выйти, телеграмму дать. Все-таки они беспокоятся.
- Не суетись, – поморщился Генка. – Записку ты им оставил, так что все тип-топ.
- Тебе хорошо говорить, твои предки тебя и так отпустили.
- Ладно, тогда пивка принеси, на вокзале дешевле, чем в вагоне-ресторане.

Поезд стоял двадцать минут, и Игорю хватило времени не только на телеграмму и на покупку шести бутылок «Жигулевского», но и на то, чтобы немного прогуляться по платформе и подышать воздухом. В вагоне было душно и жарко, и невозможность принять душ и надеть чистую белую футболку угнетала его. Не в том дело, что переодеться не во что, в рюкзаке у Игоря лежат еще две белые футболки, но в вагоне такая грязь, словно здесь не делали уборку лет двадцать, сажа залетает из всех щелей, оседает на коже, волосах и одежде, и если переодеться, то к концу поездки у него не останется ни одной чистой вещи, в которой можно явиться в приемную комиссию.

Вернувшись в вагон, Игорь с особой остротой ощутил все многообразие раздражающих его неприятных запахов, заполнивших вагон: пот, лук с чесноком, перегар, мокрые, пропитанные мочой пеленки, которые негде постирать и некуда спрятать, – в их вагоне ехали две семьи с грудными младенцами. Подошел к Генке, поставил на столик пиво и уселся напротив.

- Скоро дочитаешь? – спросил Игорь, кивком головы указывая на книгу.
- Уже немножко осталось, часа на два.
- Я следующий.

– И единственный, – усмехнулся Генка. – Жека все равно читать не будет. Ты же знаешь, какой он упертый, месяцами ничего не делает, потом наваливается со всей мощью своего буйного интеллекта и наверстывает упущенное. Как проснется – снова начнет физику учить.

– Удивительно, как он может спать в такой обстановке, да еще днем, когда все разговаривают и ходят туда-сюда. Я, например, даже ночью заснуть не могу.

– Ну, сравнил. – Генка захлопнул книгу, предварительно засунув в нее закладку, и сладко потянулся. Потом ловко открыл бутылку при помощи специальной скобки, прикрепленной под столиком, и сделал несколько больших глотков прямо из горлышка. – Жека у нас из многодетной семьи, ты же был у него дома, видел, в каких условиях он вырос. Так что ему не привыкать.

– А ты? – спросил Игорь, внимательно глядя на друга. – Ты же не из многодетной семьи, и жилье у вас всегда было хорошее.

– А что я? – беспечно пожал плечами Генка и залпом допил бутылку. – Ох, хорошо пошло! Я, Игореха, умею ко всему относиться легко и ни на что не обращать внимания. И потом, у меня есть цель, и для ее достижения я готов на жертвы.

- На любые? – недоверчиво уточнил Игорь.
- Почти. Вот ты видишь мои джинсы?

Он выразительно потер ладонью штанину фирменных джинсов «Ливайс», ухватил большим и указательным пальцами край материи и подергал.

- Ну, вижу. И что дальше?
- Знаешь, где я их взял?

– Знаю, конечно, мы же вместе были, когда ты их покупал. У фарцовщиков на Беговой, возле комиссионки.

- И сколько я за них заплатил, помнишь, нет?
- Кажется, сто шестьдесят рублей. Я еще тогда удивлялся, откуда у тебя такие деньги.

– Сто шестьдесят пять, – поправил его Гена. – Я их целый год копил. Предки на обед и на всякую мелочь три рубля в неделю выдавали, а я их складывал. В школе не обедал, в кино с вами не ходил. Заметил, нет?

А ведь и в самом деле, за весь десятый класс Генка Потоцкий ни разу не ходил с Игорем и Жекой в кино, придумывая различные отговорки: то родители просили куда-то съездить и что-то сделать, то свидание с девушкой назначено, то настроения нет. И не заглядывал в школьный буфет.

– Но этого на джинсы явно не хватило бы, – заметил Игорь, в душе упрекнув себя за невнимательность.

– Само собой, – кивнул Генка. – На этой экономии я только столик сцыганил.

– А остальное откуда?

– От верблюда. У предков вместо подарков наличными брал. Что тебе, сынок, на Новый год подарить? Двадцать рублей. А на день рождения? Двадцать рублей. А на окончание школы? Двадцать пять, я теперь взрослый, у меня потребности возрастают.

– И давали? – изумился Игорь.

– Куда они денутся. Им проще деньгами дать, чтобы я сам ими распорядился, чем бегать, высунув язык, и доставать то, что я попрошу. Вот у меня и набралось ровно сто шестьдесят пять рублей ноль-ноль копеек. Я вообще-то «рэнглеры» хотел, но за них просили сто восемьдесят.

– Не понимаю я тебя. Зачем все эти трудности? Сказал бы своим предкам, что хочешь на день рождения джинсы, они бы тебе сами на блюдечке принесли.

– О! – Генка назидательным жестом поднял палец. – Вот тут мы подходим к самому главному. Я не хочу, чтобы мои предки доставали мне джинсы, пользуясь своими связями и всякими закрытыми магазинами типа «Березки». Я не хочу, чтобы они говорили: «Ты еще никто, ты даже джинсы сам себе купить не можешь. Все, что у тебя есть, ты имеешь благодаря тому, что твой папа – Потоцкий». Знаешь, сколько раз за свою жизнь я это слышал? Поэтому я твердо решил, что стану космонавтом. В крайнем случае – знаменитым летчиком-испытателем. Чтобы про меня никто не мог сказать, что я – сын того самого Потоцкого. Я хочу, чтобы про моего отца говорили, что он – отец того самого Геннадия Потоцкого. Понял, нет?

Игорь помолчал, собираясь с мыслями. В нем вдруг проснулась неизвестно откуда взявшаяся обида, хотя он не мог понять, откуда она свалилась. Ведь ничего обидного или плохого Генка ему не сказал. Чтобы скрыть неловкую паузу, он тоже открыл пиво и стал медленно цедить теплую невкусную жидкость. Пиво он не любил, но скажи он об этом Генке – тот не понял бы его.

– Странно, что ты только сейчас об этом сказал, – наконец произнес Игорь, осознав, что обидела его скрытность товарища. – Мы с тобой столько лет дружим, а ты никогда не говорил мне об этом. Даже не объяснил, откуда деньги, когда мы вместе джинсы тебе покупали.

– А мне с детства внушили, что трепаться надо поменьше, – усмехнулся Генка. – Стиль жизни дипкорпуса – держать язык за зубами и при этом все время что-нибудь говорить. Давай буди Жеку, хавать пора.

* * *

С вокзала в Харькове им нужно было добраться до поселка Восточный и найти аэродром, который назывался «Рогань». Именно там находилось Высшее военное авиационное училище летчиков. В приемной комиссии их зарегистрировали и отправили устраиваться. Оказалось, что жить им предстоит в палатках прямо на летном поле. Земляной пол, три

двухъярусные койки. И, разумеется, никакого намека на ванну или душ, умываться нужно будет на улице в общем умывальнике.

– Здесь только абитуриенты живут? – на всякий случай спросил Игорь, все еще надеясь на то, что курсантам обеспечивают более приемлемые условия существования.

Почему-то Игорь в мыслях представлял себе трехместные комнаты с ванной и туалетом, где они будут дружно и весело жить с Генкой и Жекой. Однажды он по просьбе отца ездил в общежитие Московского университета на Ленинских горах, отвозил какому-то аспиранту отзыв на диссертацию. Там была нормальная комната, совсем как в гостинице.

– Нет, здесь живут курсанты, – невозмутимо ответил дневальный – коротко стриженный паренек в ладно сидящей форме и с красной повязкой на рукаве, который встретил их у входа в учебно-летний отдел и проводил до места. То, что он ничуть не удивился, услышав вопрос, навело Игоря на мысль, что вопрос этот ему задают уже не в первый раз.

Настроение резко упало, но Игорь изо всех сил старался, чтобы друзья этого не заметили. Генка балагурил и шутил, раскладывая свои пожитки в деревянной обшарпанной тумбочке, а Жека тут же нашел среди трех прибывших раньше и поселившихся в этой же палатке абитуриентов желающих сразиться с ним в «очко», извлек из рюкзака колоду карт и занялся зарабатыванием денег.

В первую ночь, проведенную в палатке, Игорь глаз не сомкнул. Он никогда не ходил в турпоходы и никогда не спал нигде, кроме помещений. Как это, оказывается, страшно: спать на открытом пространстве аэродрома, где гуляет ветер, рвет брезентовые полы и заставляет ходуном ходить стены палатки. Не просто страшно – жутко! Он чувствовал себя незащищенным и уязвимым, и все вокруг выглядело таким шатким и ненадежным, просто опереться не на что. Ты весь на виду, тебя со всех сторон окружают сотни глаз, враждебное незнакомое пространство и пронизывающий неумный ветер. И некуда спрятаться... С каждой минутой паника охватывала Игоря все сильнее, и к утру он уже был на грани истерики. Только веселый голос неунывающего Генки и полусонная возня поднявшихся по сигналу пробудки других соседей по палатке немного привели его в чувство.

Оказалось, что прежде, чем их допустят к вступительным экзаменам, нужно будет пройти еще одну медкомиссию и тестирование на профпригодность. Что такое медкомиссия, все уже знали, каждый абитуриент проходил ее по два раза по месту жительства, а вот про тесты рассказывали всякие чудеса. Когда же тестирование началось, абитуриентов разбили на группы, и по вечерам шел активный обмен впечатлениями и опытом.

В группе, куда попали Игорь и Женя, первым тестом было зачеркивание букв. Всех усадили за столы, раздали листы с отпечатанным текстом, карандаши и наушники.

– В этом тексте вы должны зачеркнуть все буквы «а» и подчеркнуть все буквы «о». Запомнили? «А» зачеркнуть, «о» подчеркнуть. А теперь надевайте наушники и работайте.

Игорь надел наушники, и в ушах зажужжал чей-то голос, непрерывно бормочущий: «А» подчеркнуть, «о» зачеркнуть, «а» зачеркнуть, «о» подчеркнуть, «а» подчеркнуть...» Сосредоточиться было трудно, через некоторое время начала болеть голова, но Игорь старался изо всех сил.

В Генкиной группе в этот день был совсем другой тест, нужно было, сидя в кабине, имитирующей кабину пилота, двигать красную рукоятку строго по синусоиде. Если будешь двигать неправильно, отклоняясь от заданной линии больше чем на 20 градусов, тебя легонько бьет током.

Игоря тесты забавляли, ему было интересно, но во всем остальном жизнь на аэродроме Рогань его совсем не устраивала. В 6 утра подъем, физзарядка, завтрак, уборка территории, потом строем – в учебно-летний отдел для подготовки к экзаменам и консультаций. И выход за территорию части категорически запрещен. С каждым днем Игорь все отчетливее представлял себе смысл отцовских слов, когда тот кричал на него: «Казармы захотелось?!» И

все яснее понимал, что казармы он совсем не хочет. Ему приходилось вставать раньше всех, чтобы успеть умыться и побриться до того момента, когда туда набьется толпа и будет не протолкнуться к умывальнику. Он не мог есть то, что давали в столовой, тосковал по маминной домашней стряпне, но когда решил, что лучше купит в солдатском буфете сыр, колбасу, масло, хлеб и хорошие рыбные консервы, то был несказанно удивлен тем, что в нем ничего этого не оказалось, кроме хлеба, сгущенки, лимонада и булочек. Его не переставало удивлять, как легко и быстро приспособились к такой жизни его друзья. Ну ладно Жека, с ним все понятно, он и в Москве жил не лучше, в тесноте и нищете, но Генка-то, Генка как может с веселой усмешкой уминать клейкую овсянку, или перловку, политую чудовищным на вкус красно-бурым соусом, или отвратительный полуостывший суп, в котором не плавает почти ничего, кроме каких-то невразумительных кусочков сала. Генка, который жил и за границей, и в Москве в просторных квартирах, ел дома продукты из закрытых распределителей и делал только то, что ему нравится, мгновенно адаптировался к жизни в казарме и, казалось, не испытывал от этого ни малейшего дискомфорта!

На третий день пребывания в училище у Игоря пропали деньги – десять рублей. А он так на них рассчитывал! Банка сгущенки – 55 копеек, бутылка лимонада – 12 (если без тары) и булочка – 7 копеек, да на эти десять рублей он мог бы до конца экзаменов через день подкармливаться в буфете. А что теперь? Он посетовал на пропажу, когда ребята строем шли на очередной тест, и оказалось, что пропажи были буквально у каждого второго, у кого мыло, у кого – привезенные из дома продукты, в основном шоколад, у кого – сигареты, у кого одежда, у многих, как и у Игоря, деньги. Среди абитуриентов процветало воровство. «А ведь многие из этих воров выдержат экзамены и поступят в училище, – думал он. – И что же мне, вместе с ворами учиться? Жить с ними в одной палатке, сидеть за одной партой? Мерзость, какая мерзость!»

После полного цикла тестирования ряды абитуриентов заметно поредели, если в самом начале конкурс был пять человек на место, то к первому экзамену претендентов на каждое место осталось только двое. Первый устный экзамен – физику – все трое сдали на «четыре». К вечеру провалившиеся на экзамене собрали вещи и отбыли домой, теперь в их палатке оставались только они – Игорь, Гена и Женя.

Второй экзамен – устную математику – все трое сдали на «отлично».

– Ну все, старички, остался последний рывок, – с воодушевлением сказал Генка после объявления отметок. – Если напишем математику – то все, считай, проскочили. Так, нет?

– А изложение? – с опаской спросил Женя, у которого в школе были вечные нелады со знаками препинания, что не переставало удивлять его товарищей. Такой способный к точным наукам – и такой тупой в освоении синтаксиса!

– Да брось, не паникуй. Я тут со знающими ребятами поговорил, они мне рассказали, что весь отсев происходит на тестах и на физике с математикой. После второй математики количество абитуриентов равно количеству курсантов, больше никого отсеивать уже нельзя. Изложение – пустая формальность, даже если ты миллион ошибок сделаешь, тебе двойку все равно не поставят, – успокоил друга Потоцкий.

– Ты точно знаешь? – В голосе Жеки ясно слышалось сомнение.

– Ну ты сам подумай, зачем летчику запятые? Физика и математика – это да, это понятно, без них в летном деле никуда. А грамотность? Кому она нужна?

Это показалось логичным, и Женя успокоился.

После экзамена Игорь собрался с духом и отправился искать телефон, чтобы позвонить домой. Время он выбирал специально, чтобы дома застать только маму. Вопреки ожиданиям Елизавета Петровна не кричала в телефонную трубку и даже не ругалась.

– Сынок, подумай как следует, – ласково говорила она, – еще не поздно сдавать в какой-нибудь другой институт. Сейчас еще июль, в большинство вузов экзамены сдают в августе. Возвращайся и поступай, куда душа пожелает.

– Мама, я решил, что стану летчиком, – упрямо твердил Игорь. – Я уже сдал два экзамена, мне остались только математика письменная и изложение. Ну почему ты не хочешь, чтобы я был летчиком?

– Потому что я хочу, чтобы ты жил долго и счастливо, – ответила мама, и Игорь услышал слезы в ее голосе. – Возвращайся, сыночек, папа поможет тебе поступить в любой институт.

После этого разговора Игорь долго не мог сосредоточиться на подготовке к экзамену. Он с самого начала не сомневался, что успешно сдаст все экзамены и поступит в училище, ведь в школе он хорошо учился, и его всегда хвалили. Если поступит, то в августе начнется «курс молодого бойца», потом учеба, и отпуск ему дадут только через год. Год – срок большой, родители за это время наверняка остынут и простят его, а если даже и не простят, то можно и домой не ездить. Что он, не найдет, где отпуск провести? Однако теперь, вкусив казарменной жизни, которая не пришлась ему по душе, и поняв, что путь домой открыт и папа с мамой скандалить не собираются, он начал сомневаться в собственной правоте. Он не хочет жить в таких условиях. И он совсем, ну совсем не стремится быть летчиком. У Генки есть цель, он хочет стать космонавтом или летчиком-испытателем, и ради этой цели он готов терпеть все, что угодно. У Жеки другие мотивы, он хочет получить образование, но при этом кормиться и одеваться за государственный счет, потому что семья у него бедная и многодетная, а если самому начать зарабатывать, но никакого толкового образования не получишь, только фиктивную бумажку о фиктивной сдаче экзаменов. Кроме того, в авиации, хоть в военной, хоть в гражданской, хорошо платят, а Жека хочет вырваться из нищеты. С Жекой тоже все понятно. Ну а он-то, Игорь, зачем во все это ввязался? Он хочет домой, в свою комнату, где никого нет, кроме него самого, его книг и пластинок, его магнитофона и коллекции записей его любимых певцов и ансамблей. Он хочет, чтобы на обед был вкусный мамин суп, а на ужин – его любимая жареная картошка с колбасой или пельмени со сметаной. Он хочет утром и вечером вставать под горячий душ и мыться вкусно пахнущим «Земляничным» мылом, которое может спокойно лежать в мыльнице, и не нужно беспокоиться о том, что его украдут. Он не хочет никакой воинской дисциплины, переполненных курсантами грязных сортиров и вонючей столовской еды.

Но при всем этом он не может отступить. Не может сказать друзьям, что передумал становиться летчиком, испугался трудностей и возвращается домой. Они расценят это как предательство, ведь они договаривались. Ведь они всегда вместе, один за всех, и все за одного. Как же быть?

* * *

Результаты письменного экзамена по математике оказались неожиданными. Генка Потоцкий получил «четыре», Женя Замятин – «пять». А Игорь Мащенко – «два».

Услышав об этом, Генка и Жека несколько минут ошарашенно молчали. Первым пришел в себя Генка:

– Этого не может быть. Ты же сказал после экзамена, что все задачи решил. Мы же потом сверяли решения, и ты говорил, что все в порядке. Говорил, нет?

– Я соврал.

– Зачем?

– Чтобы вас не расстраивать. Ребята, не берите в голову, никакой катастрофы. Вы будете учиться, а я вернусь домой. На следующий год приеду и буду снова поступать. Ну подумаешь, будет разница у нас с вами в один курс, так что? Нам это дружить не мешает.

– Ну уж нет, – решительно заявил Генка. – Так не пойдет. Мы с Жекой забираем свои документы и возвращаемся в Москву вместе с тобой. Верно, Жека?

– А то, – тут же согласился Замятин. – Правда, на следующий год мы вряд ли куда поступим, нас в армию заберут.

– Ах ты, черт! – Генка со злостью ударил кулаком в стену. – Забыл я совсем, нам же до мая всем по восемнадцать стукнет. В весенний призыв попадаем. Жека, дай закурить.

Женя с готовностью вытащил из кармана пачку «Явы» и протянул другу. Генка сделал несколько глубоких затяжек, потом взгляд его повеселел.

– Ну и ладно! Пойдем в армию, отслужим, потом снова будем сюда поступать.

– Ребята, не валяйте дурака, – грустно проговорил Игорь. – Ну куда вы поступите после армии? Вы же за два года все перебудете, чему вас в школе учили. Это сейчас у нас знания свежие, а после армии нам физику и математику ни за что не сдать. Оставайтесь и учитесь, я не буду злиться и вам завидовать, честное слово.

– Вот дурак же ты все-таки, – в сердцах бросил Генка. – Ну что ты такое говоришь? Мы всегда были вместе и дальше будем вместе, что бы ни случилось. Как же мы тебя одного бросим? А после армии сюда еще легче будет поступить, тем, кто отслужил, в военные вузы всегда дорога открыта. Согласен, нет?

Они поспорили до самого вечера, Игорь уговаривал друзей остаться, и те, в свою очередь, уговаривали его не расстраиваться и рисовали радужные перспективы совместной воинской службы в армии и потом в училище. На другой день с самого утра они втроем явились в приемную комиссию и забрали документы.

* * *

Дома Игорь с наслаждением залез в ванну, вылив туда изрядное количество немецкого «Бадузана». Вот он и дома, вот и кончились его мучения. Как хорошо, что папа с мамой не стали его ругать и все поняли. Папа обязательно что-нибудь придумает, найдет выход. Игорь готов поступать в любой гражданский институт, только бы не идти в армию.

Пока Игорь наслаждался одиночеством и покоем в своей комнате, лежа на удобном диване с книжкой, Виктор Федорович весь день просидел у телефона, сам кому-то звонил, ждал ответных звонков. Наконец он вошел в комнату сына.

– Собери свои вещи и ложись спать. Завтра мы улетаем в Томск.

– Почему в Томск? – удивился Игорь. – Зачем?

– Подавать документы. Ты будешь поступать в Томский университет, на юридический факультет. Это единственное, что я сейчас могу для тебя сделать.

– Но я думал, что буду поступать в Москве... – растерянно пробормотал юноша.

– Ты думал! Я вообще не знаю, о чем ты думал, когда поперся в этот свой Харьков! Прием документов закончился 25 июля, с первого августа уже начнутся экзамены, сегодня 27 июля, а ты все еще о чем-то думаешь! Я поднял все свои связи, я с огромным трудом нашел вуз, где для тебя сделают исключение и завтра примут документы, чтобы ты мог сдавать экзамены. Ты же получил двойку по математике, то есть этот предмет ты знаешь слабо, и мне пришлось искать такой институт, где ее не надо сдавать. Пожалуйста, я мог бы договориться в нескольких московских вузах, чтобы у тебя приняли документы, но это технические вузы, и там нужна математика, которую ты снова завалишь. Так что выбор у меня был ограниченный, в гуманитарные вузы конкурсы огромные, и людей, которые хотят, чтобы им пошли навстречу, гораздо больше, чем ты думаешь.

– Но я... – начал было Игорь и осекся.

В самом деле, ну что он может сказать отцу. Тот прав, безусловно прав.

– Что – ты? – Виктор Федорович подозрительно уставился на сына.

– Я хотел сказать... Ну, в общем, там же историю надо сдавать и литературу. Я не готовился.

– Так подготовишься! Найди учебники, будешь читать в самолете. До первого экзамена еще несколько дней. У тебя, сын, тоже выбор ограниченный: или в Томск, на юрфак, или в армию. Ты сам своими дурацкими поступками, своим непростительным легкомыслием поставил себя в такое положение.

На следующий день рано утром они уехали в аэропорт. Игорь не позвонил ни Генке, ни Жеке и, уже сидя в самолете, думал о том, что второй раз за это лето совершает то, что очень напоминает постыдное бегство. Втихаря, без объяснений и предупреждения.

* * *

На всех экзаменах Игорь получил четверки и был зачислен на первый курс юридического факультета Томского государственного университета. Энергично взявшийся за устройство судьбы сына Виктор Федорович нашел двухкомнатную квартиру, в которой хозяйка сдавала одну комнату, и обо всем с ней договорился.

– Только пусть чистоту соблюдает и компаний сюда не водит, – деловито говорила полная яркая женщина – хозяйка квартиры Тамара Серафимовна. – Холодильником пусть пользуется, я ему полочку целую освобожу, кастрюли, сковородки, тарелки, вилки-ложки – пусть все берет, не стесняется, только чтоб мыл за собой, грязное не оставлял.

За комнату она попросила 30 рублей в месяц, и Виктор Федорович пообещал высылать ей деньги ежемесячно почтовым переводом.

– Я оплачиваю твое жилье, а жить будешь на свою стипендию, – сказал он Игорю.

Однако примерно через месяц отец поостыл и, видимо, решил, что уже достаточно повоспитывал непокорного сына. Первый денежный перевод из дома – 40 рублей – Игорь получил в середине октября. И с тех пор регулярно, раз в месяц, по адресу, где он снимал комнату, приходили два извещения, одно на перевод для Тамары Серафимовны, второе – для Игоря Машенко.

Тамара Серафимовна оказалась замечательной женщиной, доброй, веселой и жизнерадостной. У нее был любовник, у которого она частенько оставалась ночевать, а бывало, и по два-три дня не появлялась дома. Кроме того, где-то в деревне у нее был участок, который тоже требовал внимания и заботы: то копать, то сажать, то полоть, то поливать, то урожай собирать и консервировать. В общем, присутствием своим она городскую квартиру не сильно баловала, и это Игоря весьма и весьма радовало. Правда, появлялась она всегда неожиданно, без предупреждения, и Игорь, несколько раз пытавшийся нарушить запрет и пригласить к себе компанию сокурсников, вскоре понял, что дешевле все-таки выйдет соблюдать требования хозяйки. А то что это за радость – ребята веселятся, пьют пиво и вино, слушают музыку, целуются по углам, а он только и делает, что прислушивается или в окно выглядывает, не появится ли Тамара. А вдруг сейчас придет, увидит это развеселое сборище, да и откажет ему от комнаты. Куда деваться? В общагу? Нет уж, спасибо, коллективной жизнью он сыт до самой смерти. Лучше уж он сам будет ходить в гости.

Тамара Серафимовна работала администратором в ресторане «Томь», питалась на рабочем месте, а посему дома практически ничего не готовила и продукты почти не покупала. То есть покупала, конечно, и готовила из них разные вкусные блюда, но не у себя дома, а у своего дружка. Рассчитывать на сердобольность хозяйки, которая пожалеет бедного студента и покормит его, таким образом, не приходилось. Игорь никак не мог понять, почему

двадцатого числа, в день стипендии, у него в кошельке лежит 40 рублей, а двадцать пятого – только десять. Куда в течение пяти дней улетало три «чирика», было непонятно. Он честно старался наладить быт, покупал продукты и пытался из них варить себе обеды, но отчего-то выходило так, что из того, что можно было купить в магазине, ничего путного не сваришь, а если хочешь съедобного и вкусного, то покупай продукты на рынке, а на это никакой стипендии не хватало, даже с учетом родительских дотаций. Да и умения кулинарного у Игоря не было никакого, он пару раз покупал на рынке мясо с косточкой, в магазине брал свеклу, морковь, картошку, капусту, лук, сметану, полдня возился у плиты, натирая овощи на крупной терке и содрал кожу на пальцах рук, в попытках сварить себе борщ. Но получилось у него что-то невразумительное, даже отдаленно не напоминающее тот густой ароматный борщ, которым кормила его мама. Он решил проконсультироваться у сокурсницы, и девушка, выслушав его горестный рассказ, посоветовала покупать на рынке и овощи тоже, потому что в магазине они перемороженные и полугнилые, какой от них вкус, одна горечь. Игорь прикинул, во что обойдется ему борщ из рыночных продуктов, и решил, что лучше переберется без любимого блюда, потерпит до каникул, когда можно будет поехать в Москву.

Весь первый семестр он то и дело ловил себя на мысли: а зачем, собственно говоря, он здесь учится? История государства и права СССР, история государства и права зарубежных стран, история КПСС, теория государства и права, римское право, политэкономия – все это было для него скучным и неинтересным, а главное – бесконечно далеким от той материи, вокруг которой вертелись и «Знатоки», и «Рожденная революцией», и «Место встречи изменить нельзя», и множество других замечательных фильмов о борьбе с преступностью. Учеба навевала тоску, и ненужные, как ему казалось, дисциплины никак не хотели укладываться в голову в стройную, пригодную для запоминания и усвоения систему.

Зато вне учебы студенческая жизнь ему нравилась. Игорь сразу, еще во время вступительных экзаменов, познакомился с ребятами-москвичами, которые по тем или иным причинам тоже не стали испытывать судьбу попытками поступать в Москве.

– Ты знаешь, какой в Москве конкурс на юрфак? – сказал ему один из новых друзей, смешной очкарик по имени Василий. – Сорок семь человек на место среди школьников. Среди тех, кто имеет стаж работы или служил в армии, конкурс, конечно, поменьше, человек двадцать. При таком конкурсе лучше туда не соваться, если не имеешь блата. Да что я тебе рассказываю, ты же сам сюда приехал поступать, значит, знаешь все это не хуже меня.

Игорь молча кивал, делая вид, что полностью согласен с Васей. Ему совсем не хотелось рассказывать, как он пытался стать летчиком, как получил двойку по математике и как потом его папа по благу устраивал сюда, в Томский университет.

Компания сложилась быстро и легко; кроме Игоря и Василия, в нее входили Георгий Попандопуло, вскоре переименованный в Жору Грека, и две девушки-подружки, вместе решившие стать юристами и вместе приехавшие поступать, – Света и Лена. Все они были из Москвы и все жили в общежитии, ибо только у Игоря была семья, способная оплачивать своему отпрыску отдельное жилье. Со временем он понял, что все закономерно: люди более состоятельные и благополучные находят возможность пристроить свои чада на учебу в Москве, в крайнем случае посылают их в другой город поступать в институт, а потом добиваются разрешения на перевод в аналогичный московский вуз. Для этого, правда, тоже нужен блат, которого у семей малообеспеченных, как правило, не бывает.

Ребята вместе ходили в кино, на танцы или устраивали в складчину веселые посиделки в общежитии. Переписывали друг у друга конспекты, сидели на лекциях вместе и валяли дурака, играя в «морской бой» или в «балду». Юноши и девушки почти сразу разбились на пары, Вася трогательно ухаживал за маленькой тщедушной Леночкой, а мужественному, широкоплечему Жоре Греку выпало счастье удостоиться внимания красивой и слегка надменной Светы. Игорь немного комплексовал из-за того, что остался в этой дружной компа-

нии как будто бы не у дел, и усиленно искал девушку, которую мог бы ввести в этот узкий круг в качестве своей подружки. Но пока ничего подходящего на горизонте не появлялось, девушки им интересовались, но все они были, на его взгляд, или глуповатые, или некрасивые. Одним словом, недостойные того, чтобы быть представленными его московским друзьям.

На зимние каникулы поехали в Москву все вместе. Еще в самолете начали строить планы, как будут проводить время, куда пойдут.

– Я могу попросить отца, он нас проведет на закрытый просмотр в Дом кино, – брякнул Игорь, который все время по мелочам пытался доказать, что тот факт, что у него нет на данный момент девушки, еще не свидетельствует о том, что он ущербный. Пусть девушки нет, зато в другом он может себя проявить.

– Да? – Света с интересом посмотрела на него, приподняв красивые брови. – Он у тебя что, артист? Ты никогда не говорил об этом.

– Он не артист, он преподает во ВГИКе. У него среди киношников знаете какие связи?

– Что ж он со своими связями тебя в Москве учиться не пристроил? – с насмешкой спросил очкарик Вася, который всегда и во всем видел подвох или попытку обмануть себя.

– Так у него связи среди киношников, а не среди юристов, – ответил Игорь, полагая, что привел достаточно убедительный аргумент.

Через некоторое время Света, сидевшая через проход от Игоря, рядом со своим Жориком, протянула руку и тронула Игоря за рукав куртки.

– А твой отец действительно связан с кино или ты просто так сболтнул?

– Действительно. Он доктор наук, профессор кафедры во ВГИКе.

Игорь предусмотрительно умалчивал до поры до времени, что его отец преподает научный коммунизм, а не дисциплину, непосредственно связанную с искусством кино, с актерским или режиссерским мастерством.

До конца полета Света еще несколько раз обращалась к Игорю с какими-то ничего не значащими вопросами и разговаривала с ним, понизив голос, словно между ними происходило что-то интимное, не предназначенное для глаз и ушей ни Васи, ни Леночки, ни тем более Жорика.

Из аэропорта они доехали на большом автобусе до аэровокзала на Ленинградском проспекте и направились к метро. Ехать всем нужно было в разные стороны, ребята еще раз проверили, записали ли телефоны друг друга, и договорились на следующий день созвониться.

Дома Игоря ждали родители и накрытый стол, в центре которого торжественно возвышалась фарфоровая супница с дымящимся ароматным борщом – он специально просил маму по телефону приготовить его любимое блюдо. Игорь, стараясь не растерять солидность – все-таки он теперь студент, а не пацан сопливый, – рассказывал об учебе, о житье-бытье в квартире Тамары Серафимовны и о своих новых друзьях.

– Какие планы на каникулы? – осведомился отец.

– Хотим с ребятами по выставкам побегать, по театрам. Может быть, ты нам поможешь? – Игорь просительно взглянул на отца.

– Ты имеешь в виду помощь с билетами или материальную?

Игорь рассмеялся. До чего же все-таки хорошо дома! Тепло, уютно, безопасно, сытно.

– С билетами, конечно. Ну и материально если поможешь – буду благодарен. Кстати, ты, помнится, говорил, что в Доме кино бывают закрытые просмотры западных фильмов. Ты не мог бы?..

– Отчего же, можно попробовать. Завтра узнаю, где у нас что идет. Кстати, интересные просмотры бывают и в Доме архитектора, вот туда я вас наверняка смогу устроить. Годится?

– Годится, пап, спасибо, – благодарно произнес Игорь.

– А как твои друзья поживают? – неожиданно спросила мама.

Игорь, увлеченный мыслями о предстоящих каникулах, даже не сразу понял, о ком речь.

– Я имею в виду Гену и Женю. Ты с ними переписываешься?

– Ой, мам, письма в наше время – это архаизм, – отмахнулся Игорь. – Зачем писать письма, когда есть телефоны?

– Значит, ты с ними перезваниваешься? – не отставала мама. – Как у них дела? Они учатся где-нибудь или работают? Они в августе несколько раз звонили, когда вы с папой были в Томске, я сказала им, что ты уехал поступать. А потом они перестали звонить.

Настроение у Игоря испортилось. За полгода он ни разу не позвонил ни Генке, ни Жеке. Не позвонил, потому что боялся. Ведь это из-за него они забрали документы из летного училища, в которое практически уже поступили, из-за него, из-за его двойки по математике они отказались от учебы и решили все вместе идти в армию, а он струсил, испугался армии и поехал в Томск поступать в университет. Конечно, у Генкиного отца связей побольше, чем у Машенко-старшего, и он, вполне вероятно, Генку тоже в какой-нибудь институт пристроил, а вот Жека – тот уж точно в весенний призыв загремит в казарму. И все это будет на его, Игоря, совести. Зачем он будет им звонить? Чтобы выслушать по телефону, что он – трус и подонок?

– Честно говоря, не знаю. Я им не звоню, – признался он.

– Вот как? Почему же? Вы что, поссорились?

Мама, сама того не подозревая, бросила ему спасательный круг, и Игорь немедленно в него вцепился:

– Да, знаешь, еще в поезде, когда ехали из Харькова.

– И из-за чего вы поссорились? – продолжала допытываться мама.

– Мы... ну, разошлись по идейным соображениям. Ну мама, ну какое это имеет значение? Главное – результат. Я не хочу больше с ними общаться.

– Но как же так? – недоумевала Елизавета Петровна. – Вы столько лет дружили, вас водой не разольешь, как же можно из-за какой-то пустяковой ссоры отказываться от многолетней дружбы? Нет, я этого не понимаю!

– Оставь, Лизонька, – вмешался отец, – разве ты забыла, что такое юношеский максимализм? В его годы у всех молодых людей любимые слова – «никогда» и «навсегда». Поссорятся из-за пустяка – и жизнь кончается, потому что больше никогда... и так далее. А потом все проходит и даже не вспоминается. Ты уже забыла, как ты отказывалась выходить за меня замуж? Говорила: никогда, Витя, я твоей женой не буду. И что? Вышла за меня как миленькая.

Родители засмеялись, глядя друг на друга теплыми глазами, и Игорь вдруг остро почувствовал свое одиночество. Старых друзей он предал и теперь скрывается от них, прячется, как преступник, а новым он не особенно-то и нужен, они существуют парами, Вася с Леночкой, а Жорик со Светой.

Зазвонил телефон. Игорь даже головы не повернул, он точно знал, что ему никто звонить не может.

– Это тебя, сынок, – сказала мама, почему-то хитро улыбаясь.

Сердце у него упало: кто мог позвонить ему сегодня? Только Генка или Жека. С ребятами он договорился на завтра.

– Кто? – спросил он одними губами.

– Девушка, – шепнула мама.

Игорь быстро схватил трубку. И, к своему изумлению, услышал голос красавицы Светы.

– Игорь, я, наверное, не вовремя...

– Нет-нет, все в порядке, – торопливо произнес он. – Что-нибудь случилось?

– Нет, – Света издала короткий смущенный смешок, – у меня тоже все в порядке. Я тут вспомнила, ты, кажется, говорил, что у тебя есть французский диск Высоцкого.

– Да, – подтвердил Игорь.

Этот диск ему подарил Генка на последний день рождения, от сердца оторвал, отдал свой собственный, привезенный прямо из Парижа, ему отец по своим каналам доставал.

– А ты не мог бы дать его переписать?

– Пожалуйста, бери. Когда встретимся, я принесу.

– А сегодня нельзя? Понимаешь, у меня будет возможность переписать только завтра с утра, магнитофон принесут...

Через пятнадцать минут Игорь, упакованный в новенькую куртку-алюску оливкового цвета с оранжевой подкладкой (мама постаралась к его приезду), мчался с пластинкой в руках к месту встречи со Светой. Казалось бы, ничего особенного не произошло, но он чувствовал, что все это неспроста – и ее звонок, и просьба, и свидание, назначенное в девять вечера и явно за спиной у Жорика.

* * *

Света жила далеко, от метро «Водный стадион» еще несколько остановок на автобусе, но Игорь, конечно же, поехал ее провожать. И не переставал удивляться тому, что за все время девушка ни разу не упомянула о Жорике, словно его и не было в ее жизни. Сидя рядом с ней в холодном дребезжащем автобусе, он с необыкновенной ясностью ощущал, какая она красивая. Именно ощущал, а не видел, потому что боялся смотреть прямо ей в лицо, подумает еще, что он разглядывает ее с каким-то особенным смыслом, а какой же может быть смысл, если она – девушка его друга? Никакого, это и ему понятно.

– Давай я запишу твой адрес, – сказала Света на прощание, когда они стояли перед подъездом ее дома.

– Зачем? – не понял Игорь.

– Завтра привезу пластинку.

– Да не нужно специально ездить, ты что? Завтра созвонимся, все равно будем встречаться все вместе, тогда и отдашь.

– Нет, Игорь, я так не могу. Во-первых, это очень дорогая и редкая пластинка, я ее перепишу завтра с утра и хочу сразу же вернуть, не дай бог с ней что-нибудь случится.

– Господи, Светка, что ты выдумываешь? Что с ней может случиться?

– Ты не понимаешь. – Девушка грустно вздохнула. – Я не хотела говорить, это стыдно, никто из ребят не знает. Но тебе скажу. Понимаешь, у меня старший брат... он... в общем, он сильно пьет. Алкоголик. Он из дома все выносит и толкает за бутылку. Мы с мамой давно уже привыкли все прятать, а он все равно находит и продает. Магнитофон мой унес. Теперь вот у подружки одалживаю. Так что пластинку я хочу сразу вернуть от греха подальше.

Вот это да! У Светки, такой красивой и неприступной, оказывается, брат алкоголик. Игорю отчего-то всегда казалось, что пьянство и алкоголизм бывают только в неблагополучных семьях, а в неблагополучных семьях люди обязательно некрасивые и убогие. Красивые же и умные люди непременно живут в достатке, мире и благополучии.

– А во-вторых? – озадаченно спросил он.

– А во-вторых, я не хочу возвращать тебе пластинку при всех. Жорик сразу поймет, что мы с тобой встречались.

– Ну и что? – не понял Игорь. – Что особенного в том, что ты взяла у меня пластинку?

– Ты не понимаешь, – снова повторила Света, и Игорь почувствовал себя полным идиотом. Оказывается, существует масса вещей, которых он не понимает, зато понимает красивая и умная Света, его ровесница. – Я должна была бы позвонить Жорика и попросить его

вместе со мной поехать к тебе за пластинкой. Тогда все было бы в порядке. А я не позвонила ему, и он может подумать, что я хотела встретиться с тобой без него.

– А почему ты ему не позвонила? – тупо спросил Игорь.

– Ты не понимаешь, – в третий раз произнесла Света уже совсем грустно. – Диктуй адрес, и будем прощаться. Поздно уже, мама ругаться будет.

Всю дорогу домой Игорь пытался сообразить, что же такого он не понимает и почему Света и в самом деле не позвонила Жорику, а поехала за пластинкой одна. Но так и не понял.

* * *

Утром он провалялся в постели допоздна, выполз умыться только часов в одиннадцать и долго разглядывал в зеркале свою заспанную физиономию. Была суббота, родители дома, из кухни тянет знакомым вкусным запахом – на сковородке поджариваются гренки из белого хлеба с сыром, Игорь так любит съесть несколько штук со сладким чаем. Когда раздался звонок в дверь, он еще стоял в ванной в одних трусах и неторопливо, с удовольствием брился.

– Сынок! – в ванную заглянула мама. – К тебе девушка пришла.

Света! Ох ты господи, он так разоспался, что совсем забыл о ней. Как же в таком виде из ванной выходить?

– Мам! – крикнул он, приоткрыв дверь. – Кинь мне джинсы и майку, пожалуйста.

Он быстро закончил бритье, оделся и выскочил на кухню. Светка уже сидела за столом вместе с родителями, перед ней стояли чашка и тарелка, ее, совершенно очевидно, пригласили позавтракать вместе со всеми, и она, столь же очевидно, не отказалась. Сегодня она показалась Игорю еще красивее, хотя там, в Томске, он видел девушку каждый день и в самых разных обстоятельствах, и принаряженную, с ярким макияжем, и невыспавшуюся, с опухшим лицом и покрасневшими глазами – перед экзаменами или после затянувшихся за полночь посиделок со спиртным. Но такой, как сегодня, она никогда еще не была. Длинные белокурые волосы завиты в локоны и свободно падают на плечи, голубизна глаз умело подчеркнута тенями и тушью, а также нарядным голубым платьем, слишком тонким и легким, чтобы носить зимой. «И как она не замерзла, – подумал Игорь, усаживаясь рядом с ней за стол. – Январь на дворе, а у нее даже не шуба, а пальто».

– Вы извините, что я так рано вас потревожила, – вежливо говорила Света, – но я Игорю еще вчера сказала, что принесу пластинку прямо с утра. Я думала, он вас предупредит.

– Ну что вы, Светочка, стоило ли так беспокоиться, – великодушно ответила Елизавета Петровна.

– Нет, у меня принцип: ценные вещи вообще лучше ни у кого не брать, а если уж взял, то как можно быстрее вернуть.

– Похвально, – коротко бросил Виктор Федорович. – И вообще радостно слышать, что у нашей молодежи есть хоть какие-то принципы.

– Пап, – Игорь умоляюще взглянул на отца, – ну зачем за завтраком говорить о политике?

– Принципы – это не политика, это нравственность, а говорить о нравственности уместно всегда и везде, эта тема неисчерпаема и актуальна, – внезапно выдала Света.

Игорь ошеломленно уставился на девушку. Что она такое говорит? И это Светка, которая на лекциях умирает от скуки и готовится к экзаменам ровно столько, сколько нужно, чтобы получить хиленькую четверочку и не потерять стипендию? Это Светка, которая больше всего на свете любит наряды и танцульки и считает себя первой красавицей Томского университета? Да откуда она слова-то такие знает? Отец, однако, ничего необычного

в ее словах не уловил, но это и понятно, он ведь видит Светку в первый раз и не знает, какая она на самом деле.

– Ну, с этим, уважаемая гостя, я бы поспорил. Нравственность не так легко отделить и отграничить от политики, как вам кажется. Они очень взаимосвязаны и влияют друг на друга. Какова политика государства, такова и нравственность в обществе. Но, впрочем, это действительно слишком тонкая и сложная материя, чтобы обсуждать ее субботним утром за завтраком. Давайте лучше поговорим о приятном.

– Давайте, – с готовностью согласился Игорь, поглощая уже третий гренок.

Они принялись обсуждать культурную программу на предстоящие каникулы, отец со знанием дела советовал, куда сходить и что посмотреть, обещал достать билеты.

– Но только по пять билетов я вам обеспечить не смогу, – предупредил он. – Это много.

– А зачем нам пять билетов? – Света выразительно округлила свои голубые глазки. – Нас же двое, я и Игорь.

Игорь поперхнулся и долго откашливался, мама похлопывала его ладонью по спине, а Виктор Федорович некоторое время насмешливо посматривал то на сына, то на девушку в голубом платьице.

– Ну что ж, – наконец произнес он, – если двое – то уже легче.

После завтрака Игорь пригласил Свету в свою комнату и показал свою коллекцию пластинок и магнитофонных записей.

– Ты посмотри, может, тебе еще что-нибудь нужно, – предложил он. – Перепишешь, пока мы в Москве.

Света долго разглядывала книжные полки, мебель, шторы на окнах.

– Хорошо у тебя, уютно. И вообще у вас квартира хорошая, большая такая, никто никому не мешает. И родители у тебя очень приятные.

– Спасибо. Слушай, я не понял, почему ты сказала, что нам не нужно пять билетов? Мы с тобой что, вдвоем будем в театр ходить?

– Конечно. А ты хочешь ходить один?

– Постой, а как же ребята? Мы ведь договаривались все каникулы вместе проводить. И потом, а Жорик? Он обидится, он же тебя любит.

– Этого недостаточно, Игорек, – с загадочным видом ответила девушка.

– Чего недостаточно?

– Того, что он меня любит. Нужно еще, чтобы я его тоже любила. Впрочем, это к делу не относится. Давай лучше решим, чем сегодня займемся.

Она удобно устроилась на диване и оперлась локтем о диванную подушку.

– Но ведь ребята будут звонить, мы же договаривались...

– Игорь, ну что ты, в самом деле, как маленький! – сердито воскликнула Светлана. – Ребята, ребята... Ваське с Леной и без нас хорошо, мы им совершенно не нужны. Если хочешь знать, они собираются заявление в загс подавать, им вообще сейчас не до нас.

– Васька с Леной женятся? – изумился Игорь.

Вот никогда бы не подумал! Конечно, они влюблены друг в друга, это всем понятно, и все время проводят вместе, глаз друг с друга не сводят, но жениться... Зачем? Они и так вместе и, пока будут учиться в Томске, будут жить в общежитии, ничего не изменится. Неужели Васька считает свою невзрачную малышку таким сокровищем, которое кто-то может у него увести? Нет, конечно, Леночка – чудесная девчонка, веселая, остроумная, компанейская, но разве жену выбирают за эти качества? Жена должна быть красивой и такой, чтобы все восхищались и завидовали. Например, такой, как Светлана. Но уж точно не такой, как Леночка.

* * *

Опасения Игоря не подтвердились. У него было еще слишком мало опыта, чтобы прогнозировать подобные ситуации, и он не знал, что отношения, складывающиеся в одной обстановке и в одной социальной среде, зачастую преобразуются и теряют свою ценность при попытке перенести их в другую обстановку и среду. Оторванные от дома, оказавшиеся в далеком сибирском городе, так непохожем на Москву, втиснутые в совершенно иные бытовые условия, ребята искренне считали, что стали самыми близкими друзьями. Однако по возвращении домой все оказалось иначе. У всех были в Москве друзья-приятели, с которыми так хотелось пообщаться и поделиться новостями, а у Жорика была девушка, с которой он встречался целых два года до того, как поехал поступать в Томский университет, и которая, конечно, тут же объявилась, как только ей от общих знакомых стало известно, что он в Москве. Вася и Леночка всюду ходили вместе, перезнакомились сначала с его, потом с ее друзьями, мгновенно создалась большая общая компания, которая то уезжала с самого утра кататься на лыжах в Подрезково или под Яхрому, то собиралась у кого-то дома слушать записи группы «Пинк Флойд», Элтона Джона и Джо Дассена, то просто гуляли по зимней Москве, перемежая бесконечный треп с заходами погреться в какой-нибудь кафетерий и поеданием кексов «Столичный» за 16 копеек, которые запивались горячим невкусным кофе с молоком из мутных от грязи граненых стаканов.

Света пару раз для порядка позвонила Жорику, собираясь что-то наврать, тем самым объясняя ему невозможность встретиться в ближайшие дни, однако дома его не застала и на этом успокоилась, тем более что Жорик и сам ее не очень-то разыскивал, тоже отзвонился один разок и вполне удовлетворился тем, что «Светы нет дома». Игорю же никто из ребят вообще не позвонил, и он, каждый день с утра надевая свежую рубашку и собираясь на свидание со Светланой, с облегчением думал о том, что совесть его чиста.

Все десять дней они провели вместе, по вечерам ходили в театры и в кино, а днем, когда родители Игоря были на работе, слушали музыку и до обморока целовались в его комнате на диванчике.

Но каникулы закончились, и надо было уезжать. Обратные билеты покупали еще в Томске, и лететь всем пятерым предстояло одним рейсом. Игорь поехал в аэропорт вместе со Светой. Регистрация на их рейс еще не началась, и они стояли в обнимку в сторонке и целовались. У Игоря неприятно холодело внутри при мысли о том, что сейчас придет Жорик и нужно будет с ним объясняться. Или не объясняться? Просто демонстративно держать Светку за руку и целовать в щечку? Ну хорошо, а Жорик спросит, что это значит, и надо будет что-то отвечать. А что? Или ничего не показывать, никаких чувств не проявлять, а потом с глазу на глаз поговорить с ним по-мужски. И что сказать? Дескать, извини, друг, я у тебя девушку увел, пока ты на минутку отвернулся? Тоже не годится. Хотя, если по совести, речь идет не о минутке, а о десяти днях, в течение которых Жорик, судя по всему, не очень-то убивался от тоски по своей любимой Светочке. Потому что если бы убивался, то оборвал бы телефон у Светки дома, а не застав ее, позвонил бы ему, Игорю, с вопросом, не объявлялась ли Света и не знает ли Игорь, где она может быть.

Через какое-то время появились Вася и Леночка, сияющие и счастливые. Правда, они несколько опешили, увидев, как Игорь совершенно недвусмысленно обнимает Светлану.

– А Жорик где? – с подозрением спросил Василий.

– Как всегда, опаздывает, – равнодушно ответила Света, еще сильнее прижимаясь к Игорю. – Не волнуйся, успеет, еще регистрация не начиналась. Вы заявление-то подали? Или, может, передумали?

– Подали, – Леночка порывисто обняла подругу. – В Грибоедовский. Такую очередь отстояли! Регистрация 28 апреля, мы специально так подгадали, чтобы к майским праздникам. На свадьбу три дня отпуска полагается, плюс праздники, плюс суббота с воскресеньем – у нас получится целая неделя. Правда, здорово?

– Здорово, – согласилась Света. – Когда я буду замуж выходить, я тоже в Грибоедовский буду заявление подавать, там, говорят, все так красиво, торжественно, мраморная лестница, ковровые дорожки, и музыканты настоящие, а не магнитофон. Ладно, вот выйдешь замуж – расскажешь, как там все происходит, буду знать, к чему готовиться.

Игорю показалось, что в этот момент Светлана ждала от него каких-то слов, но не сообразил, каких именно, и промолчал.

Регистрация на рейс началась, ребята заняли очередь, а Жорика все не было. Он появился в последний момент и едва успел через головы других пассажиров протянуть Игорю свой паспорт и билет.

– Ты чего опаздываешь? – с негодованием набросился на него Вася. – Мы уж не знали, что и думать.

– Извини, старик, проспал. Вчера отвальную устроил, перебрал немного, голова прямо раскалывается. Светик, иди сюда, я тебя чмокну.

Он потянулся к Светлане, но та брезгливо отвернулась:

– От тебя перегаром несет.

– Да ладно, ну чего ты...

– Не трогай меня! – взвизгнула девушка. – Ты за все каникулы ни разу со мной не встретился, только пил со своими дружками и с девицами, наверное, тоже. В Москве я тебе не нужна оказалась, ты себе тут получше нашел, да? А для Томска и я сгожусь. Нет уж, Жорочка, так не пойдет.

– Да ты что, Светка, взбесилась? Что с тобой? – удивленно протянул Жорик.

– Со мной ничего. И с тобой ничего. И больше у нас с тобой ничего не будет, запомни.

– Как это – ничего не будет?

– А вот так это. Не будет – и все. А о том, что было, – забудь.

– То есть... ты хочешь сказать, что у нас с тобой... все, что ли?

– Вот именно. У нас с тобой – все. Все кончено.

– Ну ладно, – Жорик пожал плечами, – все так все. Когда очухаешься – дай знать.

Игорь, Вася и Леночка ошеломленно наблюдали за этой сценой, казалось, сошедшей со страниц какого-то дешевого любовного романа. Особенно недоумевал Игорь. Ведь Света сама сказала, что Жорик ей не нужен, и встречаться с ним во время каникул она не хотела, и не искала его, а когда звонила, то лишь затем, чтобы объяснить, что не может с ним встретиться. Зачем же она разыгрывает этот спектакль? Да еще самого Жорика выставляет виноватым. Но в конце концов, это не самое важное. Главное – Жорик теперь знает, что Света не с ним, она его бросила, и ничто не может помешать Игорю за ней ухаживать. А скандал... Ну что ж, это, как любит повторять Светка, к делу не относится.

* * *

Спустя месяц Света впервые осталась у него ночевать. Тамара Серафимовна вдруг решила заблаговременно предупредить своего квартиранта о том, что уезжает на несколько дней в деревню, где заболела какая-то ее родственница.

– Лекарства отвезу, вкусенького чего-нибудь, – деловито говорила она Игорю. – Ну и сам понимаешь, надо будет в райцентр ехать, в больницу ее класть, а там надо договариваться, чтобы ухаживали как следует, а то, как говорится, не подмажешь – не поедешь.

«Утку» не вынесут вовремя, белье не поменяют. На работе я отпуск взяла за свой счет, так что искать не будут. А если кто спросит – скажи, приеду числа пятнадцатого.

Пятнадцатого! А сегодня только шестое. А послезавтра – восьмое. 8 Марта, Международный женский день. Между прочим, выходной. Радостные и пугающие мысли забродили у Игоря в голове. Проводив хозяйку до автовокзала и дотащив ее тяжеленные сумки, Игорь принялся проверять содержимое своего кошелька и прикидывать, что можно купить Свете в подарок. И чтобы хватило на цветы, на бутылку шампанского и торт. Правда, за тортом еще побегать придется, так просто на каждом углу не купишь.

Седьмого марта он прогулял две лекционные пары, явившись только на семинар по политэкономии. Результатом этого прогула явился торт «Подарочный», бисквитный с кремом и посыпанный орехами, бутылка шампанского, букетик мимозы и умопомрачительного цвета лак для ногтей, темно-малиновый, в изящном заграничном флакончике, купленный возле рынка у цыганки в широкой цветастой юбке. Все свои приобретения Игорь успел отнести к себе, торт засунул в холодильник, веточки мимозы поставил в вазочку, которую временно позаимствовал у Тамары Серафимовны, не имевшей привычки запираеть дверь в свою комнату.

После семинара он помчался искать Свету – они учились в разных группах.

– Привет! Какие планы? – как можно небрежнее спросил он.

– Никаких, – улыбнулась девушка. – Завтра выходной, так что сегодня можно к семинарам не готовиться.

– Пойдем ко мне, – с замиранием сердца предложил Игорь. – Моя хозяйка свалила на несколько дней.

– Пошли, – легко согласилась Света.

Она так обрадовалась стоящим на столе цветам, так радостно прыгала, зажав в кулачке флакончик с лаком, и с таким нескрываемым удовольствием ела торт, что Игорь умилялся и не мог понять, как он мог еще два месяца назад считать ее надменной и неприступной. Ничего надменного в ней нет, просто она так вела себя, потому что рядом был Жорик, который душил ее своей любовью и который ей совершенно не нравился. А с ним, с Игорем, она совсем другая, легкая, дружелюбная, простая и милая.

Съев добрую половину торта и прикончив бутылку шампанского, они начали целоваться, и спустя некоторое время наступил тот момент, когда Игорь понял, что нужно что-то делать. Что-то другое, отличное от того, чем прежде ограничивались их ласки. То, ради чего, собственно, он и позвал сегодня Свету к себе. Но как это сделать? Как приступить к выполнению задуманного? А вдруг Света обидится и уйдет?

– Какой диван узкий, – бросил он пробный шар в секундном перерыве между поцелуями.

– А давай его раздвинем, – с готовностью отозвалась девушка.

Они разложили диван, и возникла пауза. Оба стояли и не знали, что делать дальше. Но Света взяла инициативу на себя:

– Где у тебя постельное белье?

Они провели в квартире Тамары Серафимовны все время вплоть до утра 9 марта, когда нужно было подниматься и идти в университет на занятия. За эти долгие и такие скоротечные часы они доели торт и выгребли из холодильника остатки продуктов, купленные Игорем, – яйца, сыр и консервы «Завтрак туриста». Светлана оказалась опытнее Игоря, и им удалось избежать неловкостей и заминок, которых так опасался сам Игорь, рисуя в мечтах первые минуты близости с красавицей-сокурсницей.

– Света, а ты с Жориком... – Он не закончил вопрос, не зная, в какие слова облечь то, что хотел спросить.

– Конечно. Разве он тебе не говорил?

– Нет.

– Ну что ж, это хорошо. Значит, Жорка – не болтун. А ты, Игорек?

– Что – я?

– Трепаться не будешь? Или завтра же всем раззвонишь, что уложил меня в постель?

– Да ты что, Светик! Как ты можешь!

– Ладно, не обижайся.

Света прижалась к нему, погладила по груди.

– Просто я знаю, как вы любите хвастаться друг перед другом, когда вам удается уложить красивую девушку. Но ты не такой, я знаю. Ты самый лучший.

Он помолчал, думая, задавать следующий вопрос или лучше не надо. И решил, что все-таки задаст.

– Свет, а до Жорика у тебя был кто-нибудь?

– Это к делу не относится.

«Значит, был», – решил про себя Игорь. Ну и пусть, какое это теперь имеет значение? Теперь она с ним, и это – главное.

* * *

Вплоть до приезда Тамары Серафимовны Светлана приходила к Игорю каждый день и оставалась у него до утра, но с возвращением хозяйки пришлось придумывать, как быть дальше. Он маялся, опасаясь внезапного возвращения квартирной хозяйки, вздрагивал от каждого шороха и кусал локти от злости на самого себя и на весь мир, когда Тамара вообще не являлась ночевать. Света с каждым днем все больше мрачнела, но ничего не говорила. И только в конце апреля неожиданно спросила:

– Твоя Тамара к которому часу на работу уходит?

– К одиннадцати. Но не каждый день. У них там смены, но они все время меняются, не уследишь.

– Значит, с утра она в любом случае дома? – зачем-то уточнила Света.

– Ну да, если только дома ночует, а не у хахалы своего. А ты почему спрашиваешь?

– Так просто.

– Ну все-таки почему? – не отставал Игорь.

– Это к делу не относится, – отмахнулась девушка.

Спустя несколько дней Игорь, придя с утра в университет, не увидел Свету. Ее не было в лекционном зале, и Леночка не знала, куда девалась ее подруга. Ночевала в общежитии, а утром куда-то ушла. Игорь места себе не находил и твердо решил, что если ко второй паре Света не появится, он отправится ее искать. Где искать и как, он представлял себе слабо, но нужно же что-то делать! Человек пропал!

Однако на вторую пару Света пришла, уселась рядом с Игорем как ни в чем не бывало, достала толстую тетрадь для конспектов и приготовилась записывать.

– Где ты была? – прошипел Игорь.

– Это к делу не относится. Проверка была на первой паре?

– Не было.

– Ну и слава богу, значит, мой прогул не отметили.

– И все-таки где ты была?

– Отстань, не мешай конспектировать.

До конца лекции они сидели как чужие, Светлана старательно записывала, а Игорь рисовал в тетради кораблики и с горечью думал о том, как быстро кончилось его счастье. Вот она уже уходит, не предупреждая, и не считает нужным что-то объяснить. А что будет дальше?

После занятий Света сама подошла к нему и ласково взяла под руку:

– Ну что, Игорек, пошли домой?

– Куда? Домой? – переспросил он.

– Ну да. К нам домой. Я разговаривала сегодня с Тамарой Серафимовной, и она разрешила нам жить вместе.

– Ты...

Он потрясенно смотрел на девушку, не веря тому, что услышал.

– Ты была у Тамары?

– Да, сегодня утром. Вместо первой пары.

– И что ты ей сказала?

– Сказала, что мы любим друг друга и хотим жить вместе. И спросила, не может ли она нам чем-нибудь помочь. Может быть, она знает кого-то, кто сдаст нам комнату или квартиру.

– И что Тамара?

– Да ничего, расслабься ты, чего ты так перепугался, Игорек? – Светлана весело рассмеялась. – Твоя Тамара мировая тетка, ей на самом деле глубоко наплевать, один ты живешь или со мной, для нее главное – чтобы грязи не было и чтобы никто на кухне и в ванной не толкался, когда она дома. Поэтому она и компании приводить не разрешает. А спокойная хозяйственная молодая девушка, которая обещает соблюдать чистоту и порядок, – это же совсем другое дело.

– Светка, ты не врешь? Ты действительно с ней договорилась?

Он все еще не верил обрушившемуся на него счастью.

– Ну конечно. Пошли. Теперь у нас есть свой дом. Правда, хорошо?

Они перетащили из общежития ее вещи – учебники, одежду, кое-что из посуды и всякие милые мелочи и вечером устроили в комнате Игоря тихое новоселье с дешевым вином «Агдам», яичницей с сыром и помидорами и с бесконечными «законными» поцелуями.

* * *

Светлана сильно преувеличивала, когда назвала себя хозяйственной девушкой. Ходить по магазинам в поисках продуктов она не хотела, готовить не умела, мыть полы и драить сантехнику не любила.

– Ну что это такое, – жаловалась она Игорю, – в этом Томске ничего купить невозможно, ни мяса, ни колбасы. Жаркое приготовить не из чего, суп сварить невозможно.

Он даже не пытался возражать и говорить, что весь огромный город как-то живет и из чего-то варит супы, он слишком хорошо помнил свои жалкие и безуспешные попытки сварить борщ. В конце концов, разве это главное – все эти обеды и ужины? Они молоды, полны сил, любят друг друга и живут вместе, это ли не счастье? А питаться можно консервами и булочками, все студенты в общаге так живут – и ничего, никто не умер.

– Вот если бы мы с тобой жили вместе в Москве, я бы тебя кормила на убой, – часто повторяла Светлана. – Я такие пирожки пеку – пальчики оближешь. И вообще я хорошо умею готовить, только продукты нужны.

И Игорь верил.

– Я не могу мыть унитазы и раковины в чужой квартире, – со скорбным видом говорила она. – Понимаешь, я так остро чувствую, что это – чужое! И получается, что я как бесплатная домработница. Вот если бы это была сантехника в нашей квартире, где только ты и я, она бы у меня сверкала и блестела! Честное слово.

И этому он тоже верил. Он был полон первой взрослой любовью (девчонки, за которыми он ухаживал еще в школе, не в счет, это было смешное неуклюжее детство) и не хотел думать о пустяках.

Оставалась одна проблема – родители. Рано или поздно они узнают о том, что он живет со Светой (а точнее – Света живет с ним), и еще неизвестно, как к этому отнесутся. Хотя там, в Москве, она им, кажется, понравилась, во всяком случае, они ничего не имели против того, что их сын проводит с белокурой голубоглазой девушкой целые дни. Но ведь одно дело – сходить вместе в театр или на выставку, и совсем другое – жить вместе, как муж и жена. А узнают об этом родители непременно, потому что регулярно звонят сюда, в квартиру Тамары Серафимовны. Либо в один прекрасный день Света снимет трубку, и они обо всем догадаются, либо Тамара им сама скажет.

До летней сессии ничего страшного не случилось, родители Игоря оставались в полном неведении. Но после сессии во всей полноте встал вопрос о том, где и как проводить каникулы. Василий с Леночкой поженились и после майских праздников вернулись в Томск с новенькими обручальными кольцами на руках. Жорик, прождав несколько дней после зимних каникул в надежде, что Света одумается и прибежит мириться, быстро утешился в обществе сначала одной сокурсницы, потом другой, а к лету у него уже развивался бурный роман со студенткой филологического факультета. Он и не думал сердиться на Игоря и свою бывшую пассию, вел себя вполне дружелюбно и даже выступил инициатором совместного летнего отдыха. Идея была поддержана с энтузиазмом.

– Я знаю одно место, где можно жить вместе без регистрации брака, – сказал Жора Грек. – Там селят в двухместные домики и никаких документов не спрашивают.

– А где это? – заинтересовался Игорь.

– В Марийской ССР, под Йошкар-Олой. Турбаза называется «Яльчик». Можно поехать шестером, теплой компанией. Только надо путевки купить. Но это не проблема, поскольку место не шикарное, все-таки не Сочи и не Ялта, а всего лишь Яльчик, – скаламбурил Жора.

В тот же день вечером Игорь позвонил домой и спросил отца, может ли он достать путевки на эту турбазу. Тот пообещал узнать, потому что слышал о Яльчике впервые в жизни. Но через несколько дней, как раз перед последним экзаменом, Виктор Федорович сообщил, что все в порядке, есть шесть путевок, заезд 10 июля.

* * *

Грек не обманул, на турбазе «Яльчик» в паспортах смотрели только фамилии, на наличие штампов о регистрации брака никто внимания не обращал. И домики действительно было двухместными, деревянными, с двумя кроватями, двумя стульями и двумя тумбочками. Общий туалет и общий длинный жестяной умывальник находились на улице, и Игорь сначала содрогнулся от отвращения, вспомнив прошлое лето и аэродром «Рогань», но потом утешил себя мыслью о том, что жить он будет не с кем-нибудь, а со Светой, и у них отдельный, запирающийся на ключ домик, в который никто без их ведома не войдет и ничего не украдет, и можно уходить с территории турбазы куда хочешь и когда хочешь. И вставать можно когда угодно, а не в 6 утра, и физзарядку делать не нужно, и уж тем более не нужно заниматься уборкой территории. В общем, никакого сравнения!

Кормили в «Яльчике» плохо, но зато на территории турбазы был магазин, где можно было отовариваться спиртным, шпротным паштетом в банках и хлебом, а у приезжающих каждый день крестьян покупать огромные сочные помидоры пугающе лилового цвета, невероятно вкусные и сочные. Ребята целыми днями катались на лодках, купались, загорали, играли в волейбол и в бадминтон, по вечерам пили вино или дешевый плохой коньяк, закусывая помидорами и хлебом, намазанным паштетом, и, влажно блестя глазами от предвкушения, расходились по своим домикам.

Вернувшись с турбазы, остаток лета они провели по отдельности. Вася с молодой женой осел на даче в Подмосковье, Жорик с подружкой-филологиней махнул куда-то на

Волгу к родственникам, а Игорь и Света остались в Москве. Виктор Федорович, правда, предлагал отправить сына на Черное море, в дом отдыха, у него была такая возможность, но Игорю не хотелось расставаться со Светой.

На втором году учеба пошла веселее, начался курс уголовного права, правда, пока только общая часть, но все равно это было Игорю куда интереснее и ближе к настоящей преступности, чем какие-то там истории-теории. Комната его в квартире Тамары Серафимовны все больше обрастала приметам того, что здесь живет женщина: на подоконнике прочно обосновалось большое зеркало, перед которым Света наводила красоту, рядом лежала ее косметика и стояли баночки с кремами для лица и для рук; посреди стола теперь стояла вазочка для цветов, а на гвозде, вбитом в косяк, висел шелковый яркий халатик. С хозяйкой квартиры Света отлично ладила, и Тамара Серафимовна даже стала изредка подбрасывать молодым людям принесенные с работы продукты – то кусочек сырокопченой колбасы, то маленькую баночку салата «Оливье», то несколько ломтиков красной или белой рыбки. В остальном жизнь текла как и прежде: консервы, булочки, чай, плавленые сырки «Дружба» и макароны из серой муки. Уборкой занимался Игорь, так повелось с самого начала, да и потом, у Светы маникюр, который она портить не хотела. Но это не омрачало его радости, ведь после каждого дня ему наградой была упоительная, чудесная, восхитительная ночь, полная восторгов и открытий.

* * *

Каждый раз, когда звонил телефон, Игорь вздрагивал и внимательно прислушивался, пытаясь по интервалам между звонками определить, не междугородний ли вызов. Телефонный аппарат стоял на столике в прихожей, и Света каждый раз пыталась первой выскочить из комнаты и схватить трубку.

– Сколько раз я тебя просил – не делай этого, – сердился Игорь. – А вдруг это мои предки?

– Ну и что? Скажу, что пришла к тебе заниматься.

– Ты моего отца не знаешь. С ним такие номера не проходят. Он сразу же начнет дозваниваться до Тамары и все у нее выпросит. Он знаешь какой у меня!

– Ой, можно подумать, – презрительно тянула Света. – Убьет он тебя, что ли? Ты взрослый человек, тебе уже девятнадцать, даже жениться можешь. Если бы он так боялся за твою невинность, то оставил бы тебя жить в общежитии, а не снимал бы тебе комнату, в которой ты сам себе хозяин.

– Совсем наоборот, – доказывал ей Игорь, – если бы я жил в общежитии, он никогда не дознался бы, чем я занимаюсь и с кем. А здесь за мной хозяйка присматривает, через нее всегда можно меня проконтролировать.

– То-то я смотрю, как он тебя контролирует, – хохотала Света, опрокидывая Игоря на диван и жадно целуя. – Ты уже почти женат, а он все еще не в курсе.

Слова «муж», «жена», «свадьба» все чаще слетали с ее языка, но Игорь не обращал на это внимания. Все девушки хотят замуж и любят об этом поговорить, ничего особенного. Он сам пока жениться не собирался.

Но в один прекрасный день Светлана перевела свои многочисленные намеки в область жесткой конкретики.

– Скажи, пожалуйста, ты собираешься ставить своих родителей в известность о том, что скоро женишься? – спросила она вполне мирным тоном. Таким тоном Света могла бы спросить, взял ли он в библиотеке задачник по гражданскому праву и какой ответ у него получился при решении задачи номер пятнадцать.

Они только что поужинали, убрали со стола и разложили конспекты и учебники, чтобы готовиться к завтрашним семинарам, Света – по гражданскому праву, Игорь – по уголовному.

Игорь испугался столь открытого напора и решил попробовать отшутиться.

– А разве я собираюсь жениться? – спросил он весело. – Что-то мне никто об этом не говорил.

– А разве не собираешься?

Света неожиданно серьезно посмотрела на него, и Игорь вдруг понял, что шутками на этот раз ему не отделаться.

– Светик, я тебя люблю, ты это знаешь. Но как мы можем сейчас создавать семью? На что мы будем жить?

– А на что мы сейчас живем?

– Мы живем на две наши стипендии, – добросовестно начал перечислять Игорь, – и на то, что присылают наши родители.

– Ну вот, видишь. Нам хватает. Чего же ты боишься? С голоду не умрем.

– Света, это несерьезно. Пока мы с тобой холостые-неженатые, наши родители относятся к нам как к детям, которым нужно помогать и которых нужно содержать. Моя мама, например, в прошлом году купила мне куртку, на которую у меня денег не хватило бы. Твоя мама купила тебе пальто и сапоги. Пока мы их дети – это нормально. Но как только мы поженимся, мы станем самостоятельной ячейкой общества, и жить нам придется только на собственные доходы.

– Да перестань ты, – Светлана смешно наморщила носик, – что они нам, помогать перестанут? Всем молодым семьям родители помогают, квартиры им покупают, машины, мебель, посуду. У твоего отца наверняка мощные связи, он и нам с тобой квартиру пробьет. Не бойся, Игоречек, не пропадем. Так как?

– Ну что «как»? Какой нам смысл жениться, пока мы с тобой учимся здесь? Все равно жить придется у Тамары, ничего же не изменится. Ребенка заводить глупо, пока мы университет не окончили, так что я не вижу никакого смысла в том, чтобы жениться и будоражить наших с тобой предков. А к пятому курсу нам уже будет по двадцать три, и они воспримут наше решение пожениться совершенно спокойно. Ты согласна, Светик?

– Конечно. – Она посмотрела на него ясными голубыми глазами из-под белокурой челки. – Ты прав, Игоречек, как всегда.

Игорь радовался, что вышел из трудного разговора с наименьшими потерями и так легко смог переубедить Светлану. Правда, его здорово покорило ее заявление насчет мощных связей Виктора Федоровича и его возможностей «пробить» им отдельную квартиру, но неприятный осадок быстро растворился в повседневной радости совместного с любимой девушкой бытия.

* * *

У Светланы был еще один пункт – глубокая заикленность на своей внешности. При этом она любила сравнивать себя с известными актрисами, и сравнение это было, разумеется, всегда в ее пользу. Какой бы фильм они ни смотрели в кинотеатре, Света обязательно говорила:

– Ну что за уродку они взяли на главную роль! Ты посмотри, Игоречек, – и это актриса? Это звезда?! По-моему, я намного лучше.

– Ну конечно, ты лучше, – соглашался Игорь. – Ты вообще самая красивая девушка на свете.

– Может, и не самая красивая, – скромничала она, – но уж точно получше этих страхолюдин. И зачем я пошла на юридический? Надо было в театральный поступать. Или во ВГИК.

«Наверное, она права, – с доброй усмешкой думал Игорь, вспоминая мастерски разыгранную Светланой сцену с Жорой Греком в московском аэропорту. – Такая актриса погибает. Ничего, это у нее пройдет, все красивые девушки мечтают стать актрисами, это нормально. Да и некрасивые тоже». Дальше этих снисходительных улыбок мысль его не шла. До поры до времени.

Они вполне успешно закончили второй курс юрфака. Света, как обычно, сдала экзамены на все четверки, которые сама же со смехом называла «тройка плюс красивые глаза», Игорь учился лучше, посему в его зачетной книжке мелькали и пятерки. И снова встал вопрос о каникулах. Расставаться не хотелось, Света настаивала на том, чтобы ее возлюбленный легализовал их отношения перед родителями, Игорь же вяло отнекивался, объясняя, что не может гарантировать их положительную реакцию. А вдруг они будут против?

– В конце концов, ты взрослый человек, – сказала Света жестко, – и можешь проводить каникулы там, где захочешь. Если ты боишься просить отца, чтобы он достал нам две путевки на море, то поедem дикарями.

Компания в этом году не сложилась, Вася с Леночкой укатили в дом отдыха на Валдай, а Жора, расставшись с филологиней, решил провести время в обществе своей московской подружки, по которой вдруг неожиданно соскучился. Игорь и Светлана отправились в Гагры. Конечно, была почти неразрешимая проблема с билетами на поезд, но ведь молодости, любви и здоровью никакие очереди не страшны.

Они сняли комнату у старухи-абхазки, узкую, темную, с одной кроватью и колченогим стулом, но и этим были довольны, ведь все равно целый день они проводили на пляже, вечером шатались по набережной, ели шашлык, пили молодое вино и сваренный на песке в маленьких турках крепкий кофе и наслаждались обществом друг друга. Мужчины-кавказцы с жадным любопытством бесцеремонно разглядывали белокурую красавицу, одобрительно цокали языками и бросали на Игоря завистливые взгляды.

Каждый раз доставая из кармана деньги, Игорь с благодарностью думал о родителях, которые не задали ему ни одного вопроса о том, с кем он едет, и если один – то почему, и куда поедут отдыхать его университетские друзья, в частности Света, с которой он проводил в Москве все свободное время. Ничего не спросили, только дали денег. Явно больше, чем нужно двадцатилетнему студенту, отдыхающему в одиночестве.

Уже в Москве, после возвращения с юга, Света неожиданно заявила:

– Мне так не хочется возвращаться в этот дурацкий университет! Кажется, я действительно ошиблась с выбором профессии. И с чего я, дура, решила, что хочу быть юристом?

– А кем же ты хочешь быть? – спросил Игорь.

– Актрисой. Хочу играть в театре и сниматься в кино. У меня получится, я чувствую.

– Светка, не придумывай! Это у тебя постканикулярный синдром, после моря, солнца и безделья всегда страшно возвращаться к работе или учебе. Вот приедem в Томск, в нашу комнату, начнем ходить на занятия – и все войдет в свою колею. Увидишь, все будет хорошо.

– Нет, не будет! Ничего не будет хорошо! Я не могу больше жить в Сибири, где нечего есть и нечего купить. Я не хочу больше зубрить гражданское право, меня от него мутит!

Они шли по улице Горького от Кремля в сторону кинотеатра «Россия» и в этот момент поравнялись с памятником Пушкину. Игорь прижал к себе локоть Светланы и повернул направо.

– Давай зайдем в «Лакомку», – предложил он, чтобы прекратить этот глупый и бессмысленный, на его взгляд, разговор.

До кафетерия дошли молча. Светлана, словно делая Игорю огромное одолжение, маленькими плоточками пила горячий шоколад и ложечкой аккуратно ела пирожное. Наконец лицо ее смягчилось, губы дрогнули в готовности улыбнуться, и Игорь решил, что гроза в очередной раз миновала.

– Ну, остыла? – ласково спросил он.

– В такую жару да еще с горячим шоколадом? – шутливо отпарировала девушка. – Не дождетесь, сударь. Игоречек, а твой отец имеет отношение к приемной комиссии во ВГИК?

Только теперь до него стал доходить смысл ее слов. Она что же, рассчитывает, что его отец поможет ей поступить учиться «на актрису»? Бедная девочка...

– Светик, мой отец к приемной комиссии никакого отношения не имеет. Отбор абитуриентов осуществляют известные актеры и режиссеры. А он – преподаватель, профессор.

– А что он преподает? Актерское мастерство?

– Научный коммунизм.

– Что?! – Света резко поставила чашку с шоколадом на стол.

– Научный коммунизм. Ты что, плохо слышишь?

– Но у него же есть связи, – растерянно заговорила девушка, нервно постукивая ложечкой по руке, – он же нам билеты доставал в театры и на закрытые просмотры... Ты сам говорил, что у него большие знакомства в мире кино. Неужели он не может мне помочь?

– Светик, он даже мне не смог помочь, когда я провалился на экзаменах в летное училище. Мне, своему родному сыну!

– Ты хочешь сказать, что я ему – никто? – Лицо ее приобрело хищное выражение, но всего лишь на какой-то миг, и снова стало горестным и просящим. – Конечно, Игоречек, ты прав, как всегда. Если бы я официально была твоей женой – другой разговор. А так – кто я ему? Знакомая сына. Он даже не знает, что мы с тобой уже давно фактически муж и жена. Выходит, шансов у меня никаких, и придется мне возвращаться в этот дурацкий Томск и учиться на этом дурацком юрфаке, от которого у меня уже скулы сводит. Что ж, значит, не судьба.

Она улыбнулась и погладила Игоря по руке, и снова он с облегчением вздохнул, увидев, что ситуация, грозившая перерасти в конфликт, благополучно разрешилась без ссоры, слез и истерик.

* * *

В ноябре Игорь стал замечать, что в Светлане снова начала проступать та самая надменность и холодность, которая так не нравилась ему. Они по-прежнему жили вместе, вместе сидели на лекциях и возвращались домой, в квартиру Тамары Серафимовны, только вот в магазины Света совсем перестала ходить, так же как перестала есть то, что покупал Игорь.

– Не хочу, – вяло отмахивалась она, глядя в окно или уткнувшись в книгу, – меня от этого мутит.

– С голоду помрешь, – весело предупреждал Игорь, решивший, что лучше всего не обращать внимания на капризы и дурное настроение.

– Все равно не буду. Я не могу это есть.

– Ну хочешь, в кафе сходим? – предлагал он.

Чаще всего Света соглашалась, но иногда и это предложение отвергала:

– Да ну, там такая же муть с комбижиром.

Она жевала булочки и бутерброды, принесенные из университетского буфета, и запивала их чаем или лимонадом. Игорь молча пожимал плечами и с аппетитом уминал дешевые консервы с вареной картошкой, стараясь не смотреть при этом на кислую физиономию своей подруги.

Однажды она отказалась идти с ним домой после занятий.

– Игоречек, я пойду в общежитие, ты меня не жди.

– Зачем тебе в общежитие?

– Там девочки сабантуй устраивают, просили помочь, салатики нарезать и все такое.

– Ну иди, – нехотя согласился Игорь.

Явилась Света за полночь, веселая, взбудораженная. От нее пахло вином.

– Игоречек, девчонки меня не отпустили, как же так, говорят, ты столько времени у плиты простояла, весь стол приготовила, мы тебя не отпустим.

– Могла бы позвонить и предупредить, что задерживаешься, – холодно ответил он, испытывая горькую обиду: для него она ни разу не сделала даже винегрета.

– У меня двушки для автомата не было. Ну не сердись, Игоречек, миленький. Давай ложиться, я так спать хочу...

Он быстро раздвинул диван и постелил постель, в радостном предвкушении страстного и сладкого примирения, однако надежды его не оправдались. Светлана закуталась в одеяло, отвернулась и почти сразу заснула, а Игорь до рассвета проворочался без сна, борясь с желанием разбудить ее, обнять, поцеловать...

Походы в общежитие случались все чаще и чаще, иногда Света приходила домой рано, иногда поздно. А однажды не пришла совсем. Игорь и не думал искать ее и обращаться в милицию, он отчего-то был уверен, что она ночует в общежитии. Так и оказалось. Утром они встретились на лекции.

– Как это понимать? – спросил он, едва сдерживая ярость и стараясь не закричать. – Что ты себе позволяешь?

И осекся. Перед ним снова стояла ТА Света, неприступная и далекая, чужая и высокомерная. На которую он не имел никакого права не то что кричать – даже голос повисить.

– Это Я, – она сделала упор на местоимение, – ТЕБЕ позволяю меня ждать. Я делаю то, что считаю нужным. Я тебе никто. И ты мне – никто.

Она подхватила свой портфельчик и ушла в другой конец лекционного зала. До конца занятий они не обменялись больше ни словом, и домой Света в этот день не пришла. Не пришла и на следующий день. И на следующий. Игорь злился, считая ее поведение хамским, изнемогал от любви и тоски и терпеливо ждал, когда Светлана перестанет сердиться и вернется к нему. Не век же ей в общаге ночевать, да и вещи ее у него, одежда, косметика, книги. «Перебесится», – уверенно думал он, но с каждым часом эта уверенность все больше разбавлялась вопросительными интонациями.

На пятый день он пришел домой и сразу увидел, что в прихожей нет ее тапочек, сиротливо стоявших на одном и том же месте с того момента, как Светлана в последний раз ушла отсюда на занятия. «Вернулась! – понял Игорь. Его захлестнула горячая волна радости. – Никуда ее больше не отпущу. Я не могу жить без нее. Мы все время были вместе, почти два года, ни на один день не расставались, и я, идиот, просто не знал, какой это кошмар – жить без Светки. И какое это счастье, когда она рядом. Если она хочет замуж за меня – я готов. Хоть завтра. Только бы она никуда не уходила больше».

Он рванулся в комнату и с удивлением обнаружил, что дверь заперта. «Зачем она закрылась? От меня?» Игорь осторожно постучал, потом чуть громче. Подергал ручку. Никто ему не открыл, и за дверью стояла мертвая тишина.

– Света, это я, открой! – кричал он все громче и громче, барабанив в дверь кулаками. Ему вдруг привиделась страшная картина: Светлана с перерезанными венами, истекающая кровью. Это он довел ее до самоубийства, он привел ее в свой дом, стал открыто жить с ней, а жениться не хотел, это любую девушку оскорбит до глубины души и доведет до самоубийства.

Наконец ему пришло в голову проверить полочку в прихожей, где они оставляли ключ от комнаты. Может быть, Светка вернулась, переделалась и пошла в магазин, а тапочки просто забыла в комнате? Такое часто бывало. Вот и сапог ее в прихожей нет, не могла же она пойти в комнату прямо в грязных сапогах, на которые налип мокрый серый снег?

Ключ лежал на месте. Дрожащими руками Игорь вставил его в замок и распахнул дверь. Первое, что бросилось ему в глаза, – на гвоздике возле двери не было знакомого цветастого халатика. Подоконник девственно чист – ни зеркала, ни косметички, ни баночек с кремами. Нет Светкиных учебников и конспектов, нет вазочки посреди стола. Ничего нет, кроме того, что и было до ее появления в квартире Тамары Серафимовны.

Она ушла. Обиделась и бросила его. Но почему? На что она так обиделась? Что ее не устраивало? Ведь они за последнее время ни разу не поссорились. Неужели все дело в его нежелании оформить их отношения? Он немедленно отправится в общежитие, найдет Свету и объяснится с ней, попросит прощения и приведет сюда. А в Москве, куда они поедут на зимние каникулы, они подадут заявление, что бы там ни говорили его родители. Он не может жить без нее, теперь он это знает точно. Они пойдут во Дворец бракосочетания, самый престижный в Москве, который все называют Грибоедовским, и подадут заявление, пусть у Светки все будет так, как ей мечтается: мраморные лестницы, ковровые дорожки, настоящие музыканты, самое лучшее свадебное платье и море цветов. Только бы она вернулась.

* * *

В общежитии Игорь бегом домчался до комнаты, в которой раньше жила Светлана вместе с Леночкой и еще двумя девушками.

– А Светки нет, – недоуменно протянула веснушчатая толстушка в коротком халатике, сидевшая на кровати с учебником в руках.

– Куда она ушла? – запыхавшись и с трудом переводя дыхание, спросил Игорь.

– Да она и не приходила. Ее здесь уже несколько дней не было.

– Как не было?! А где же она ночевала? Разве не здесь?

– Нет. – Толстушка повела плечом, как бы говоря: «С чего бы это Светке здесь ночевать? Что у нее, места получше не найдется?»

– А где?

– Ой, Машенко, ну что ты пристал? Откуда я знаю, где твоя Светка ночует? Вы что, поссорились?

– Да в том-то и дело, что нет. А Леночка где?

– Они с Васькой в читалке, к семинару готовятся.

Он помчался в библиотеку, разыскал в читальном зале Василия и его жену, которую из-за маленького роста и хрупкости все называли не иначе как Леночкой, несмотря на ее замужний статус. Леночка не стала дожидаться вопросов. Увидев в дверях Игоря с растрепанной шевелюрой, в расстегнутой куртке-алюске, со съехавшим набок шарфом, она молча встала из-за заваленного книгами стола и пошла к выходу.

– Ты Свету ищешь?

– Да. Где она?

– Не ищи, Игорек.

– Почему?

– Она ушла от тебя. Совсем.

– Но почему?! Что я такого сделал? Чем я ей не угодил?

– Всем, Игорек. Ты оказался не тем, за кого она тебя принимала.

– О господи, да кем же я оказался?! – в отчаянии от своего непонимания воскликнул Игорь. – Я что, преступник, маньяк какой-нибудь, который овцой прикидывался, выдавая себя за студента?

– Игорек, тебе неприятно будет услышать то, что я скажу, но я все равно скажу, иначе ты будешь напрасно надеяться и ждать ее, только нервы себе истреплешь. Света считала, что ты – сын влиятельного и состоятельного человека, имеющего обширные связи и знакомства. Она хотела выйти за тебя замуж. И чтобы твой папа добился перевода вас на учебу в Москву, устроил вам отдельную квартиру и вообще обеспечил всяческими благами, в том числе и материальными. А ты жениться не хотел. И оказалось, что твой папа не может помочь ей с поступлением во ВГИК или в театральный. И он не может перевести тебя, а заодно и ее в качестве твоей жены в Московский университет. Понимаешь? От тебя никакого толку. Это не я сказала, – торопливо добавила Леночка, видя, как он побледнел, – это Света так говорила. Поэтому она тебя и бросила.

– Но она же любила меня, – пробормотал Игорь одеревеневшими губами.

– Любила, – согласно кивнула Леночка, – пока думала, что ты достоин ее любви. Ты не думай, что я за спиной у подруги рассказываю о ней гадости. Во-первых, мы давно уже перестали быть подругами, у нас было несколько серьезных конфликтов. Тебе Светка не говорила?

– Нет, – покачал головой Игорь. – Я не знал, что вы ссорились.

– Ссорились, и еще как! Между прочим, из-за тебя.

– Из-за меня?

– Ну да. Светка со мной делилась своими планами относительно тебя, она почему-то считала, что я за Ваську замуж вышла по тем же соображениям. У Васьки мама – зубной врач, протезист, у них семья очень богатая. Вот Светка и решила, что я окрутила Ваську из меркантильных соображений, значит, я такая же, как она, и со мной можно не стесняться, выкладывать все как есть, я пойму и одобрю. А я не одобряла ее, вот из-за этого мы и ссорились.

Он молчал, стараясь осмыслить услышанное, но парализованный отчаянием мозг отказывался усваивать информацию.

– А во-вторых, – продолжала Леночка, – Светка сама просила меня сказать тебе, чтобы ты от нее отстал и не думал даже ходить за ней хвостом и уговаривать вернуться. Она нашла себе другого, более перспективного.

– Кого?

– Мальчик с первого курса. Тоже москвич. У него отец – какая-то большая шишка и будет его после первого курса переводить в Москву.

С первого курса! Подумать только! Сопляк какой-то, которого она предпочла ему, Игорю.

– Он же младше ее...

– Ну и что? Зато ему родители здесь квартиру снимают, целую квартиру, а не комнату. И денег много присылают. Светка к нему переехала, там, по-моему, все очень серьезно. И вообще он симпатичный, высокий такой, широкоплечий, они вместе хорошо смотрятся, даже не заметно, что у них разница в возрасте. Теперь Светкина задача – как можно быстрее женить его на себе, чтобы их вместе в Москву перевели.

Голос Леночки то становился глуше и словно отдалялся, то приближался и гремел в самое ухо, отдаваясь в висках болезненными ударами. Все становилось на свои места: и неожиданный интерес к Игорю, и уход от Жорика, и настойчивые просьбы поставить в известность родителей, и постоянные намеки про карьеру в кино, которую Светлана могла бы сделать со своей выдающейся внешностью, и даже та напористость, с которой девушка

решила проблему их совместной жизни, взяв на себя щекотливый разговор с Тамарой Серафимовной, и вопросы о женитьбе.

Остаток дня Игорь провел в общежитии у Жоры Грека, заливая душевную боль водкой «Русская», бутылку которой купил за 5 рублей 20 копеек в магазине неподалеку, попутно удивившись невиданной доселе цене. Оказалось, это новый сорт, подороже, а старые сорта, более дешевые, теперь в дефиците. Игорь так давно не покупал водку, что и не знал об этих изменениях. На закуску денег уже не оставалось, придется пить на пустой желудок. «Ну и ладно, – с тупой отстраненностью думал он, шагая в сторону общаги, – быстрее заберет. Может, полегчает».

* * *

И вот снова каникулы, он снова в Москве. Он дома, рядом мама и папа, на столе вкусная еда. Только все это уже не радует, как в прошлом и позапрошлом году.

– Ну что, сын, – бодро спросил Виктор Федорович, – нужно тебе обеспечивать культурную программу, или в этот раз у тебя другие планы?

– Пока не знаю, – уклончиво ответил Игорь.

Отец понимающе закивал головой.

– Ну ты посоветуйся со Светой, вы решите, нужны вам билеты или нет, и скажи мне. Только не в последний момент, хорошо?

– При чем тут Света? – резко ответил Игорь. – Я сам по себе.

Он оставил в тарелке недоеденное жаркое и ушел в свою комнату, хлопнув дверью. Бросился на диван и уткнулся лицом в жесткую ткань подушки. Минут через тридцать к нему зашла мама, присела на краешек дивана, погладила его по затылку.

– Сыночек, мы с папой все знаем.

– Что – все? – глухо спросил он, не отрывая лица от подушки.

– Про тебя и Светлану. Мы знаем, что вы жили вместе почти два года, а теперь расстались. Вы поссорились?

– Да.

– Из-за чего?

– Какая разница? Это к делу не относится.

«Черт, я даже разговаривать стал, как она, – сердито подумал Игорь. – Это же ее любимое выражение».

– Откуда вы узнали?

– От Тамары Серафимовны. Иногда, когда мы тебе звонили в Томск, тебя не было дома, и мы разговаривали с ней.

– Она что, стучала на меня?

– Сынок, как ты можешь! Тамара Серафимовна очень хороший человек, добрый, отзывчивый. Мы спрашивали, как у тебя дела, как ты выглядишь, чем питаешься, не болеешь ли. И потом, мы с папой понимаем, что ты уже взрослый и у тебя наверняка есть девушка. Мы бы огорчились и испугались, если бы это было не так. Тамара Серафимовна нас успокаивала, говорила, что ты прекрасно выглядишь и нормально питаешься, что Света за тобой ухаживает, кормит и все такое. И мы с папой были спокойны, Светочка показалась нам хорошей девочкой, неглупой, целеустремленной. Если бы ты захотел на ней жениться, мы бы не возражали.

– Не хочу я на ней жениться, с чего ты взяла? – проворчал Игорь.

– Это ты сейчас так говоришь, сыночек, потому что вы поссорились. Пройдет немного времени, вы помиритесь, вот увидишь, так всегда происходит.

– Мы не помирились. Никогда. Она меня бросила.

– Она вернется, поверь мне.
– Она ушла к другому. Мама, не утешай меня, между нами все кончено. Она меня больше не любит.

* * *

Теперь Жора Грек стал его задушевым другом. Вокруг него постоянно были шумные сборища и развеселые компании, много спиртного и много девушек, причем девушки были все, как одна, не с их курса и даже не с их факультета. И где только Жорка с ними знакомился! Среди них встречались и студентки, и учащиеся техникумов, и те, кто работал. С разной внешностью и разными характерами, поумнее и поглупее, все они были рады весело и беспроblemно провести время, а многие готовы были дарить свои ласки без предварительных ухаживаний и красивых слов. В таком угаре прошел год.

Опомнился Игорь только в декабре 1982 года, перед самым Новым годом. Светлана добила своего, женила на себе юного москвича и вернулась вместе с ним в Москву. С сентября Игорь больше не видел ее на лекциях, не сталкивался с ней в коридорах, библиотеке или студенческой столовой, и постепенно образ белокурой голубоглазой красавицы, его первой женщины, стал расплываться и тускнеть. В молодом сердце раны заживают быстро.

Новый год договорились встречать на даче у одной из подружек Грека. Предполагалось, что соберется человек двадцать, и между всеми по жребию распределили задания: кому покупать спиртное, кому овощи для винегрета, кому мясо, кому стоять в очереди за тортами и конфетами, кому тащить елку, кому – игрушки. Вот елочные игрушки-то как раз Игорю и достались.

За неделю до Нового года он пришел в большой универмаг, где можно было купить яркие стеклянные шары, серебряный дождь, серпантин и хлопушки с конфетти. Игорь задумчиво стоял перед прилавком, переводя глаза с одних игрушек на другие и прикидывая, сколько чего можно купить, чтобы уложиться в выделенную на украшение елки сумму. Народу было много, его толкали со всех сторон и раздраженно спрашивали:

– Молодой человек, вы будете брать или нет? Встал тут как истукан, к прилавку не подойти! Отойдите и не мешайте.

Простая арифметическая задачка никак не решалась. И вдруг рядом прозвенел нежный голосок:

– Извините, пожалуйста, вы мне не поможете?

Игорь повернул голову и увидел огромные зеленые глаза на запрокинутом вверх лице. Обладательница этих удивительных глаз была такой же маленькой, как Васина жена Леночка.

– Тут все такие высокие, – снова зазвенел голосок, – и все толкаются, мне ничего не видно. И к прилавку не протиснуться.

Он решительно взял девушку за плечи, рывком придвинул к себе и поставил между собой и прилавком.

– Ну а теперь как? Видно?

– Да, спасибо большое, – сдавленным голоском произнесла зеленоглазая, – только я теперь дышать не могу совсем.

Игорь рассмеялся и с удивлением почувствовал, что тяжесть, целый год привычно давившая на сердце, вдруг куда-то исчезла. Растаяла, словно ее и не было никогда.

Из универмага они вышли вместе.

– Давайте я вас провожу, – предложил Игорь. – Вы такая маленькая, вас в транспорте сожмут со всех сторон и все игрушки испортят.

Он не понимал, почему так боится отпустить от себя зеленоглазую малышку, но чувствовал, что стоит ему отойти от нее хотя бы на три метра, как тяжесть вернется. Пока ехали в автобусе – познакомились. Девушку звали Верой, она приехала из соседней, Кемеровской, области, из какого-то райцентра, учится в мединституте, живет в Томске у тетки. Игорь предложил перейти на «ты», Вера согласилась, и всю дорогу до теткиного дома они болтали как старые знакомые.

Жила Вера на самой окраине города, в частном секторе, в крепеньком покрашенном голубой краской домике с белыми наличниками. Тетка ее – худая, изможденная, с натруженными руками и хмурым лицом, сначала испугала Игоря своей неприветливостью, но уже через несколько минут он понял, что все это – только видимость, и на самом деле тетя Шура, несмотря на свою грубоватость, человек добрый и гостеприимный.

– Верка, чего на пороге человека держишь, веди в дом! – крикнула она в окно, пока Игорь, стоя на крылечке, рылся в карманах в поисках клочка бумаги, на котором собирался записать для Веры свой телефон.

– А правда, зайти к нам, – предложила Вера. – Чаю выпьем, погреешься.

– Неудобно, – замялся Игорь.

– Удобно, удобно, тетка тебя не съест, она только с виду страшная.

«Интересно, какого цвета у нее волосы? И какая у нее прическа?» – совсем некстати подумал Игорь, пытаясь разглядеть хотя бы одну прядь под плотно облегающей голову девушки вязаной шапочкой. В сенях Вера сняла шапку, и он увидел модно подстриженные «под Мирей Матье» темные волосы, прямые и гладкие, без малейшего следа завивки.

В доме было чисто, вкусно пахло деревом, ватрушками и еще чем-то незнакомым, но теплым и уютным. Тетя Шура работала зоотехником на расположенной неподалеку совхозной ферме, и Вера, судя по всему, была полностью в курсе ее рабочих проблем.

– Ну как Марютка, отелилась? – спросила девушка.

– Намаялась я с ней, – без улыбки ответила тетя Шура. – Но бычок родился ладненький.

– Как назвали?

– Да как его назовешь, если под Новый год родился. Дедом Морозом и назвали.

Игорь прыснул и зажал рот рукой, чтобы не расхохотаться. Тетя Шура неодобрительно зыркнула на него.

– Вот-вот, директор наш тоже ржал, как лошадь, когда ему сказали. А чего смешного? Была бы телочка – Елочкой бы назвали, а так...

– Можно было назвать Санта-Клаусом, – давясь от смеха, произнес Игорь. – Еще веселее было бы.

– Как, говоришь, назвать? – переспросила тетя Шура.

– Санта-Клаусом. Это у католиков так Деда Мороза называют, – пояснила Вера. – Потом говорили бы: Санта-Клаус покрыл Рябинку, и родилась у них телочка Кларинка.

– Тебе все хиханьки, – строго сказала тетя Шура, наливая Игорю вторую чашку чая, – привыкла, что молоко да маслице в магазине покупаешь, а как они там оказываются – не твое дело. От земли оторвались, жизни не знаете, крестьянский труд не цените.

Но в глазах у нее плясали искорки, и Игорь понял, что она и не думает сердиться. Время шло, надо было уходить, но у него не было сил подняться и расстаться с Верой. Здесь так светло, спокойно, радостно, здесь сияют зеленые глаза и по всему дому разносится нежный серебристый смех, а как только он выйдет на темную заснеженную улицу, пронизываемую ветром, пустынную и незнакомую, на него снова навалится одиночество, от которого его, как оказалось, так и не спасли ни Жорик, ни его бодрые беспечные приятели и легкомысленные веселые девицы.

Но уходить все-таки пришлось. Игорь поблагодарил тетю Шуру за ватрушки, взял с Веры обещание завтра же позвонить и побрел к автобусной остановке, до которой от голубого деревянного домика – два километра.

* * *

29 декабря Вера поздравила его с наступающим Новым годом.

– Чего ж так загодя? – спросил Игорь. – Еще тридцатое и тридцать первое впереди.

– Я не смогу тебе позвонить, – объяснила Вера своим нежным голоском, – я уезжаю.

– Как уезжаешь? Куда?

– Домой. Я всегда на Новый год домой езжу. Там мама с папой, братья. Это же семейный праздник.

Она уезжает. Отчего-то эта мысль больно резанула Игоря. Сам он собирался встречать Новый год в шумной веселой компании и совершенно не думал о том, где проведет новогоднюю ночь его новая знакомая, с которой он и виделся-то всего два раза – в день знакомства в универмаге и вчера, когда пригласил ее в кино. И вот теперь, услышав по телефону, что Вера уезжает, он вдруг ни с того ни с сего загрустил.

– А как же тетя Шура? Ты ее одну оставишь?

– Ну что ж поделать, она привыкла Новый год одна встречать. К соседям ходит или к подругам, если заскучает.

– Нет, так не годится, – решительно сказал Игорь. – Я вот что предлагаю. Ты дай телеграмму своим, что не приедешь, и мы с тобой и с твоей теткой вместе встретим Новый год. Еще два дня впереди, купим подарки, положим под елку, выпьем шампанского, посмотрим «Огонек» по телику. Устроим для тети Шуры настоящий Новый год.

В трубке повисло молчание.

– Алло! – Игорь подул в трубку, испугавшись, что связь прервалась и Вера его не слышит.

– Я здесь, – раздался тихий голос. – А ты... ты не шутишь? Ты в самом деле хочешь встречать Новый год с нами?

– В самом деле, – горячо заговорил он. – Ты только подумай, как это будет здорово, мы елку нарядим, ты же купила столько игрушек.

– Я их для дома покупала, – растерянно ответила Вера, – у тети Шуры даже елки нет.

– Найдем мы елку, купим или из леса притащим, тоже мне проблема.

– Но ты собирался встречать Новый год с друзьями...

– Да ну их, надоело, не хочу я этих гульбищ с водкой. Я хочу тихого уютного праздника с чаем и ватрушками. И с тобой, – добавил он неожиданно.

* * *

Праздник удался на славу. За два оставшихся до Нового года дня Игорь и Вера с ног сбились в поисках елки, шампанского, чего-нибудь вкусного к столу, а также подарка для тети Шуры.

– Теперь расходимся, – Вера глянула на часики, – до четырех часов. Даю себе два с половиной часа.

– А мне?

– И тебе столько же. Надеюсь, за это время я сумею купить тебе подарок.

– А я – тебе, – радостно откликнулся Игорь. – Встречаемся ровно в четыре здесь же.

После того как он снова стал жить один, с деньгами стало посвободнее. Игорь прикинул и понял, что львиная часть финансов уходила на бесконечные цветы, торты, покупаемую

у спекулянтов импортную косметику и прочие знаки внимания Светлане, которая, особенно в последнее время, отказывалась есть магазинную еду и просила покормить ее в кафе. Даже постоянные складчины в Жоркиной компании обходились дешевле. Да и родители, учитывая, что сын уже на четвертом курсе, стали присылать побольше. После стипендии прошла всего неделя, и Игорь чувствовал себя настоящим миллионером: в кармане у него лежало целых восемьдесят рублей. Правда, на них нужно было дожить до двадцатого января, но ведь сразу после праздников начнется сессия, нужно будет усиленно готовиться к экзаменам, так что много денег ему и не понадобится – не до развлечений.

Сначала он хотел было пойти по проторенному пути и доехать до рынка, где постоянно крутились цыганки-спекулянтки, у которых можно было бы купить для Веры тушь, тени или лак для ногтей, но внезапно понял, что ей это не нужно. Да и не это он хотел бы ей подарить. Любая косметика рано или поздно кончается, а он хочет, чтобы его подарок остался у нее навсегда. Выбор его пал на серебряное колечко, изящное и одновременно нарядное, с фиолетовым камнем со странным названием чароит.

– Покажите, пожалуйста, вот это колечко, – обратился Игорь к сонной продавщице, на лице которой застыла стойкая ненависть ко всему миру, особенно к той его части, которая получает подарки на Новый год.

– Только маленькие размеры, – буркнула та, не сдвигаясь с места.

– А мне и нужен маленький размер.

Продавщица перенесла себя на полметра влево и достала с витрины кольцо. Размер его действительно был малюсеньким, колечко даже на мизинец Игорю не налезало, но он точно знал, что пальчики у Веры еще тоньше.

– Выпишите, пожалуйста.

Положив коробочку с колечком в карман, он понял, что у него есть еще почти час, и решил поискать что-нибудь радостное и приятное для двух, в сущности, незнакомых женщин, с которыми собирался встречать Новый год. Игорь сам себя не узнавал. И что с ним такое происходит?

В домик на окраине он явился ровно в одиннадцать вечера, как и было условлено. В большой спортивной сумке у него лежал магнитофон и несколько кассет с любимыми записями, красный колпак с белой опушкой и ватная борода на резинке, а также множество пакетиков с разными вкусами, которые он раздобыл в ресторане у Тамары Серафимовны: сырокопченая колбаса, отварной язык, баночка салата из крабов и многое другое. Коробочка с колечком, заботливо завернутая в цветную бумагу и перевязанная розовой ленточкой, лежала во внутреннем кармане куртки.

Его уже ждали за накрытым столом. Тетя Шура радостно суетилась, поминутно бегая на кухню, чтобы проверить пирог, а Вера, сверкая зелеными глазами и встряхивая темными волосами, стояла босиком на стуле и пыталась пристроить на елку последнюю нитку серебряного дождя.

– С ума сошла! – Игорь бросился к ней и осторожно снял легкую, как пушинка, девушку со стула. – Упадешь ведь! Я сам сделаю.

Ему показалось или Вера действительно прижалась к нему чуть сильнее, чем того требовала несложная процедура переноса со стула на пол? Он быстро закончил украшение елки, искоса поглядывая на девушку.

– Тащи подарки, – скомандовал он.

Вскоре под елкой рядом с фигурками Деда Мороза и Снегурочки лежали два пакета с подарками для тети Шуры и для Игоря. Рядом с ними он положил свой подарок.

Увидев деликатесы, которые Игорь извлек из сумки, тетя Шура разохалась:

– Ну зачем же ты так тратился! Сам небось впроголодь живешь, а сюда еды натащил на целый полк.

– Ничего, съедим, ночь впереди длинная, – отшутился Игорь.

Но по той бережной осторожности, с которой тетя Шура доставала и раскладывала по тарелкам ресторанные продукты, Игорь отчетливо понял, что она всего этого много лет не видела и не ела. Он включил магнитофон, и из динамика полились голоса, рассказывавшие о любви на чужом языке. Расцветала мода на итальянскую эстраду, и Игорь принес записи Тото Кутуньо, Рикардо Фольи, Пупо, Аль Бано и Ромины Пауэрс.

К праздничному столу подали кулебяку с капустой, большой пирог с яблоками и маленькие румяные пирожки с мясом, рассыпчатую отварную картошечку и множество домашних солений – огурчики, помидоры, капусту, грибочки, маринованный чеснок, черемшу.

– Ай-яй-яй, тетя Шура, – укоризненно сказал Игорь, – а еще меня ругали, что я на целый полк продуктов притащил. Да тут у вас столько еды, что дивизию накормить можно.

– Сравнил тоже, – за ворчливым тоном тете Шуре не удалось скрыть горделивую улыбку, – за твои деньгами плачено, а у нас все свое, бесплатное, с огорода.

С боем курантов открыли шампанское, поздравили друг друга, чокнулись, выпили.

– Ты куда? – испуганно спросила Вера, видя, что Игорь поднялся из-за стола.

– Я сейчас.

Он выскочил в сени, где заблаговременно спрятал колпак и бороду, и через минуту вернулся, вещая утробным голосом:

– Это Дедушка Мороз, я подарки вам принес.

Вера и тетя Шура рты разинули от изумления. Не дожидаясь, пока они придут в себя, Игорь подошел к елке и начал торжественную раздачу подарков, требуя, чтобы в обмен ему что-нибудь спели или прочитали стишок. Первой получила свой подарок тетя Шура – новый байковый халат и красивый фартук с аппликацией.

– Петь я не умею, стихи все давно забыла, а вот сплясать могу, – неожиданно заявила она и отбила такую лихую чечетку, что Игорь с Верой только диву дались.

– Ну, тетя Шура, ты у нас с голоду не помрешь, – хохотала Вера, – если что – пойдешь на эстраду бить степ.

Сама она в обмен на подарок спела на немецком языке куплет из рождественской песенки, которую учила еще в школе. Торопливо развернув бумагу, она открыла коробочку и замерла, потом подняла на Игоря огромные глаза, в которых стояли слезы.

– Это правда мне?

– Ну конечно, тебе, кому же еще? Тетя Шура свой подарок получила, мой еще под елкой лежит, стало быть, остаешься только ты.

Игорь пытался шутить, но чувствовал, как у него перехватило горло. Светка всегда радовалась подаркам, прыгала, бросалась ему на шею. Но ни разу она не приняла от него подарок вот так – не веря своему счастью, со слезами благодарности.

– Спасибо, – прошептала Вера, и две прозрачные слезинки скатились по ее щекам.

– Это еще что? – сурово одернула ее тетя Шура. – В праздник плакать? Ну-ка прекращай. А ты, парень, тоже удумал: только-только с девкой познакомился – и уже кольца дарить. Кольцо знаешь когда дарят?

– Знаю, – серьезно ответил Игорь. – Потому и дарю.

– А ну тебя! – Тетя Шура безнадежно махнула рукой на юношу, говорить с которым без толку – все равно порядков не знает. – Ты лучше сам себе подарок подари, коль ты у нас сегодня Дед Мороз, да не забудь стишок прочитать или песенку спеть.

Игорь добросовестно и с выражением прочитал Некрасова «Однажды в студеную зимнюю пору...», чем сорвал бурные аплодисменты хозяек дома, и развернул свой подарок. Томик Рея Брэдбери из серии «Иностранная литература».

– С ума сойти! – ахнул Игорь. – Где ты это достала? Это же страшный дефицит, днем с огнем не найдешь.

– А какой смысл дарить на Новый год то, что можно купить на каждом углу? – резонно возразила Вера. – У Деда Мороза всегда просят то, что недоступно.

Под вкусную еду они посмотрели «Новогодний голубой огонек», а когда начались «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады», тетя Шура, с трудом сдерживая зевок, попрощалась и пошла спать.

– Не могу я так поздно сидеть, – извиняющимся тоном сказала она, – привыкла рано ложиться, я ведь встаю чуть свет. А вы тут празднуйте, не стесняйтесь, я сплю крепко, мне музыка не помешает.

Они остались вдвоем, болтали, пили чай с пирогами, танцевали сначала под музыку из телевизора, потом под магнитофонные записи. Часов в пять утра Игорь наконец решился поцеловать девушку. Она ответила ему не очень умело, но пылко и искренне.

Потом они оделись и пошли на улицу, почти час бродили по снегу, обнявшись и разговаривая обо всем на свете. Потом вернулись, снова пили чай и снова танцевали и целовались.

В восемь утра на пороге комнаты возникла заспанная тетя Шура.

– Батюшки, так вы и не ложились?

И только тут Игорь почувствовал, что смертельно хочет спать, и начал собираться домой.

– Пойдем, я тебе в своей комнате постелю, – решительно сказала тетя Шура. – Ну куда ты сейчас поедешь? Ты ж до автобуса не дойдешь, заснешь прямо на снегу. Верка тоже поспит, встанете, покушаете, вон еды-то еще сколько осталось.

Сопротивляться не хотелось, и, проваливаясь в сон, Игорь успел вспомнить старое поверье, согласно которому как Новый год встретишь – так его и проведешь. Означает ли это, что предстоящий 1983 год он проведет рядом с Верой, и у него всегда будет на сердце легко и радостно, и жизнь станет уютной и домашней? Хотелось верить, что именно так и случится.

* * *

Учебу они закончили одновременно в 1984 году. Веру распределили в тот райцентр, откуда она приехала, а с Игорем оказалось куда сложнее. Еще летом 1983 года в Москве отец сказал ему:

– С твоим распределением могут возникнуть трудности. Я хотел устроить тебя в Научный центр Академии МВД, но после смерти Брежнева сняли министра внутренних дел Щелокова, а новый министр Федорчук считает, что милиции наука не нужна, и сокращает научные учреждения, а некоторые вообще ликвидирует. Научный центр в Академии он как раз закрыл, а я уже договорился, чтобы оттуда дали запрос на тебя. А в других научных подразделениях в связи с сокращением пока нет вакансий. Не исключено, что тебе придется поработать какое-то время на практике.

Игорь в глубине души обрадовался, ведь на практике можно работать всюду, в том числе и там, где будет Вера. Он никак не мог определиться и понять, чего хочет: жениться на Vere и увезти ее в Москву, жениться и остаться с ней здесь, в Сибири, или не жениться, но все равно быть рядом с ней. Единственное, что он знал точно, так это то, что он не хочет расставаться с ней. Сама Вера о свадьбе вообще не заговаривала, не пыталась переехать к нему в городскую квартиру или залучить на постоянное проживание в домик к тете Шуре. Она радостно и нежно отдавалась ему, когда предоставлялась такая возможность, но если и думала об их общем будущем, то вслух это не обсуждала.

До апреля, когда заседает комиссия по распределению, Игорь так ничего и не решил. Виктор Федорович, конечно, обеспечил запрос на Игоря из Москвы, из следственного управления, но по телефону предупредил:

– Знаешь, сын, новый министр – человек непредсказуемый. Сейчас идет активное перетряхивание кадров, многих увольняют за различные провинности, так что вакансий в следственных подразделениях, конечно, много, но я не уверен, что в практических органах сегодня благоприятная атмосфера для работы.

– Я понимаю, папа, – быстро ответил Игорь, хотя на самом деле ничего не понял и связи между массовыми увольнениями и благоприятной для работы атмосферой не уловил. – Наверное, мне лучше остаться здесь. Временно, конечно, пока в Москве все не утрясется. Как ты считаешь?

Ну вот, как отец скажет, так и будет. Скажет: «Возвращайся домой» – и Игорь помчится уговаривать Веру выйти за него замуж. Скажет: «Оставайся там и поработай какое-то время» – побежит в деканат и попросит, чтобы на пришедший из Москвы запрос внимания не обращали, а его распределили в тот райцентр Кемеровской области, куда уедет Вера.

– Тебе решать, сын, – сказал Виктор Федорович.

– Но тебе же виднее, как лучше.

– Я бы остался. Но ты решай, как считаешь нужным.

– Тогда я останусь. Ты плохого не посоветуешь.

– Приятно слышать такое от собственного сына, – почему-то усмехнулся отец.

* * *

От того, чтобы сделать Вере предложение, Игоря постоянно удерживала опасливая мысль: а вдруг она такая же, как Светлана? А вдруг выйдет за него только для того, чтобы выбраться из сибирской провинции и превратиться в законную москвичку? И хотя в поведении зеленоглазой девушки ничто не свидетельствовало о корыстных намерениях, он все равно боялся, слишком уж сильным оказался удар, нанесенный его первой любовью. Он больше не тосковал по Свете, но помнил о ней. Помнил всегда, почти каждую минуту, переживая гамму самых разнообразных чувств, от нежности и насмешливого снисхождения до горькой обиды и ненависти.

Игорь получил, как и просил, распределение в Кемеровскую область, поближе к тому месту, где будет жить и работать Вера. Райцентр находился на севере области и был куда ближе к Томску, чем к Кемерову, потому, собственно, Вера и поехала учиться в Томск, а не в свой областной центр, тем паче в Кемерове жить пришлось бы в общежитии, а в Томске у нее тетка, да и домой на каникулы и праздники ездить куда удобнее и дешевле.

Ему дали комнату в общежитии техникума, пообещали со временем выделить квартиру, когда построят новый дом, и велели завтра же приступить к работе. Начала первого рабочего дня Игорь Мащенко ждал с радостным волнением. Он был уверен, что грамотных следователей и толковых оперативников здесь нет и быть не может по определению, откуда они возьмутся в такой глухой провинции? И вот придет он, молодой специалист с высшим университетским образованием, вооруженный глубокой теоретической подготовкой и всесторонними знаниями во всех отраслях права, наведет порядок, раскроет все серьезные преступления и вообще покажет им всем, как надо работать.

И вот 28 июля 1984 года Игорь переступил порог районного отдела внутренних дел.

– Работать будешь с Ушаковым, это наш самый опытный сотрудник, – сказал ему начальник отдела. – Наберешься у него ума-разума, постажируешься с годик, потом Ушаков на пенсию пойдет, у него как раз в мае срок, начнешь работать самостоятельно. Шагай в восьмой кабинет.

Павел Иннокентьевич Ушаков оказался немолодым, тучным и морщинистым мужиком с лицом, испещренным красными прожилками. «Алкаш, голову даю на отсечение, – брезгливо подумал Игорь, знакомясь со следователем. – Ему лишь бы выпить да в баньке попариться. Тем более на пенсию скоро. Наверняка в делах полный завал. И это у них самый опытный сотрудник. Каковы же все остальные?!»

– Работы у нас немного, – гудел между тем Ушаков своим неожиданно звучным и приятным голосом, – воруют по мелочи, хулиганят по пьяному делу, бытовой мордобой случается, не без того. Расхитители государственной собственности, конечно, у нас водятся и на комбинатах, и на заводах, и в совхозах, но эти дела у нас сразу область забирает. Так что растратами и присвоениями заниматься не придется.

– А как у вас с раскрываемостью? – солидно спросил Игорь.

– А что раскрываемость? – Ушаков довольно хохотнул. – Раскрываемость у нас девяносто три процента. Приезжих здесь мало, делать им тут нечего, а со своими разобраться – труд невелик.

Фраза прозвучала для Игоря полной загадкой. В чем разница между приезжими и своими? Однако, если раскрываемость всего девяносто три процента, значит, есть и нераскрытые преступления. Интересно, какие?

– Ну я ж тебе объясняю: приезжие, – нетерпеливо мотнул головой Ушаков. – Воруют опять же, драки с местными устраивают, девок наших портят – и ищи их потом, когда никто толком и не знает, откуда они приехали и как их зовут. А ты небось в бой рвешься, собираешься раскрыть громкое убийство и показать мне, старому пню, небо в алмазах? Чего покраснел-то? Угадал я? Тоже труд невелик – угадывать. Вас таких я знаешь сколько перевидал? Каждый год, считай, молодого следователя присылают, и все из университетов. И каждый год одна и та же песня: Павел Иннокентьевич, ты его обучи работе – и можешь спокойно на пенсию отправляться. А года не проходит – и этот молодой сбегает, то устраивает себе перевод в большой город, к магазинам, стало быть, поближе, то женится и к жене уезжает, то еще что придумывает, и снова я тут в гордом одиночестве остаюсь. Я знаешь сколько сверх положенного за этим столом пересидел? Мне срок службы уже два раза продлевали, а третьего раза не будет – не положено. Так что как ни крути, а в мае все равно уходит придется. Давно бы уже рыбку ловил на Томи да грядки обихаживал, если б не такие, как ты. Только совесть не позволяет, да и начальство упрасивает. В общем, так, молодой специалист Мащенко: по сложным преступлениям работать ты здесь не научишься, такая вещь у нас редко бывает, а чтобы научиться – надо дел пятьдесят закончить, не меньше, только тогда можешь считать, что у тебя рука набита и глаз наметан. А вот по части краж, хулиганки и групповых драк станешь мастером, асом. Имей в виду, групповуха в любом преступлении – это самое сложное, это высший пилотаж.

– Почему? – удивился Игорь.

– Да потому, молодой специалист Мащенко, что каждый участник группового преступления дает разные показания. А тебе надо, чтобы все сошлось один в один, иначе из суда дело завернут на дослед. А дослед – это брак в твоей работе. Вот представь себе групповую драку, в которой одному потерпевшему нанесены тяжкие телесные повреждения или он, не приведи господи, скончался, а двум-трем другим ребро сломали, челюсть повредили или просто рыло начистили. Дрались, к примеру, восемь человек, по четыре с каждой стороны. И вот тебе нужно разобраться, кто кого ударил, как ударил, чем, в какую часть тела противника. Кто нанес тот удар, от которого потерпевший отдал богу душу. Кто именно то треклятое ребро сломал, кто своим кулачищем в челюсть заехал. Да они сами, драчуны эти, не помнят, пьяные были, в общей куче руками махали, а ты должен разобраться. Короче, сам увидишь, на собственном опыте учиться будешь.

– Неужели у вас совсем убийств не бывает? – недоверчиво переспросил Игорь.

– Ну почему, бывают. Но не так часто, как тебе хотелось бы. Ты ведь об убийстве мечтаешь, о загадочном и жутком, весь район в шоке – а ты пришел и раскрыл. Так? Выбрось из головы. Убийство – дело грязное и муторное, удовольствия не получишь. Но если тебе повезет – научу, как и что надо делать. А пока вот тебе материалы, изучай и напиши по каждому план неотложных следственных действий. Это твой первый урок будет.

Игорь с воодушевлением принялся за работу, но уже к концу дня скис. Ну что это за преступления? Курицу украли, корову совхозную угнали, картошку на чужом поле выкопали. Избитая женщина обратилась в больницу за медицинской помощью, утверждает, что ее ударил неизвестный, в то время как все соседи слышали, а некоторые и видели, как ее бил родной муж. Неужели только этим ему и придется заниматься?

Увидев его разочарованную физиономию, Ушаков усмехнулся.

– Скучно? Ничего, привыкнешь. А чтобы подсластить пилюлю, я тебе страшную историю расскажу. Правда, к нашему району она отношения не имеет. Пока, – он особо подчеркнул это слово. – И бог даст, нас не коснется. Но я тебе рассказываю, чтобы ты знал, что загадочные преступления не только в Москве случаются.

Игорь, раскрыв рот от напряжения, слушал о том, что в Кузбассе объявился маньяк, который насилует и убивает молодых девушек. Малолеток не трогает, взрослыми женщинами тоже не интересуется, нападает на тех, кому от шестнадцати до двадцати. Режет их ножом, мучает, истязает. Свою страшную охоту устраивает не только в Кемеровской области, но и в соседних. За два года на его счету девять жертв. И поймать не могут, даже не представляют, кто он и откуда.

Вечером Игорь сел в автобус и поехал к Вере, она жила в двадцати километрах от райцентра, где работали и Игорь, и она сама. «Зачем я сюда приехал? – в отчаянии думал он. – Куда меня занесло? Какой же я дурак, что послушался отца, надо было возвращаться в Москву, там жизнь кипит, там настоящая работа, интересные дела, а здесь я протухну быстрее, чем молоко на солнце скисает. И ничему не научусь. И вообще... Комната эта жуткая в общежитии, обшарпанная, с тараканами и клопами. Улицы, где столько грязи, что хорошие «шузы» не наденешь, в пору в кирзовых сапогах ходить. Единственное средство передвижения – раздолбанные автобусы, которые ломаются через каждый километр, или попутка. Что я здесь делаю? Сейчас сидел бы в Москве в своей комнате на диване, слушал бы «Рикки и Повери», книжку бы почитал, мама вкусно накормила бы. А тут? Нет, надо отсюда выбираться во что бы то ни стало. Завтра же позвоню папе и попрошу, чтобы он все устроил. Вот только Вера... Как же я ее брошу? Ну ничего, женюсь на ней, в конце концов, и увезу с собой».

И в тот же вечер он сделал девушке предложение. Ее зеленые глаза смотрели на него чуть удивленно, и Игорь прочитал в них отказ раньше, чем Вера сказала это вслух.

– Но почему? Разве ты меня не любишь?

– Люблю. Очень люблю.

– Тогда почему?

Она помолчала, собираясь с мыслями.

– Ты все еще помнишь о ней. Ты все время о ней думаешь, – наконец произнесла Вера.

– О ком?

– О Светлане.

– Да с чего ты взяла? Я и думать о ней забыл.

– Неправда, Игорь. Я же вижу, я чувствую. Она все время здесь, с нами, между нами. Ты меня с ней сравниваешь. И ты ее вспоминаешь. Я так не хочу.

– Верочка, солнышко, но я же живой человек, а не манкурт какой-нибудь, я не могу стереть свою память. Я помню всю свою жизнь, у меня пока еще нет склероза. В детском саду я был влюблен в свою воспитательницу, так ты и к ней будешь меня ревновать?

Вера грустно посмотрела на него:

– Не надо так, Игорь, ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю. Она еще живет в тебе. Я не хочу быть женой человека, в котором живет другая женщина. Может быть, со временем это у тебя пройдет.

– И тогда ты выйдешь за меня замуж?

– Выйду. Но только тогда, не раньше.

– Договорились.

Игорь повеселел. Если Вера отказывается стать его женой, значит, у нее нет никаких корыстных планов относительно переезда в Москву и прописки в просторной профессорской квартире. Конечно, насчет Светланы она права, только Игорю даже в голову не приходило, что все это так заметно. Но отныне все будет по-другому, он проследит за своим поведением и постарается, чтобы ревнивые мысли больше не посещали его чудесную зеленоглазую Верочку.

* * *

Спустя две недели, в понедельник, Игорь, придя утром в отдел, заметил в дежурной части необычную суету, но значения ей не придал. Однако в кабинете, где он сидел вместе с Ушаковым, его ждала неожиданность. Вместо тучного Павла Иннокентьевича за его столом восседал совершенно незнакомый мужчина лет тридцати пяти в форме майора милиции.

– Проходите, – сухо сказал майор, увидев застывшего на пороге Игоря. – Вы ведь Машенко?

– Да, – подтвердил Игорь. – А где Павел Иннокентьевич?

– В больнице. Увезли еще в субботу. Тяжелейший инфаркт.

– Я не знал...

– А вы вообще пока еще мало что знаете, – так же сухо оборвал его незнакомый майор. – У вас в районе ЧП, на рассвете в субботу обнаружен труп неизвестного мужчины. И поскольку Ушаков попал в больницу, а вам доверять такое серьезное дело пока рано, меня прислали из Анжеро-Судженска вести следствие. Фамилия моя – Дюжин, зовут Сергеем Васильевичем. Вопросы ко мне есть?

Игорь надеялся, что новый следователь будет привлекать его к работе, но все вышло совсем не так. Оказалось, что за время, прошедшее с момента обнаружения трупа, и до утра понедельника преступление как таковое было уже раскрыто, найден виновный, который признался в совершении убийства на почве личной неприязни. Потерпевший грубо приставал к нему и угрожал ножом, и виновный, некто Бахтин, находясь в состоянии сильного алкогольного опьянения, выхватил у хулигана нож и всадил тому прямо в сердце. Попадание было точным, Бахтин, по его собственным словам, служил когда-то в десантных войсках. Свидетелей происшествия нет, все случилось в лесу. Тело убитого лежало рядом с его автомашиной марки «ВАЗ-2106», и, по заключению судебного медика, осматривавшего труп на месте обнаружения, смерть наступила примерно 3–4 августа, то есть за неделю до того, как убитого нашли грибники. Самое пикантное состояло в том, что убийцей оказался директор вычислительного центра одного из кемеровских НИИ, в прошлом прекрасно зарекомендовавший себя на комсомольской работе.

– Ты же понимаешь, они своих просто так не отдают, – слабым голосом говорил Игорю Павел Иннокентьевич, когда молодой человек примчался в больницу, где, кстати, работала Вера. – Как только выяснили, что за птица этот Бахтин, сразу подсуетились, чтобы его дружка на подмогу прислать.

– А что, разве следователь Дюжин знаком с преступником? – удивился Игорь. – Это же основание для отвода следователя, Дюжин не может вести это дело.

– Ну я в переносном смысле, не в прямом. Дюжин-то в органах без году неделя, он погоны только месяца два как надел. Сейчас знаешь как принято делать? Берут из комсомольских и партийных органов тех, кто когда-то в незапамятные времена получал высшее образование, и к нам направляют. Якобы наши ряды усиливать идейно выдержанными борцами за светлое будущее. У кого образование юридическое – того в следователи определяют, у кого другое какое-нибудь – на другие должности ставят. Эту феньку наш новый министр придумал, пусть ему икнется лишний раз. Вот Дюжин как раз из таких. Закончил хрен знает когда что-то юридическое, ни дня по специальности не работал, идейно руководил строительством коммунизма. Теперь вот следователем сделали. А куда ему убийства-то раскрывать? Он еще меньше умеет, чем ты, молодой специалист Мащенко. У тебя хоть опыта и нет, но зато знания пока еще не выветрились, а он уже давно все позабыл, чему его учили.

– Так зачем же его прислали? – недоумевал Игорь. – Неужели никого более опытного не нашлось?

– Я же тебе о том и толкую, – Ушаков болезненно поморщился, – глупый ты еще, не понимаешь. Оба они, и Бахтин, и Дюжин, из комсомола пришли. Может, они и не задушевные друзья, но наверняка в одной баньке парились и одних девок... ну, это самое. Они друг за друга горой, своих не сдают. Теперь Дюжин этот будет убийцу изо всех сил тянуть и от срока спасать, какое-нибудь сильное душевное волнение, вызванное неправомерными действиями потерпевшего, придумает или неизлечимую болезнь подследственного. Вот посмотришь. Дюжин тебя к делу не подпустит, костями ляжет, ты это имей в виду и лишний раз не нарывайся. Сиди себе тихонечко, оформляй бумажки на мелких воришек и пьяную бытовуху. А в это дело не лезь, они тебе шею свернут, если что не по-ихнему выйдет. С нашей партией и комсомолом шутки плохи.

Павел Иннокентьевич откинулся на подушку и устало прикрыл глаза.

– Может, вам принести что-нибудь? – заботливо спросил Игорь, зная, что его наставник – человек одинокий, вдовец, дети живут далеко и ухаживать за ним в больнице некому. – Минералку там, печенье, чай?

– Не нужно ничего, сынок, – Ушаков впервые так назвал Игоря. – Ты думаешь, я почему тебе все это сказал? Думаешь, я смелый такой? Ничего я не смелый, я такой же, как все. Все знаю, все понимаю и молчу. Помру я, сынок. Сегодня к вечеру. В крайнем случае – завтра утром. Так что мне теперь ничего не страшно, хоть раз в жизни скажу то, что думаю.

– Да вы что, Павел Иннокентьевич, – как можно убедительнее заговорил Игорь, – зачем вы так говорите? Вы поправитесь, я с врачом разговаривал, он сказал, что вы будете в полном порядке.

– Врет он, – вздохнул старый следователь. – Или ты врешь. А я знаю точно.

Совершенно удрученный, Игорь вышел из палаты и отправился искать Веру. Девушка подтвердила его худшие опасения.

– Его бы в хорошую кардиологию положить, препараты нужные ввести, приборы подключить. А так... – Она развела руками. – Делаем, что можем, но у нас обычная районная больница, лекарств нужных нет, оборудования нет. А Ушаков действительно плох. Боюсь, до утра не дотянет, потому его в отдельный бокс и положили.

Павел Иннокентьевич умер на следующий день в пять часов утра.

* * *

К концу августа следствие по делу об убийстве гражданина Нильского гражданином Бахтиным было закончено и передано в суд. Бахтин был признан виновным, и ему определили меру наказания в виде лишения свободы сроком 8 лет с отбыванием в исправительно-трудовом учреждении усиленного режима.

Игорь искренне горевал по своему наставнику, регулярно вместе с Верой ходил на местное кладбище ухаживать за могилой и каждый раз, стоя над скорбным холмиком, мысленно разговаривал с Павлом Иннокентьевичем: «Все получилось не так, как вы говорили. Ему дали восемь лет, и никаких смягчающих обстоятельств. Как же так вышло? Неужели вы были неправы?»

Этот вопрос мучил Игоря несколько месяцев, но постепенно, за повседневной суетой, оформлением документов, ведением уголовных дел и подготовкой к свадьбе с Верой, отступил и забылся.

– Вы ведь знаете, что произошло на самом деле. Я не ошибаюсь?

– Нет, не ошибаетесь.

– Пожалуйста, прошу вас... Мне необходимо это знать. Это очень важно для меня.

– Вот именно, для вас. Но не для меня. И не для него.

– Люди должны знать правду.

– Кто вам это сказал? Вам хочется узнать правду – это другой вопрос. Но это ваш частный интерес. И меня никто не может обязать с ним считаться. Мне была доверена конфиденциальная информация, если вы вообще понимаете смысл этих слов. Мне было оказано доверие, а вы пытаетесь заставить меня поступить непорядочно.

– Вы хотите меня обидеть?

– А вы что, обиделись? Забавно. Впрочем, мне это безразлично. Да, я все знаю, но я вам ничего не расскажу. И не приходите ко мне больше.

– Но ведь речь идет о преступлении...

– Все виновные осуждены и наказаны. Чего вам еще?

– Мне этого недостаточно. Я ищу истину.

– Ищите. Сожалею, но ничем не могу вам помочь.

Часть 3

Наталья, 1984–1986 гг.

Еще на лестнице она услышала, как надывается в коридоре квартиры телефон, и принялась трясущимися пальцами выковыривать ключ из сумочки. От мороза руки сделались непослушными, и круглая металлическая болванка легко ускользала, едва оказываясь нащупанной среди множества таких, казалось бы, нужных каждой женщине и таких мешающих мелочей. «Сколько раз говорила себе: носи ключи на брелочке! – с досадой, мгновенно выбившей слезы из ее глаз, подумала Наталья. – Когда ключи в связке, их намного легче искать и вытаскивать. Так нет же, ношу все ключи по отдельности, упрямая идиотка!»

Телефонная трель умолкла, и Наташе показалось, что она слышит неторопливый разговор Бэллы Львовны. Господи, если это Вадим, сейчас Бэллочка скажет ему, что Наташи нет, а она здесь, совсем рядом, за дверью, мучится с этими ключами, будь они неладны! Наташа изо всех сил нажала кнопку дверного звонка.

– Бэллочка, это я! – закричала она через дверь.

Послышались шаги, такие же неторопливые, как и речь соседки.

– Что случилось, золотая моя? Ты потеряла ключ?

– Это Вадик? – спросила Наташа вместо того, чтобы ответить или хотя бы поздороваться.

– Нет, это моя приятельница. Вадик уже звонил, примерно час тому назад.

– Ах ты господи, опять пропустила!

Наташа с досадой швырнула на пол сумку, сдернула с шеи шарф, провела рукой по влажной коже: она успела вспотеть всего за несколько секунд отчаянной борьбы с ключом. Бэлла Львовна вернулась к прерванному разговору с подругой, а Наташа, обессиленная, словно занималась непомерно тяжелым физическим трудом, поплелась на кухню выкладывать купленные в магазине продукты.

Эта кухня в коммунальной квартире теперь выглядела совсем по-другому. Вместо четырех ветхих столов-тумб стоят три относительно новых стола вполне приличного вида и два холодильника, пол застелен красивым импортным линолеумом с ковровым рисунком, скрывшим под собой старый обшарпанный пол, над каждым столом висят одинаковые лампы-бра с плафонами в форме колокольчика, и точно такие же два рожка-колокольчика красуются в центре под потолком. Когда-то давно здесь обитали бок о бок четыре семьи, теперь же осталась всего одна, хотя номинально во всех документах домоуправления были записаны и Казанцевы-Вороновы, и Маликовы, и Бэлла Львовна Халфина. Только какая разница, что там указано в официальных документах, важно ведь, как люди живут на самом деле, а не то, как записано. А жили они действительно одной семьей – Наташа Казанцева, по мужу Воронова, ее родители, ее сыновья Сашенька и Алеша Вороновы, осиротевшая Иринка Маликова с окончательно свихнувшейся от водки бабушкой Полиной Михайловной и одинокая Бэллочка. И она, Наташа, с недавних пор является фактическим главой этой большой семьи, потому что отец ее, Александр Иванович, тихо угасает в больнице, а мама, Галина Васильевна, целыми днями находится рядом с ним. Сестры Люси давно нет в Москве, она вышла замуж и уехала в Набережные Челны, переименованные недавно в Брежнев в честь скончавшегося генсека, и даже болезнь отца не заставила ее приехать.

Услышав, что соседка закончила обсуждать по телефону какие-то насущные проблемы, Наташа выглянула из кухни.

– Бэллочка, что Вадик сказал?

– Сейчас, золотая моя, у меня записано. Я подобные формулировки запомнить не в состоянии.

Она ушла к себе и вернулась с вырванным из тетрадки листочком. На нем ровным каллиграфическим почерком было написано: «С 15 августа – 7–23. В конце июля – короткая вода. Запрос с женой Куценко, 23 июня».

– Ты все понимаешь, что здесь написано? – спросила Бэлла Львовна.

– Конечно, – вздохнула Наташа. Теперь, после стольких лет замужества за моряком-подводником Вадимом Вороновым, она достоверно знала, что «7–23» означает его присутствие на службе с 7 утра и до 23 часов, потому что идет «первая задача», и что приезжать к мужу, когда у того «первая задача», не говоря уже о второй и третьей, бессмысленно. Он будет уходить из дому ни свет ни заря и возвращаться к полуночи, измотанный, серый от усталости, не в состоянии ни разговаривать, ни шутить, ни заниматься любовью. «Первая задача» – это подготовка корабля к плаванию, которая может длиться до трех месяцев, а «короткая вода» условно означало краткосрочный выход в море. Наташа хорошо помнила, как в первый раз приехала к Вадиму в Западную Лицу и попала как раз в период «первой задачи». Вадим, правда, еще по телефону предупреждал ее, что будет занят каждый день без выходных и праздников, но ей, тогда еще совсем девчонке, казалось, что это пустые слова, что на самом деле он будет возвращаться домой часов в семь-восемь вечера, она будет ждать его с горячим ужином, потом они куда-нибудь сходят, в кино, или на концерт, или в гости к его друзьям. Она приехала и уже через несколько дней поняла, что совершила ошибку. Нет, ей-то как раз было замечательно, она с упоением, ни на что не отрываясь, писала сценарий документального фильма о борьбе с пожарами (шел 1978 год, годом раньше случился страшный пожар в московской гостинице «Россия», и все общество как-то в один миг озаботилось проблемами противопожарной безопасности), ходила в магазины, покупала продукты, готовила любимые блюда мужа и радостно ждала его возвращения, по утрам вскакивала на полчаса раньше его, чтобы приготовить Вадиму горячий завтрак и свежевывглаженную кремовую форменную рубашку. Наташа получала невыразимое удовольствие от такой жизни, но быстро поняла, что Вадиму это тяжело. Он был искренне благодарен ей за заботу, и потом, он любил ее, очень любил, в этом не было ни малейших сомнений, к тому же, будучи человеком деликатным и хорошо воспитанным, считал необходимым поздно вечером после сытного ужина еще и потратить час-полтора на разговоры с женой. Глаза его слипались, губы двигались с трудом, он часто терял мысль, которую начал было высказывать, и Наташа видела, что, если бы не ее присутствие, он давно бы с удовольствием лег спать. Это она своим непродуманным (несмотря на неоднократные предупреждения мужа) приездом лишает Вадима законных часов отдыха и покоя, не дает ему возможности восстановить силы для следующего дня службы. Больше она эту ошибку не повторяла. И вот сегодня Вадим сообщил, что очередная «первая задача» начнется 15 августа, и если Наташа собирается к нему приехать, то должна успеть до этого срока. Запрос на выдачу ей пропуска для въезда в погранзону он передал с женой мичмана Куценко, которая приедет в Москву 23 июня, то есть через два дня. Наташе нужно будет взять запрос и отнести в паспортный стол отделения милиции. Примерно через месяц она получит на руки пропуск и сможет лететь в Мурманск, а оттуда автобусом – в Западную Лицу, где служит Вадим. Все это хорошо, но как оставить маму одну? Ведь она не справится. Отцу нужно особое питание, его желудок уже не принимает ничего, кроме протертой и приготовленной на пару пищи, на сооружение которой требуется немало времени, ведь то, что она каждый день в судочках и термосках возит через весь город в больницу, должно быть свежеприготовленным, ни в коем случае не вчерашним. Маме уже почти семьдесят, ее хватает лишь на то, чтобы рано утром уехать в больницу и вечером вернуться, она уверена, что только ее присутствие может принести Александру Ивановичу облегчение. Их бывший сосед по квартире Слава Брагин достиг больших высот, стал круп-

ным руководителем, и только благодаря его мощной протекции Казанцева-старшего положили в двухместную палату и разрешили родственникам ежедневное дежурство. Правда, на ночные часы это разрешение не распространялось, иначе Галина Васильевна окончательно поселилась бы в больничной палате. Если Наташа позволит себе роскошь уехать вместе с детьми к мужу, маме придется всю первую половину дня заниматься приготовлением пищи для отца. И если, не дай бог, именно в утренние часы Александру Ивановичу станет хуже, она будет считать, что причиной ухудшения стало ее отсутствие – врачи, сестры и санитарки, как всегда, недоглядели, сделали не так или не то, просмотрели, забыли, не сменили вовремя, не принесли, не унесли. А причиной ее отсутствия стал, несомненно, такой несвоевременный отъезд дочери. Ах, Люся, Люся, сестричка Люся, ну что бы тебе не приехать в Москву хоть на две недельки, чтобы отпустить Наташу повидаться с мужем, которого она не видела десять месяцев!

– Как папа? – заботливо спросила соседка, глядя на Наташины манипуляции с продуктами: пельмени в морозильную камеру, молочные продукты, сыр и колбасу – на полку в холодильник, мясо – в кастрюлю с водой, чтобы быстрее разморозилось.

– Все так же. Кажется, чуть похуже, чем вчера.

– Ты собиралась сегодня с врачом встречаться...

– Встречалась. Он сказал, что счет идет на недели. Максимум – три месяца. В общем, ничего утешительного. Колбасу сегодня добыла, «Останкинскую». Еще за цыплятами стояла, но мне не хватило. Два часа выброшены из жизни псу под хвост. Зато творог, кажется, хороший, развесной. Бэллочка, что будем из мяса творить? Мне Инка вчера принесла банку соленых огурцов, подарок от Анны Моисеевны, можно рассольник сделать.

– Договорились, – кивнула соседка. – Сделаю рассольник.

– Да я не к тому... – смутилась Наташа.

– А я к тому. Ты и так целыми днями вертишься, как белка в колесе. А я бездельничаю на пенсии.

– Спасибо.

Разобравшись с покупками, Наташа зашла к себе, переоделась в старый спортивный костюм и вернулась на кухню, пора было заниматься ужином. Что бы такое приготовить? Маму нужно будет кормить в девять часов, когда она придет из больницы, Иринку – когда та проголодается, а это непрогнозируемо, старую Полину – когда та очнется от очередного забытья, вызванного то ли спиртным, то ли болезнью. И только Бэллочка, добрая душа, станет ужинать вместе с Наташей, когда еда будет готова, независимо от того, голодна она или нет. Дети сейчас за городом со своим садиком, а то пришлось бы еще отдельно и их кормить.

– Ты давала сегодня Иринке деньги? – снова послышался голос Бэллы Львовны.

– Два рубля, а что? Она до сих пор не приходила? – озабоченно вскинулась Наташа.

– Нет, как ушла утром, так и не появлялась. Она совершенно не слушается взрослых, Наташенька. С этим надо что-то делать.

– Ну что делать, Бэллочка Львовна? – тоскливо вздохнула Наташа. – Не бить же ее.

– Может быть, следовало бы. Хотя ты меня не слушай, я бог знает что несу. Конечно, бить ребенка нельзя. Достаточно и того, что Коля регулярно избивал несчастную Нину. Добра и ума это не прибавило ни матери, ни дочери. Мне порой с трудом верится, что это моя внучка, дочка Марика.

Да, Иринка – типичный ребенок из неблагополучной семьи, своенравная, плохо успевающая в школе, капризная и непослушная, стремящаяся слишком рано стать взрослой. Последнему немало способствовал и внешний вид девочки, она всегда была высокой, все годы – первая в классе по росту, да и женские формы начала приобретать уже лет в десять. Сейчас ей только четырнадцать, а грудь уже пышнее, чем у Наташи, в бедрах – полноценный сорок восьмой размер, к которому сама Наташа пришла только после вторых родов,

в глазах – опасная темная глубина, во взгляде – неприкрытый вызов. Запах табака Наташа впервые учуяла, когда Ире было двенадцать, а в последнее время к этому запаху добавился и запах спиртного. Конечно, за каждым таким случаем следовали длинные воспитательные разговоры, которые вели с девочкой по очереди Наташа и Бэлла Львовна, но толку от этих разговоров не было никакого. Сегодня утром Наташа дала ей два рубля на кино, мороженое и все прочее, ведь у ребенка каникулы, надо же ей как-то себя развлечь. Но в глубине души она подозревала, что никакого «кина» не будет, и мороженого тоже не будет, а будет обычная «складчина» с такими же, как Иринка, арбатскими подростками: крепкие, зато дешевые сигареты «Прима», дешевое вино и пока еще доступные консервы «Килька в томатном соусе». Не водить же ее за ручку целыми днями! И дома не запрешь... Да и бессмысленно ее запирает, у старой алкоголички Полины Михайловны всегда в шкафу есть чем поживиться.

Иринкиного отца Николая, любителя выпить и побуяннить, посадили за хулиганство еще в 1975 году, когда девочке было пять лет, а два года назад погибла ее мать, Ниночка. Будучи в стельку пьяной, переходила дорогу в неположенном месте и была сбита не успевшим затормозить водителем. Ира осталась с бабушкой, старенькой пьяницей, которой было совершенно безразлично, где и с кем проводит время ее внучка, лишь бы в конце концов домой приходила. Пока жива была Нина, на Иринку хоть изредка, но находилась управа: мать не жалела ни глотки, ни силы удара, дабы приструнить непослушную дочь. Если в это время дома оказывались Наташа или Бэлла Львовна, воспитательный процесс удавалось ввести в цивилизованные рамки, если же соседей дома не было, Нина давала себе волю до такой степени, что Иринка на некоторое время затихала в своей борьбе за независимость. Теперь же справиться с девочкой становилось с каждым днем труднее.

– Бэллочка Львовна, что же мы с вами делали не так? Мы же всю душу в нее вкладывали, умные книжки читали ей, на хорошие фильмы и спектакли водили, добру учили. Ну почему она такая, а? Может, мы с вами что-то неправильно делаем?

Бэлла Львовна тихонько погладила Наташу по руке:

– Золотая моя, если бы все дело было в воспитании, то у мудреца Сенеки не было бы такого ученика, как развратный и жестокий разрушитель Нерон. Что ты на меня так смотришь? Эта простая, но гениальная мысль принадлежит не мне, это сказал Шопенгауэр. Ты проходила Шопенгауэра в своем институте?

– Да... кажется, – рассеянно ответила Наташа.

На самом деле она совершенно не помнила, изучала ли труды этого немецкого мыслителя в курсе философии. А может быть, его проходили не по философии, а по научному коммунизму? Вполне могло быть, если он говорил что-нибудь о загнивании капитализма и о неизбежности победы пролетариата. Жгуче-неприятное воспоминание заставило ее болезненно поморщиться и на несколько мгновений даже забыть о проблемах Иринки.

– Жизнь показывает, что исправить таких, как наша Иринка, невозможно до тех пор, пока они сами не одумаются и не захотят изменить свой образ жизни, – продолжала между тем Бэлла Львовна, не замечая минутного замешательства Наташи. – И мы с тобой ничего сделать не можем. Придется надеяться, что жизнь стукнет ее по голове, да покрепче, только после такого шока можно надеяться на улучшение.

– Какие ужасные вещи вы говорите, Бэллочка Львовна! Разве можно хотеть, чтобы жизнь стукнула по голове человека, которого ты любишь? Так же нельзя!

– Золотая моя, а иначе не получится. Нельзя приготовить омлет, не разбив яиц. Так не бывает.

Наташа подумала, что Бэлла Львовна, пожалуй, не была прежде такой жестокой. Давно, еще до отъезда Марика, она казалась Наташе воплощением ума, добра и справедливости. Но после того, как ее единственный сын уехал на постоянное жительство в Израиль, соседка стала какой-то другой. Из аэропорта, откуда улетали Марик и его жена Таня,

Бэлла Львовна вернулась окаменевшей, с сухими глазами и осунувшимся лицом. До утра следующего дня она не выходила из своей комнаты, утром отправилась на работу, вечером пришла, согрела чайник, унесла к себе и снова скрылась до утра. Так прошло несколько дней. Внешне это была все та же Бэлла Львовна, статная, крупная, гордо несущая красивую голову с тяжелым узлом волос на затылке. Только она ни с кем не разговаривала. Наконец однажды, столкнувшись в коридоре с Наташей, молча поманила ее к себе.

– Марик сказал, что встречался с тобой перед отъездом. – Она с трудом разомкнула губы, и голос ее был неожиданно и непривычно сух и скрипуч.

– Да, – кивнула Наташа.

– И что мы с тобой теперь будем делать? Я имею в виду девочку, его дочь. Мою внучку. Последние два слова дались ей с еще большим трудом.

– Будем растить.

– У нее есть родители. Нина и этот Николай, который числится ее отцом. И бабка-алкоголичка. Неужели ты думаешь, что они позволят нам с тобой вмешиваться в ее воспитание?

– Не позволят, – покорно согласилась Наташа. – А что же делать?

– Не знаю я, что делать, – с внезапным раздражением сказала соседка, и Наташа испугалась, что сделала или сказала что-то не так, и теперь Бэлла Львовна на нее сердится. – Но я, собственно, о другом. Ты еще очень молода, и у тебя может возникнуть соблазн рассказать всем о том, чем с тобой поделился мой сын. Так вот, я тебя предупреждаю, я тебя заклинаю, не делай этого. Даже если очень захочешь. Даже если тебе покажется, что иначе поступить нельзя, что это принесет пользу Иринке. Молчи. Стисни зубы и молчи.

– Но почему, Бэлла Львовна? Если от этого будет польза, а не вред...

– Кто ты такая, чтобы решать, что есть польза, а что – вред? Тайна отцовства принадлежит только двоим – матери и отцу ребенка, только они вправе этой тайной распоряжаться. Если бы Марик считал нужным громко об этом заявить, он бы сделал это. Если бы Нина хотела, чтобы все узнали, что ее ребенок – полукровка, наполовину еврейка, она бы не стала этого скрывать. В нашей стране выгодно быть евреем, только если ты можешь уехать отсюда. Иринка – еврейка по отцу, а не по матери, и по законам Израиля она считается русской, зато по нашим законам она считается лицом, имеющим родственников за границей, так что ее еврейство не принесет ей ничего, кроме проблем. Кроме того, правда о рождении девочки наверняка разрушит брак Нины. Конечно, муж у нее далеко не самый лучший, но в конце концов она сама его выбрала, так пусть живет с ним, сколько сможет. Ты меня поняла?

– Поняла, Бэлла Львовна, – тихо ответила Наташа.

Они проговорили почти час, и, уже стоя на пороге «синей» комнаты, Наташа вдруг увидела, как постарела ее соседка. Постарела буквально на глазах, всего за каких-нибудь шестьдесят минут. Плечи ссутулились, гордо посаженная голова бессильно опустилась, лицо прорезали глубокие морщины. Иногда, когда человек узнает страшную новость, он какое-то время говорит и двигается так, словно ничего не произошло и никто ему ничего не говорил, и только потом, внезапно, впадает в ступор или в истерику. Наверное, то же самое происходит не только с психикой, но и со всем организмом, который держится-держится и вдруг сникает, как резиновый мячик, из которого разом выпустили воздух.

С того дня Бэлла Львовна снова начала общаться с соседями, но Наташе показалось, что она стала чуть жестче, чуть безжалостнее, чем была раньше. С тех пор прошло двенадцать лет, ум ее по-прежнему оставался ясным, а память – безотказной, она, как и прежде, помнила все дни рождения, юбилеи, годовщины свадеб и дни поминовений, у нее стало еще больше приятельниц, с которыми Бэлла Львовна после выхода на пенсию часами обсуждала по телефону чьи-то семейные дела, новые публикации в толстых журналах, достижения отечественной медицины и погоду. Вот только сердце ее окаменело.

* * *

Получив привезенный женой мичмана Куценко запрос на выдачу пропуска, Наташа на всякий случай отнесла его в милицию. А вдруг ей повезет, и в сестре Люсе проснется если не сострадание к умирающему отцу, то хотя бы совесть, и она приедет, тем самым дав Наташе возможность на несколько дней съездить вместе с детьми к мужу. Однако дорогие импортные лекарства, исправно доставаемые по каким-то неведомым каналам Инной Гольдман, в девичестве Левиной, помогли Александру Ивановичу все меньше и меньше, и он в середине июля скончался.

Люся приехала на похороны, со скорбным видом помогала готовить поминки, снисходительным тоном королевы, разговаривающей с чернью, объявила, что останется в Москве до девяти дней, и не скрывала неудовольствия тем, что на эти девять дней у нее не будет, как прежде, отдельной комнаты. В одной из двух принадлежащих семье Казанцевых комнат жили родители, а теперь – только Галина Васильевна, в другой – Наташа с детьми. Конечно, дети на даче, ее муж Вадим в краткосрочном автономном плавании, он даже не знает о том, что умер его тесть, и Наташа могла бы на время переселиться к матери, уступив старшей сестре ее бывшую комнату, но младшая сестра на этот раз отчего-то не пыталась угодить старшей и пропускала мимо ушей все намеки, которые делала Люся каждые пятнадцать минут с момента своего появления в квартире. Она вела себя так же, как и много лет назад, будто глядя на повседневную суету из-под полуопущенных век с высоты своей башни из слоновой кости, но если прежде для Наташи старшая сестра ассоциировалась с чем-то бело-золотым, хрупким и недостижимым, то теперь это была сорокашестилетняя хмурая женщина с тонкими злыми губами и заметной сединой, женщина, в которой девическое изящество сменилось высушенностью, а отстраненно-таинственное немногословие – сварливостью.

На третий день после похорон, когда все трое – мать и две дочери – вернулись с кладбища, Галина Васильевна прилегла отдохнуть, а Люся внезапно сказала сестре:

– Мне нужно с тобой серьезно поговорить.

Они пошли к Наташе. Та, по привычке, выработанной годами дружбы с Инной, забралась на диван с ногами, как делала всегда, когда предстоял важный или интересный разговор, и ожидала, что Люся присядет рядом. Однако старшая сестра, сохраняя на лице неприступность Снежной Королевы, уселась за стоящий у окна квадратный обеденный стол.

– Я хочу тебе помочь, – начала Люся без предисловий.

– Спасибо, – улыбнулась Наташа. – А в чем?

– Твоя карьера в кино явно не складывается. Тебе нужны хорошие сценарии, по которым можно было бы снять прекрасные фильмы. Тогда о тебе заговорят, ты станешь известной.

– Люсенька, сценарии нужны режиссерам, а я – сценарист, я сама пишу сценарии, – начала было объяснять Наташа, полагая, что сестра, может быть, добросовестно заблуждается, принимая ее за режиссера.

– Не делай из меня идиотку, – холодно оборвала ее Люся. – Я прекрасно знаю, что ты сценарист. Только ты плохой сценарист, бездарный, вот я и хочу тебе помочь.

Слова прозвучали как пощечина. Никто не говорил Наталье Вороновой, что она – гений, но и бездарностью никто не называл, напротив, ее всегда хвалили за умение «выжимать слезу», создавая мелодраматические коллизии. И еще у нее было хорошее чувство слова. Да, в изобретении сюжетов Наташа была слабовата, у нее частенько не хватало фантазии на то, чтобы придумать историю, но зато она писала такие диалоги, находя такие точные, емкие и проникающие прямо в сердце слова, что слезы наворачивались на глаза

даже при чтении текста, а уж когда эти слова произносились хорошими актерами... К своим двадцати девяти годам она выступила соавтором сценариев двух полнометражных художественных фильмов, трех короткометражек и единолично написала сценарии двух документальных фильмов, один из которых даже был очень хорошо отмечен прессой, а другой – про пожары – получил премию МВД. Премию ей вручал сам министр внутренних дел Щелоков. Один известный режиссер посоветовал Наташе полностью переключиться на документалистику:

– Да, вы не умеете делать сюжеты. Но вы умеете находить слова, которые попадают прямо в сердце. И вы очень хорошо чувствуете зрительный ряд. Знаете, сколько было разных лент, призывающих бороться за противопожарную безопасность? Десятки, если не сотни. И на них люди умирали от скуки. А вы написали сценарий и, главное, закадровый текст для еще одного такого фильма – и у зрителей ком в горле стоит, они переживают и плачут по каждому погибшему пожарнику, по каждому задохнувшемуся в дыму ребенку. Я прекрасно помню ваши работы, которые вы представили при поступлении во ВГИК, я же был в приемной комиссии. И меня поразило ваше умение работать с чувствами через слова, хотя сюжетная основа у вас и тогда хромала на обе ноги. У вас редкий дар, Наталья Александровна, а вы пытаетесь растратить его впустую, создавая сценарии с прекрасными диалогами, но с чудовищно слабыми сюжетами.

Она не обиделась на этого маститого режиссера, потому что понимала: он прав. Ни один из ее самостоятельно написанных сценариев художественных фильмов не был одобрен и утвержден. Зато как гордилась она и как радовалась, когда ее приглашали в соавторы к признанным мастерам сюжета именно для того, чтобы она поработала с диалогами. Нет, никогда и никто не называл сценариста Воронову бездарной. И вот услышать такое от родной сестры...

– Почему ты решила, что моя карьера не складывается? – сдержанно спросила она, стараясь не выдать вспыхнувшую обиду.

– Но тебя же никто не знает! – Люся сказала это с терпением учителя, объясняющего элементарное правило арифметики. – Если бы ты была талантливой, то была бы известной. Это очевидно. Вот Эмиль Брагинский, который пишет сценарии для Рязанова, – он талантливый, и вся страна знает его имя.

– Помнится мне, ты с ума сходила по фильмам Марлена Хуциева, считала их гениальными, на «Июльский дождь» бегала по всем захудалым домам культуры, только бы еще раз посмотреть. Кстати, не ты одна такая, с тобой большинство населения согласится, и я тоже. А кто написал сценарии этих фильмов, ты знаешь? Уверена, что нет, – насмешливо поддела ее Наташа, которая никак не хотела верить в серьезность этого разговора, настолько бредовыми казались ей высказывания сестры. – А сценарии к фильмам Гайдая кто писал? Эти фильмы побили все мыслимые рекорды посещаемости кинотеатров у нас в стране. Имя режиссера все знают, а имя сценариста? Только узкий круг друзей и профессионалов. Что ты вообще знаешь о сценаристах, что с важным видом берешься судить о нашем таланте и нашем успехе?

Последние слова Наташа почти выкрикнула, насмешливость оказалась полностью раздавлена обидой на сестру, и не только за то, что она говорила сейчас, в этой комнате, а вообще за все, что она сделала в своей жизни. За то, что оттолкнула маленькую Наташу, не разрешив ей жить вместе с собой в одной комнате, за то, что не приехала повидаться с умирающим отцом и помочь матери и сестре ухаживать за ним, за то, что обижала родителей невниманием и грубостью. За то, что ее любил Марик.

– Истеричка, – презрительно бросила Люся. – Типичный синдром неудачницы. И не устраивай мне экзамен. Я хочу тебе помочь. Вот, возьми. – Она наклонилась и достала из стоящей у ног дорожной сумки несколько толстых папок.

– Что это?

– Рукописи. На их основе ты сможешь сделать настоящие сценарии. Любой режиссер ухватится за них обеими руками. Это будет потрясающее кино.

– Что за рукописи? – с подозрением спросила Наташа.

– Романы. Повести. Есть несколько рассказов. Прочтешь – увидишь.

– А кто автор?

– Естественно, я. Кто же еще?

– Ты?!

Наташа в изумлении уставилась на сестру, не веря услышанному.

– Ну я, я. – В голосе Люси проскользнули нотки усталого раздражения. – Что ты на меня уставилась?

– Просто я не знала, что ты пишешь... – пробормотала Наташа.

– Естественно, – надменно кивнула сестра. – Этого никто не знал.

– А почему ты это не публикуешь? – коварно спросила Наташа. – Получила бы гонорар, да и славу заодно.

Ей по роду работы приходилось немало общаться с писателями и драматургами, и она примерно представляла себе, по каким основаниям издательство может отклонить рукопись. Интересно, что ей скажет Люся, чтобы не уронить свое поистине королевское достоинство?

– Потому что если это будет опубликовано, то любой сможет написать на основе моих произведений сценарий. Ты, как всегда, все проспишь, найдутся другие, более умные, которые поймут, что это – золотая жила, и вся слава достанется им. Я хочу помочь тебе, моей сестре, а не кому-то неизвестному.

– Но ты кому-нибудь это показывала? Кто-нибудь из специалистов читал твои рукописи?

– Естественно, нет.

В глазах сестры промелькнуло и сразу же исчезло выражение затравленности.

– Почему? – продолжала допытываться Наташа.

– Потому что не хотела, чтобы это публиковали. Ну как ты не понимаешь таких простых вещей? Я хотела сохранить это для тебя.

Все ясно, подумала Наташа. Люся показывала свои рукописи в каких-то издательствах, наверное, по почте посылала, ей отказали, и теперь она считает, что редакторы – полные невежды, не сумели разглядеть в ее творениях ту самую золотую жилу, зерна гениальности и признаки грядущей славы. Впрочем, редакторы и в самом деле частенько руководствуются конъюнктурными соображениями, а вовсе не художественной ценностью произведения, и книгу о генсеке принимают и публикуют на ура, а по-настоящему хороший роман о любви или детектив отклоняют, потому что такая литература не призывает бороться за строительство светлого будущего. Как знать, может быть, и вправду у Люси талант. Может быть, она написала хорошие романы и повести. В конце концов, должно же в Люсе быть хоть что-то, за что ее так любил Марик. Скрытый дар, невидимый огонь, неслышимая обычным ухом музыка...

Из задумчивости ее вывел голос сестры – оказывается, Люся продолжала что-то говорить, а Наташа ее совсем не слышит.

– ...половину гонорара отдашь мне. И чтобы в титрах было указано, что фильм снят по моему роману, больше я ни на что не претендую.

– Ты сильно рискуешь, – рассеянно произнесла Наташа, продолжая думать о Марике. Она так и не смогла изжить в себе привычку думать о нем каждый раз, когда по тем или иным причинам вспоминала свою первую любовь.

– Почему? Чем я рискую?

– Я могу написать плохой сценарий, даже очень плохой, я же бездарная, как ты сама говоришь. И его не примут, и никто не будет снимать по нему фильм. Или возьмутся, снимут – а он провалится. Разгромные рецензии, в лучшем случае – прокат вторым экраном, в худшем – ленту положат на полку, и зрители никогда ее не увидят. Не боишься? Может, лучше предложить твои произведения более талантливому сценаристу? А лучше – прямо сразу режиссеру с мировым именем, тогда уж точно провала не будет. Бондарчуку, например, или Герасимову. Или твоему любимому Хуциеву. А?

Люся, казалось, не заметила явной издевки. Она молча смотрела в окно, наблюдая за облаками. Потом соизволила обернуться и перевести взгляд на сестру.

– Я хотела тебе помочь. Но если ты настолько бездарна, что можешь даже по хорошей книге написать плохой сценарий, то тогда действительно лучше не рисковать. Покажи мои работы, кому сочтешь нужным.

– То есть против кандидатуры Хуциева или Герасимова ты не возражаешь?

Наташу начал откровенно забавлять этот разговор, даже обида на Люсю отодвинулась на второй план. И откуда у нее такое безоглядное самомнение? Откуда эта уверенность в том, что она – совершенство и все, что она делает, не имеет недостатков? Однако в последней реплике Люся все-таки уловила сарказм, и он ей почему-то не понравился.

– Ты что, смеешься? Шутишь? – прищурив глаза, спросила она.

– А как ты думаешь?

– Знаешь, дорогая, твое чувство юмора всегда было тупым, а уж проявлять его в такое время по меньшей мере неуместно.

– В какое «такое» время?

– Папа только что умер. Как ты можешь шутить?

– Знаешь, дорогая, – невольно передразнила сестру Наташа, – папа умер не только что, а шесть дней назад. Если ты забыла, то хочу тебе напомнить, что умирал он почти год, и врачи ничего от нас не скрывали, так что мы с мамой не питали никаких иллюзий. Мы давно приготовились к тому, что его скоро не будет с нами. Так что я, в отличие от тебя, дорогая, его смерть уже много месяцев назад пережила, когда только узнала, какой ему поставили диагноз.

– Ты что, упрекаешь меня в том, что я не бросила свою семью и не примчалась сюда ухаживать за папой?

– Ну что ты, нет, конечно, – мягко сказала Наташа.

– У меня маленький ребенок...

– У меня тоже, даже двое. И при этом муж живет в другом городе.

– Но тебе мама помогает, и потом, ты живешь в коммунальной квартире, тебе всегда есть на кого оставить детей. А у меня муж – инвалид второй группы, он мне не помощник, я все сама, все сама!

– Люся, давай не будем заниматься подсчетами и выяснять, у кого из нас двоих жизнь легче. Когда ты выходила замуж за инвалида второй группы и в сорок один год рожала первого ребенка, ты знала, на что идешь. Ты сама сделала свой выбор, насильно тебя никто не тянул.

– А ты стала злой, – неодобрительно заметила Люся. – Злой и недоброжелательной. Откуда в тебе это?

– Я стала взрослой. Просто ты слишком давно меня не видела. Я не могла всю жизнь оставаться маленькой девочкой, восхищенно заглядывающей тебе в глаза.

– Вероятно, теперь ты считаешь, что сможешь смотреть на меня сверху вниз? – с прежним высокомерием спросила Люся.

– Что ты, дорогая, так далеко даже моя фантазия не заходит.

– Послушай, почему ты меня так не любишь?

Наташа вздрогнула и недоверчиво посмотрела на сестру. Неужели в ее голове могла зародиться мысль о том, что ее кто-то не любит? Невероятно! И это с ее-то самооценкой!

– Я тебя люблю. Не выдумывай, – равнодушно ответила она.

– Ты всегда мне завидовала. Я была старше и красивее, и ты пыталась прилепиться ко мне, ходила за мной хвостом и приставала, чтобы я взяла тебя с собой. Тебе даже в голову не приходило, что при такой огромной разнице в возрасте у нас с тобой не могло быть ничего общего. Ты совершенно не умела чувствовать дистанцию, ты относилась к взрослым как к своим ровесникам и не понимала, что им с тобой скучно, что ты им мешаешь. Это старая дура Бэлла тебя испортила, внушила тебе, что ты, شماкодявка, можешь быть интересна взрослому человеку. Неужели ты не понимаешь до сих пор, зачем она это делала?

– Не смей так говорить о Бэллочке! – вспыхнула Наташа. – Она добрый, умный, чудесный человек. Если бы не она и не Марик, неизвестно, что бы со мной стало. Только благодаря им я чего-то достигла.

– Ой господи, да чего ты достигла-то?! Замуж выскочила в двадцать три года? Детей нарожала? Так это ты и без Бэллы сумела бы. А еще что? Твоя ненаглядная Бэлла спала и видела втереться в нашу семью, чтобы женить на мне своего сына. Потому и тебя приваживала. А ты небось решила, что она к тебе искренне привязана?

Наташе стало тошно. Впервые за двадцать девять лет жизни она усомнилась в уме своей старшей сестры, которая на протяжении многих лет была ее кумиром, вознесенным на недостижимую высоту. Боже мой, и эти мерзкие слова произносит принцесса из бело-золотой башни! Да нет же, эти слова говорит стареющая женщина, просидевшая в девках почти до сорока лет в ожидании прекрасного принца, так и не дождавшаяся и вышедшая замуж от полного отчаяния за художника-оформителя из другого города, инвалида второй группы с тяжелым заболеванием сердца. Это говорит бывшая красавица, лелеявшая свою красоту, но угробившая свое очарование в борьбе за признание собственной неординарности. Она искренне верила в то, что ей предназначена другая судьба, отличная от судеб всех остальных людей, живущих рядом, и до сих пор не может смириться с тем, что ожидания не оправдались. И не дает ей покоя мысль о том, что Марик, которым она пренебрегла и которого демонстративно не замечала, теперь живет в благополучной сытой Америке, а она покупает мясо и масло по талонам, выстаивает многочасовые очереди в магазинах в попытках купить детскую одежду и выслушивает от своего супруга длинные жалобы на несправедливую жизнь, которая не дает развернуться его таланту живописца. И не может она смириться с тем, что ее младшая сестра, глупая и некрасивая, так рано и удачно вышла замуж, не за пьяницу и бездельника, а за подводника с высокой зарплатой. Эта شماкодявка украла у Люси ее успех, ее счастливую семейную жизнь в Москве!

Наташа смотрела на темный силуэт сестры на фоне светло-серого вечернего неба, разрывалась между отвращением и жалостью и думала о том, что Люся стала похожа на старую ворону. Да, именно так. Не сказочная принцесса в башне из слоновой кости, а старая ворона на старом высохшем дереве.

В тот же вечер, когда Галина Васильевна и Люся улеглись спать, Наташа открыла верхнюю из сложенных на столе папок и принялась читать. Все оказалось даже хуже, чем она предполагала. Нудные, растянутые и бесформенные, как многократно стиранные свитера из плохой шерсти, истории про молодых людей середины шестидесятых. Они все, как один, тонко чувствуют поэзию Еvtушенко, Окуджавы и Ахмадулиной, тайком переписывают с магнитофона на магнитофон песни Галича, собираются большими компаниями, бредят романтикой целины, тайги и профессии геолога и то и дело впадают в глубочайшую депрессию оттого, что их никто не понимает. У всех героев родители – косные и глупые, с уставшими взглядами, не приемлющие современную, отходящую от «сталинско-советских» нормативов культуру, боящиеся открытости и искренности и постоянно конфликтующие на

пустом месте со своими взрослыми детьми. И разумеется, в каждом произведении, будь то роман, повесть или рассказ, в центре повествования стоит главная героиня, до мельчайших деталей похожая на Люсю. В нее все влюбляются, а она всех отвергает, ибо не находит среди своего окружения единственного достойного себя. В конце героиня пытается покончить с собой, потому что не в состоянии больше жить рядом с людьми, которые не понимают ее утонченную душу, но ее спасают, и в этот момент появляется ОН – известный литератор (художник, музыкант, режиссер), случайно оказавшийся либо на месте суицида, либо в больнице, куда «Скорая» привозит неудавшуюся самоубийцу. Разумеется, сей прекрасный принц немедленно очаровывается всеми скрытыми и явными достоинствами героини и предлагает ей руку и сердце. Она долго мучается, потому что боится благополучной и успешной жизни, которая непременно должна привести к полному обуржуазиванию и сытому самодовольству, но потом находит некоторый баланс между сохранением прежних пристрастий и возможностью раскрыть и полностью реализовать свои недюжинные таланты. Бегло просматривая страницу за страницей, Наташа отчетливо понимала, что в каждом произведении Люся воплощала свои мечты и придумывала ту жизнь, которой хотела бы жить, но которая у нее не получилась. И не потому, что сама Люся недостаточно хороша, а потому что так и не нашлось того единственного, кто смог бы увидеть и оценить всю глубину ее тонкой и неординарной души. Такого человека просто нет в той стране, в которой вынуждена проживать свою жизнь необыкновенная и прекрасная девушка Людмила Казанцева. Именно это и является причиной ее жизненных неудач, ибо в своих достоинствах Люся, что очевидно, ни секунды не сомневается. Одним словом, читать все это было скучно, и Наташа ясно видела, что ни хорошего сценария, ни тем более хорошего фильма из такого материала не сделаешь. И вообще, сегодня, в 1984 году, мало кому могут быть интересны молодые люди середины шестидесятых.

Но что сказать Люсе? И как сказать? Жестко и открыто, не стесняясь и не выбирая выражений? Ведь Люся не постеснялась назвать Наташу бездарностью, так почему теперь Наташа должна стесняться сказать сестре то же самое? Или пощадить ее самолюбие, сказать, что ее повести и романы представляют несомненный интерес для экранизации, и тем самым дать Люсе и повод, и право продолжать считать себя умной и талантливой, щедро и бескорыстно жертвующей изрядную долю своей одаренности глупой и неудачливой младшей сестре? А может, все-таки сказать правду и тем самым вызвать на себя поток обвинений в зависти и в непонимании настоящей литературы?

На часах уже половина пятого утра. Часа через три Люся проснется и первым делом спросит у Наташи, прочла ли она хотя бы одну повесть. И нужно будет что-то отвечать. Но можно, в конце концов, сказать, что не прочла ни страницы, потому что устала и заснула. Это, конечно, выход, хотя на самом деле это лишь небольшая отсрочка, ведь Люся пробудет здесь еще неделю и непременно потребует, чтобы Наташа прочла рукописи.

Сна не было, и Наташа, накинув халатик, пошла на кухню, чтобы сделать себе чай. Едва успела она зажечь газ, как по коридору зашаркали старческие неуверенные шаги – Полина Михайловна. Наташа слишком давно и хорошо знала свою соседку, чтобы хоть секунду сомневаться: Полина хочет опохмелиться, у самой нечем, а будить соседей ночью совесть все-таки не позволяет. Три дня назад пожилая женщина от души выпила на поминках Александра Ивановича и потом периодически заглядывала к Казанцевым с разговорами о том, что на второй день нужно непременно помянуть, чтобы «покойнику легче лежалось», на третий – чтобы он не держал зла на тех, кто остался, и так далее. Все понимали, что старуха просто хочет выпить, молча наливали ей и подносили нехитрую закуску, не обращая внимания на выражение крайнего негодования на сухом Люсином лице.

– Чего не спишь-то? – послышался у Наташи за спиной сиплый голос.

– Не спится, Полина Михайловна, вот чайку хочу выпить.

– От бессонницы не чай надо пить. Другие средства есть, получше.

– Ну так я вам другого и налью, – вяло улыбнулась Наташа, доставая из холодильника початую бутылку «Пшеничной» – спасибо все тому же Славе Брагину, и с похоронами помог, и с продуктами для поминок. И жене его Рите спасибо огромное, в день похорон в семь утра примчалась, весь стол на себя взяла, а ведь труд немалый – на сорок с лишним человек наготовить. Конечно, она не одна была, ей еще две женщины помогали – подружки Галины Васильевны, но ведь они уже немолодые, за семьдесят, без Риты не справились бы.

Полина Михайловна с шумным всхлебом опрокинула в себя стопку водки и потянулась к открытой банке соленых огурцов, предусмотрительно выставленной Наташей из холодильника.

– Светлая память. Хороший был мужик Александр Иванович. И ты хорошая баба, Наташка, душевная. А вот Люська ваша – стерва. И морда у ней злющая.

– Она не стерва, Полина Михайловна. Она несчастная. От Иринки ничего не слышно?

– А чего от нее может быть слышно? В деревне телефонов нету, в район не наездишься. Не бойся, не пропадет твоя Иринка, в деревне за ней пригляд хороший, там Колькина родня ее в ежовых рукавицах держать будет. У них не забалуешь.

– Ну дай-то бог.

Каждое лето Иринку отправляли на Урал, где в деревне жили родственники Николая. Сам Николай, отсидев положенное, к жене и дочери не вернулся, затерялся где-то, однако его тетка, к которой Иринку возили с малолетства, к девочке привязалась и с радостью ждала ее, не обращая внимания на семейные проблемы племянника. Да и Иринка ездила туда с удовольствием, за много лет она подружилась со своими деревенскими ровесниками и прекрасно проводила с ними время.

– Уж не знаю, чего там кому бог дает, – Полина Михайловна сочно хрустнула огурцом, – а только не нам. Ириночку осиротинил, сперва отца посадили, потом мать убили. За что, спрашивается? За какие такие грехи дите малое наказал? У тебя вот тоже отец помер, а ведь жить бы да жить еще Александру Ивановичу, светлая ему память. Только эта живет, как сыр в масле катается. Вот ты мне скажи, отчего такая несправедливость? Почему этой все, а мы страдать должны?

«Этой» Полина Михайловна упорно называла Бэллу Львовну. Несколько лет назад в пьяном запале она не уследила за своим рвущимся наружу антисемитизмом и произнесла – как выплюнула: «эта жидовка». Последовавшая за этим сцена надолго отпечаталась в дырявой памяти старенькой пьянчужки. Обычно строго-красивое Наташино лицо перекошилось от отвращения и брезгливости, а голос невольно сорвался на визг. Казалось, еще секунда – и она оторвет старухе голову. С тех пор Полина Михайловна за собой старалась следить и, произнося первое слово «эта», второе молча проглатывала.

– Как вам не стыдно, Полина Михайловна, – с упреком произнесла Наташа. – Бэлла Львовна сына потеряла.

– Как же, потеряла она, – проворчала старуха. – Жив-здоров, в Америке своей баклуши бьет, а мы тут в нищете должны...

– Перестаньте. – Наташа поморщилась, убрала в холодильник бутылку водки и банку с огурцами, выключила газ под закипевшим чайником, налила в чашку заварку. – Если бы Марик остался здесь, вам богатства бы не прибавилось. Ваша нищета – не его вина. А для Бэллы Львовны он все равно что умер, ведь она никогда его не увидит. Понимаете? Никогда не увидит.

– Ох, добрая ты, Наташка, всех жалеешь, обо всех заботишься. Только тебя одну никто не пожалеет, никто о тебе не позаботится, – запричитала Полина, стараясь уйти от опасной темы: она заметила, как недобрым огнем сверкнули Наташины глаза.

– У меня муж есть, он обо мне заботится. И пожалеет, если нужно будет.

– Да где он, этот твой муж-то?

– Под Мурманском, в Западной Лице.

– То-то, что в Лице этой, а не в Москве. Чего ж тестя хоронить не приехал? Бросил тебя одну на все про все.

– Он в плавании, я же вам говорила.

– Знаем мы эти плавания. А ты проверяла? Сказать-то все, что угодно, можно, а на самом деле как оно? Доверчивая ты, Наташка, тебя каждый вокруг пальца обвести может. Нельзя людям верить без оглядки, они как твою веру почуют – так моментом на шею сядут. Ты меня послушай, я плохого не посоветую. Осторожнее надо быть.

Этот разговор Полина заводила уже не в первый раз, тема Наташиной безоглядной доверчивости и всеобъемлющей доброты, заставлявшей молодую соседку всем помогать и обо всех заботиться, была излюбленной у Иринкиной бабки-алкоголички. Наташа не пыталась ни спорить со старухой, ни переубедить ее в чем бы то ни было, она прекрасно понимала, что главной целью этих «задушевных» бесед было внедрение в Наташино сознание мысли о том, что надо бы о них, то есть о Полине и ее внучке, заботиться получше, иными словами, не ограничиваться продуктами и одеждой для девочки, но и бабушке подбрасывать «на лекарства». Намеки Наташа пропускала мимо ушей, ибо знала, что «лекарство» у Полины всегда только одно – спиртное.

Наташа уселась на табуретку в уголке между холодильником и кухонным столом, обхватила пальцами обеих рук большую чашку с горячим чаем и устало прикрыла глаза. Полина надоела ей смертельно, и не только в эту их предутреннюю встречу, а вообще. Но приходится держать себя в руках хотя бы ради Иринки. Не дело это, если девочке придется жить рядом с постоянно конфликтующими бабушкой и соседкой. Полина продолжала что-то бубнить о том, как бедненькую Наташу обманывают все, кому не лень, и в первую очередь ее муж, а Наташа вспоминала, как точно так же много лет назад сидела на кухне, в этом самом уголке, и ждала звонка Вадима...

* * *

...Летом семьдесят четвертого года Инка уговорила Наташу поехать в Ленинград.

– Ты же белых ночей ни разу в жизни не видела! – округляя глаза, говорила лучшая подруга. – И вообще, Ленинград – это что-то! Это невозможно рассказать, это надо увидеть и самой почувствовать.

Поехать очень хотелось, но было боязно.

– А где мы будем жить? – осторожно спрашивала Наташа, понимая, что в гостиницу они устроиться не смогут.

– У кого-нибудь из команды, – беспечно махнула рукой Инка. – Летом у многих хаты пустые.

– Команда? – непонимающе спросила Наташа. – Что это?

– Ой, ну это долго объяснять, приедем – сама увидишь.

Наташа не заставила себя долго уговаривать, она давно мечтала посмотреть Северную столицу. Дорога обошлась совсем недорого, билеты на дневной поезд стоили всего 9 рублей, а им как студенткам полагалась скидка. Выйдя из здания Московского вокзала, Инка повела Наташу по Невскому проспекту.

– А куда мы идем? – любопытствовала Наташа.

– В «Сайгон». Сейчас как раз десять вечера, обязательно кого-нибудь найдем.

– А что такое «Сайгон»? – не отставала Наташа. – Это что, общежитие, где живут вьетнамские студенты?

Инка хохотала, но ничего внятного не отвечала, ограничиваясь туманными обещаниями, что Наташа «сама увидит». «Сайгоном» оказался кафетерий на углу Невского и Владимирского проспектов. Девушки вошли внутрь, и почти сразу же раздался чей-то голос:

– О, Инка!

Раздвигая толпящихся вокруг высоких столиков посетителей, к ним двигался длинноволосый симпатичный парень в джинсах и странного вида свитере крупной вязки с неровными заплатками. Инка повисла у него на шее.

– Ты меня ждал?

– Гюрза сказала, что ты вроде сегодня должна прикатить.

– Познакомься, это Наташа, моя подруга. А это Сережа Вери Гуд.

В течение следующих пятнадцати минут Наташу напоили крепчайшим кофе, от которого у нее началось сердцебиение, и познакомили с некоторыми членами «команды», для которой кафетерий был сборным пунктом. Все они показались ей веселыми и доброжелательными, хотя общались между собой на таком жаргоне, который она не всегда понимала. И почти все имели какие-то непонятные прозвища, например, Гюрзой называли девушку с большими красивыми глазами и густыми заплетенными в косу волосами. Другую же девушку называли Гремучкой, по-видимому, за то, что рот у нее не закрывался ни на минуту, она все время что-то рассказывала и при этом постоянно сама себя перебивала собственным же смехом. Одеты они были с вызывающей небрежностью, но Наташин наметанный глаз видел, что небрежность эта, как говорится, «дорогостоящая», и рваные джинсы, и заплатанные рубашки и свитера, холщовые сумки с корявой вышивкой, а также сарафанчики, надетые поверх теплых рубашек, вовсе не свидетельствовали о бедственном материальном положении своих хозяев.

Вскоре появились еще несколько человек – трое молодых людей и две девицы, – и вся компания не спеша двинулась в сторону набережной Невы. Инка накрепко прилипла к Сереже со странным прозвищем Вери Гуд, и Наташа поняла, что это и есть тот самый парень, в которого Инка была влюблена вот уже два месяца. Они познакомились в Москве, куда Сережа с друзьями из «команды» приезжал на два дня «проветриться», и с тех пор разумная и спокойная Инка Левина совершенно потеряла голову. Двигались, разбившись на группы по два-три человека. Рядом с Наташей шел невысокий прихрамывающий парень по имени Антон, многозначительно-мрачный и немногословный. Узнав, что Наташа учится во ВГИКе, он начал, медленно цедя слова, доказывать ей, что советский кинематограф давно умер, и памятником ему должен служить фильм Тенгиза Абуладзе «Мольба»: дескать, лучше этого все равно никогда никто в нашей стране не снимет. Наташа сперва активно включилась в дискуссию, но вскоре примолкла, поняв, что Антону ее мнение вовсе не интересно, ему интересен только он сам. Да и ей, честно говоря, собеседник только мешал: она наслаждалась необычным ощущением светлого вечера, когда солнце уже зашло, а темнеть еще не начало, и одновременным знанием того, что уже почти полночь.

Прогулявшись по набережной, дошли до Михайловского замка. Из обрывков разговоров Наташа поняла, что сейчас будут репетировать какую-то пьесу. Все это было необычно и радостно волновало девушку: такой знакомый по фильмам, книгам и фотографиям и в то же время незнакомый город, белая ночь, симпатичные общительные ребята, сразу принявшие ее как свою, ночная репетиция... Пока все рассаживались, кто на камнях, кто прямо на земле, Наташа уже начала было мечтать о том, какой замечательный сценарий можно было бы сделать на этом материале, ведь перед ее глазами сейчас проходит совсем другая жизнь, неизвестная ни москвичам, ни жителям других городов, ни даже самим питерцам.

«Команда» – это особый мир, дружная веселая семья, в которой умеют ценить прекрасное и разбираются в искусстве и в которой никто никому не навязывает свое мнение и свой вкус. Затаив дыхание, она ждала начала репетиции...

И уже спустя несколько минут испытала разочарование. Пьеса оказалась претенциозной, чрезмерно «эстетской», перегруженной символами по принципу «чем непонятнее – тем лучше». Мысленно Наташа назвала ее «полухипповым декадансом». Да и не пьеса это была, а нечто вроде символа пьесы, то есть выходили персонажи и произносили тексты, но ни внутренней структуры, ни драматургии, ни развития образов в ней не просматривалось. Однако разочарование довольно быстро растаяло, уступив место обычной для Наташи восторженности: да, пьеса плохая, но разве это главное? Главное в другом: ведь есть же, есть в наше время молодежь, ищущая новые пути в искусстве и новые способы самовыражения, есть добрые и открытые ребята, которые стремятся к философским разговорам, к познанию жизни, а не к тому, чтобы выхлестать очередную бутылку в скверике или на детской площадке, а потом на радостях набить кому-нибудь морду. Об этом обязательно надо рассказать на комсомольском собрании, может быть, даже проявить инициативу и добиться, чтобы о «команде» сняли документальный фильм к очередному съезду ВЛКСМ.

Часа в четыре утра собрались расходиться по домам. Наташу вместе с Инной пригласил к себе Сережа Вери Гуд, его родители уехали в отпуск, квартира пустая.

– Слушай, это, наверное, неудобно, – зашептала Наташа, отведя подругу в сторонку.

– Ну чего неудобного-то? Он же сам зовет, хата пустая.

– Он тебя зовет. А я вам там только мешать буду. Попроси Сережу, пусть он поговорит с ребятами, может, я у кого-то другого переночую.

– Ой, ну и балда же ты, Натка! – рассмеялась Инна. – Да ты знаешь, какая у него хата? Туда хоть полк солдат приведи, никто никому мешать не будет.

Наташа плохо представляла себе такую квартиру, в которой никто никому не мешает, но, в конце концов, все бывает, ведь еще сутки назад она и «команду» не смогла бы представить, а если бы ей рассказали – не поверила бы, что такие ребята существуют.

Вери Гуд жил прямо на Невском проспекте, и, едва войдя в квартиру, Наташа ахнула: таких хором она и впрямь представить себе не могла. Огромный округлой формы холл, в который выходили двери шести комнат и из которого уходил коридор на кухню и в ванную с туалетом.

– А это точно не коммуналка? – Наташа тихонько тронула Инну за плечо. – Мы соседям не помешаем?

– Да ты что? – возмутилась Инна. – Отдельная квартира. У Сережи отец – главный режиссер театра. Какая может быть коммуналка?

Вери Гуд тем временем распахнул дверь одной из комнат и выразительно посмотрел на Наташу:

– Натка, оцени камеру. Устроит?

Она робко заглянула в комнату, не решаясь переступить порог. Старинная мебель, тяжелые портьеры, на стенах картины в золоченых багетах, огромное количество статуэток и очаровательных фарфоровых безделушек. Господи, да как же здесь спать? Сюда даже войти страшно!

– Чья это комната? – осторожно спросила Наташа.

– Сейчас ничья. Раньше была бабкина, но бабунок благополучно скончался пару лет назад, оставив свое дворянское наследие грубым потомкам. Диван видишь?

– Вижу.

– Вот и отлично. Белье в шкафу. Сортир – направо по коридору, там же ванная. Устраивайся как дома, не стесняйся.

Наташа и глазом не успела моргнуть, как Сережа и Инна скрылись в одной из соседних комнат, причем она даже не смогла точно увидеть, в какой именно. Не привыкшая к безалаберности, девушка испытывала неловкость оттого, что не успела договориться с подругой о планах на утро. Непонятно было, когда вставать, когда и что завтракать, нужно ли будить

ее и Вери Гуда или следует терпеливо ждать, когда они сами соизволят выползти из своей комнаты. Можно ли уйти самой? И когда можно вернуться? Да и можно ли? Ключей у нее нет, и номера телефона в этой квартире ей тоже сообщить не удосужились.

Уснула Наташа около половины шестого, а в девять уже была на ногах. Спать не хотелось и сидеть в этой чужой квартире тоже не хотелось, ведь там, за окном, был чудесный, неповторимый, волшебный город, в который она приехала впервые в жизни и в котором ей так много хотелось посмотреть. Эрмитаж, Петродворец, Адмиралтейство, Казанский и Исаакиевский соборы, Летний сад, Петропавловская крепость, Русский музей, Александро-Невская лавра, кони Клодта на Аничковом мосту, место дуэли Пушкина на Черной речке... А вместо этого она вынуждена сидеть в четырех стенах, созерцая старинные картины и изящные статуэтки, оставшиеся от бабушки Сережи Вери Гуда, и ждать, когда он и ее подруга Инка очнутся после любовных утех.

Первый день в Ленинграде прошел бездарно. Сережа и Инка проснулись далеко за полдень, лениво слонялись по квартире, пили чай, Сережа кому-то звонил, с кем-то договаривался, постоянно повторяя девушкам:

– Сейчас один человечек придет, принесет диск (книгу, кассету, журнал, деньги), и пойдем.

«Человечек» приходил, приносил, потом Сережа снова куда-то звонил и снова просил подождать очередного визитера. Наташа безропотно ждала, не желая создавать напряжение и мешать личной жизни любимой подруги. Наконец они действительно вышли из дома, только было уже почти восемь вечера, и о посещении музеев можно было забыть. Наташа надеялась, что сможет увидеть хотя бы часть из того, о чем мечтала, ведь вечером и ночью совсем светло, но Сережа повел девушек сначала на улицу Марата, где они зашли в какую-то квартиру и отдали кому-то книгу, потом на улицу Жуковского, где в большой коммуналке на двенадцать семей жила Гремучка. У Гремучки они долго пили кофе с печеньем, после чего уже вчетвером отправились на Литейный проспект, зашли за членом «команды» по прозвищу Шеф и только потом двинулись в «Сайгон». Дальше повторилось все то же самое, что было накануне: крепкий кофе, общий треп, бесцельные прогулки по ночному городу с периодическими заходами к кому-то в гости.

Наташу охватила тоска. Она поняла, что они снова лягут лишь под утро, потом Инка с Сережей продряхнут до середины дня, потом будут лениво слоняться по квартире, потом начнут бродить из дома в дом. Разве для этого она сюда ехала?

– Инка, ты не обидишься, если я буду существовать по отдельному расписанию? – решительно спросила Наташа. – Только надо поговорить с твоим другом насчет того, когда я смогу приходить и уходить.

– Нет проблем. – Вери Гуд весело выхватил из кармана и подбросил в воздух связку ключей. – Держи. Приходи и уходи, когда захочешь. Бабкина комната в твоём распоряжении.

Сжимая заветные ключи в руке, Наташа радостно бросилась на Невский, в квартиру Вери Гуда, чтобы поскорей лечь спать и прямо с раннего утра начать жить по собственному графику. Проблему питания она решила, как ей казалось, довольно удачно. Рядом с домом, где жил Вери Гуд, напротив кинотеатра «Художественный» находилось молочное кафе, работавшее с восьми утра, где можно было поесть вкусно и дешево. В меню Наташа обнаружила нечто под названием «фруктовый суп», который на поверку оказался обыкновенным компотом из сухофруктов, в который добавили вареный рис. И вкусно, и питательно, и стоило сущие копейки. Еще там можно было съесть сосиски, оладьи, стакан сметаны с черным хлебом, творог. В этом кафе Наташа плотно завтракала и так же плотно ужинала, перебиваясь в течение дня газировкой, мороженым или булочками с изюмом.

На третий или четвертый день самостоятельного ознакомления с достопримечательностями города она добрела до Адмиралтейства и присела на лавочку, чтобы немного отдох-

нуть и вдоволь налюбоваться сверкающим на солнце шпилем. Упершись глазами в изящный кораблик на шпиле, она не заметила, как рядом с ней на скамейку упала чья-то тень.

– Наташа? – неуверенно произнес низкий мужской голос.

Она подняла глаза. Перед ней стоял высокий красивый юноша в военно-морской форме, черноволосый, темноглазый. Так похожий на Марика...

– Господи, Вадик!

Наташа радостно вскочила и схватила его за руки.

– Как ты меня узнал? Как ты здесь оказался? Неужели ты меня не забыл?

Вопросы сыпались из нее один за другим. Она все не могла поверить, что перед ней стоит тот самый Вадик, с которым она гуляла по вечерам в Сочи и который, будучи всего на год старше, учил ее тому, что мужчина должен помогать женщине, а женщина просто обязана принимать помощь мужчины, что это не только не стыдно, но, наоборот, правильно, потому что только такая расстановка сил делает мужчину мужчиной, а женщину – женщиной.

– Почему я не должен был тебя узнать? – басил Вадим. – Ты осталась точно такой же, как была, только стала старше и лучше. Почему я должен был тебя забыть? У меня с памятью все в порядке, склерозом я не страдаю. Как я здесь оказался? Я здесь учусь. Вот прямо в этом здании, в Адмиралтействе.

Оказалось, Вадим Воронов учится в Высшем военно-морском инженерном ордена В.И. Ленина училище имени Ф.Э. Дзержинского, на специальном факультете.

– И кем ты будешь, когда закончишь училище?

– «Какаду», – со смехом ответил Вадим.

– Какаду? – не поняла Наташа. – В смысле – птицей, попугайчиком?

– Это у нас так называют КаГЭДЭУ – командиров групп дистанционного управления. Чтобы тебе было понятно – они управляют ядерными реакторами на подводных лодках. А ты чем занимаешься? Учишься или работаешь?

– Учусь во ВГИКе, на сценарном отделении.

– Второй курс закончила?

– Первый.

– Почему? – удивился Вадим. – Ты же всего на год моложе меня, я третий курс закончил, значит, ты должна закончить второй. Не поступила с первого раза, что ли? Ты же такая умница.

– Так получилось. Не такая уж я умница.

– Неужели экзамены завалила? – не поверил Вадим. – Ты же отличницей была в школе, сама говорила, я помню. Обманывала небось?

– Да нет. – Наташа рассмеялась, с удивлением чувствуя, как легко и радостно ей с этим, в сущности, чужим парнем. – Просто дурака сваяла. Это на актерское можно поступать с бухты-барахты, приходиться на прослушивания, туры сдавать. Если у тебя есть талант – его увидят. А на сценарное нужно работы представить. Ты же не можешь прийти и сказать: здарсьте, я хочу быть сценаристом, только никто не знает, получится это у меня или нет, вы меня поучите пять лет, деньги потратьте, трудоустройте, а там посмотрим.

– Логично, – кивнул Вадим. – А что надо сказать?

– Надо сказать: здарсьте, вот мои работы, посмотрите, пожалуйста, и вынесите свое решение – есть смысл учить меня пять лет сценарному ремеслу или нет. Но об этом надо было еще в девятом-десятом классе думать, а я почему-то решила, что моего «пятерочного» аттестата вполне достаточно для допуска к экзаменам. Короче, после школы я еще год работала в райкоме комсомола, в культмассовом секторе, и писала повести и пьесы.

Со следующего дня у Вадима начинался отпуск, и он собирался уезжать домой в Мурманск, но после встречи с Наташей решил задержаться в Ленинграде, чтобы со знанием дела показать ей все, что, на его взгляд, стоило посмотреть. Несколько дней они провели, рас-

ставаясь только на несколько часов, чтобы поспать (привести Вадима в квартиру Вери Гуда Наташа не решалась, хотя была уверена, что Сережа возражать не станет). Наконец настал день отъезда, Наташу на вокзале провожал Вадим, а Инку – несколько человек из «команды» во главе с Вери Гудом.

Когда поезд тронулся, Инка выхватила у Наташи подаренный Вадимом букет цветов, уткнулась в него лицом и расплакалась.

– Ты чего, Инуля? – испугалась Наташа. – Ты же только что такая веселая была, хохотала так, что весь перрон на тебя оглядывался. Что случилось?

– Я два месяца ждала этой встречи... – захлебывалась слезами Инна. – Приехала к нему, трахалась с ним десять дней, а он притащил на вокзал всю эту кодлу, вместо того чтобы хоть попрощаться со мной наедине, хоть последние минуты вдвоем провести. Ну как так можно, я не понимаю! Может, он меня совсем не любит?

– Может, – спокойно согласилась Наташа. – Вполне может и не любить. А может, и любит, только не понимает, как надо себя вести. В любом случае это не повод убиваться.

– Тебе хорошо говорить, тебя Вадим один провожал и вон какой букет подарил, а Вери Гуд даже и не подумал цветы принести. Хоть бы одну ромашечку захудалую приволок, просто как знак внимания... У, ур-род! Ни за что больше к нему не приеду.

– А вот это ты зря, – покачала головой Наташа. – Ты просто неправильно оцениваешь ситуацию. Для тебя твой приезд в Питер и десять ночей, проведенных в постели Вери Гуда, это любовь со всеми вытекающими отсюда последствиями. А для него это совсем другое. Для Вери Гуда твоего секс – это способ дружеского общения. Есть желание – трахнемся, нет желания – так поспим, но на отношения это не влияет. Ты приехала общаться с «командой», ну, допустим, не со всей, а с ее отдельными членами, но именно общаться, то есть разговаривать, обмениваться мыслями и впечатлениями, гулять, болтаться, ходить по гостям. Если при всем этом наличествует секс – то и ради бога, это никого ни к чему не обязывает. Поэтому интимно прощаться с тобой наедине Сереже и в голову не пришло. Ты приехала к «команде» – тебя провожает «команда». И цветы в этой ситуации совершенно неуместны.

Инна медленно подняла лицо от пышных головок махровых белых гвоздик и недоуменно взглянула на подругу:

– Ты это серьезно? Ты действительно так думаешь?

– Конечно.

– То есть ты считаешь, что я ему ни капельки не нравлюсь?

– Да нравишься ты ему, нравишься, иначе он бы тебя в постель не поволок. Но это другой тип людей, Инуля, это люди, для которых сексуальный интерес – это не только не повод для женитьбы, но даже и не повод для знакомства. Ты пойми, они хотят выстроить свою жизнь непохожей на жизнь своих родителей, но в то же самое время они хотят сохранить все удобства этой жизни. Как бы тебе объяснить... Вот я, например, была совершенно очарована ребятами из «команды» в первый вечер, мне казалось, что это такая редкость среди сегодняшней молодежи – искренний интерес к глубокому философскому искусству, попытки что-то творить, что-то свое, оригинальное, особенное. Я же в комсомольской культмассовой работе крутилась и примерно представляю, что такое современная молодежь. А потом, когда я попала в дом к Сереже твоему, еще к кому-то, еще к кому-то... У меня словно глаза открылись.

– Да? И что ты увидела? – с подозрением спросила Инна.

– Я увидела, что эти ребята пытаются отрицать идеалы социализма и коммунизма, что они пытаются строить из себя скрытых антисоветчиков, но делать это в полную силу, открыто и громко, у них кишка тонка. Потому что у всех или почти у всех папы и мамы с положением и деньгами, и рисковать теми преимуществами, которые дают эти деньги, они не очень-то готовы. Вот Дима, например...

– Какой Дима?

– У него прозвище Шуллер. Такой блондин с веснушками.

– А, да, – рассеянно кивнула Инна. – И что там с Димой?

– Да ничего особенного. Власть критиковать он мастер, а чтобы откосить от армии, его папочка купил ему справку о психзаболевании. То есть трудности переносить он не хочет, тяготы ему не нужны, ему нужна папина теплая квартирка и папины возможности устроиться в жизни. Я по-другому скажу, чтобы понятнее было. Они хотят показать, что они особенные, но если бы у них было побольше душевных сил, они бы стали настоящими хиппи, отказались бы от материальных благ, ходили босиком, ездили автостопом и спали на голой земле в палатках. А они хотят и особенность свою отстоять, и благами цивилизации воспользоваться в полном объеме. Тогда в чем особенность? А в стиле отношений. В образе жизни. Днем спать – ночью гулять. Не иметь четкого плана на ближайшее время, как волна вынесет – так и ладно. С упоением обсуждать сложные и малопонятные произведения искусства, делая вид, что понимаешь всю их глубину. Не делать из секса проблемы, есть – хорошо, нет – тоже отлично. Твой Вери Гуд – чудесный парень, только не обманывай сама себя и не жди, что после десяти бурных ночей он станет твоим на всю оставшуюся жизнь. И не смей из-за этого расстраиваться, слышишь?

Наташа поцеловала подругу и вытерла своим платком слезы с ее лица. Ей было одновременно смешно и грустно, ведь Инка – такая разумная, такая рассудительная и мудрая, и вдруг так вляпаться! Осторожно забрав у Инны свой букет, она примирительно сказала:

– Я совершенно серьезно считаю, что Сережа Вери Гуд – очень приятный и славный парнишка, и буду искренне рада, если у вас все сложится. Но я не хочу, чтобы ты переживала, если он поведет себя не так, как ты от него ожидаешь. У него другая система отсчета, у него совсем другие правила поведения с девушками.

– Ты просто завидуешь, – внезапно вспыхнула Инна. – У нас с Сережей все так здорово, и тебе завидно.

– У нас с Вадимом тоже все здорово, – с улыбкой заметила Наташа. Она и не думала обижаться на подружку, ибо очень хорошо помнила свои страдания по Марику и те слова, которыми ее пыталась тогда утешить Инка. Эти слова тоже казались влюбленной Наташе обидными, хотя по прошествии времени она оглянулась на те многочасовые беседы с подругой и поняла, что Инна ни в коем случае не хотела обидеть ее, она лишь хотела смягчить душевную боль и использовала при этом присущее ей здравомыслие с легким налетом цинизма. Лекарство оказалось вполне действенным, и Наташа не видела ничего зазорного в том, чтобы обратить против Инки ее же оружие.

– Твой Вадим – сухарь, скучный вояка, у которого все по часам и минутам расписано. А Сережа – он такой... Он необыкновенный!

Инка снова собралась плакать, и на этот раз Наташа решила ей не мешать. Поднеся гвоздики к лицу и вдыхая их слабый, едва ощутимый аромат, она погрузилась в мысли о Вадиме. Действительно ли он скучный сухарь? Инке вполне могло так показаться, потому что она вся – полет, порыв, она жаждет острых ощущений и сильных впечатлений, она обожает неожиданные повороты и сломя голову бросается в авантюры. А Наташа любит порядок и стабильность, за те годы, в которые ей пришлось совмещать учебу, спорт и общественную работу, она привыкла следить за временем, беречь его, четко планировать свою жизнь на недели и месяцы вперед. И в этом смысле Вадим подходил ей как нельзя лучше. Он никогда не опаздывал, и Наташе ужасно нравилось, что он не говорил «вечерком, примерно в половине десятого», а только «в двадцать один тридцать». Он был спокойным и надежным; если они договаривались на следующий день сходить в Русский музей, а потом на речном трамвайчике прокатиться до Петродворца, то к их утренней встрече у Вадима был готов поминутный распорядок дня, составленный таким образом, чтобы все успеть. При этом он

умудрялся заранее узнать, в каких залах музея в данный момент экспонируются наиболее интересные работы, чтобы непременно их посмотреть, и какие именно залы Петродворца открыты, а какие закрыты на реставрацию, а также расписание движения катеров. Вадим рассказывал ей множество интересных вещей об истории и архитектуре города, и Наташа подозревала, что он каждый вечер готовился к следующему экскурсионному дню, читая по ночам книги и листая альбомы и путеводители. Она понимала, что делает это Вадим вовсе не для того, чтобы произвести на нее впечатление и показаться знающим, а исключительно из доброты: нищая студентка собрала деньги на эту поездку, впервые оказалась в Ленинграде, и нужно помочь ей увидеть и узнать как можно больше, чтобы с таким трудом собранные средства не оказались потраченными впустую. Нет, Вадим совсем не скучный и не сухарь, он добрый и великодушный, он такой ласковый и так замечательно целуется...

Из Ленинграда в Москву девушки тоже ехали дневным поездом в «сидячем» вагоне. Вадим сказал, что вечером непременно позвонит и узнает, как они добрались. И вот, вернувшись домой, Наташа стала ждать звонка. Телефон висел на стене в общем коридоре, ближе к входной двери, и ей все время казалось, что она не услышит звонка. Самой ближней к телефонному аппарату была комната Люси – бывшая комната Славы и Риты Брагиных, старшая сестра обычно первой брала трубку, да ей и звонили чаще, чем другим. Родители уже ложились спать, и Наташа опасалась, что, когда Вадим позвонит, Люся выскочит из своей комнаты и раздраженным голосом отчитает его за поздний звонок, а сама Наташа подбежать к телефону не успеет, потому что ей придется выбираться из комнаты в темноте и на цыпочках, чтобы не потревожить папу с мамой. Она заняла свой пост на кухне, в том самом уголке между столом и холодильником, и стала ждать...

Они поженились в семьдесят восьмом, когда Наташа закончила институт, а Вадим был уже старшим лейтенантом и командиром группы дистанционного управления. В восьмидесятом году родился их первенец, которого называли Сашенькой в честь Наташиного отца, в восемьдесят первом – Алешка, названный в честь отца Вадима. И им так хотелось девочку!

* * *

Вадим вернулся из плавания и сразу же прилетел в Москву – как раз на девять дней. Люся собиралась уезжать на следующий день, и эти сутки превратились для Наташи в серьезное испытание. Во-первых, Люся с такой откровенной злостью смотрела на мужа младшей сестры, что всем вокруг становилось неловко. Ее просто в бешенство приводил этот статный красавец, капитан третьего ранга, командир дивизиона движения подводной лодки, который так нежно и не скрываясь любил свою жену – «неудачницу и бездарность». А во-вторых, неизбежно наступал момент, когда Наташе придется отвечать на вопрос о рукописях. Люся непременно захочет прояснить ситуацию до своего отъезда, а Наташа так и не решила, в каком направлении построить разговор.

– Что тебя так мучает? – спросил Вадим поздно вечером, когда все разошлись по своим комнатам. – Я же вижу, это не из-за папы. Что-то другое. Из-за папы ты бы плакала, а ты терзаешься.

Наташа обняла мужа, покрепче вжалась лицом в его плечо.

– Ничего от тебя не скроешь, все-то ты видишь.

– Вот и не скрывай. Так что случилось?

Пришлось поведать ему эпопею с Люсиными литературными потугами.

– И что, это совсем плохо? – спросил Вадим, внимательно выслушав ее рассказ. – Совсем никуда не годится?

– Вадик, миленький, меня жизнь давно научила не выставлять оценок и не говорить «плохо» или «хорошо». Может быть, то, что она написала, безумно талантливо, даже гени-

ально. Но мне – понимаешь? лично мне – это не нравится. И я не хочу писать сценарии на основе этих бредней.

– Ну вот и отлично. – Вадим погладил ее по обнаженной спине, поцеловал в висок. – Так и скажи Людмиле Александровне.

Он упорно именовал сестру жены по имени-отчеству, демонстрируя пиетет перед ее возрастом, а на самом деле прикрывая этим глухую неприязнь, возникшую в нем в ответ на Люсину откровенную ненависть, которую та ухитрилась выставить на всеобщее обозрение еще до свадьбы.

– Но она будет считать, что я так говорю из зависти к ее таланту. Или скажет, что я полная идиотка и ничего не понимаю в настоящей литературе. Она уверена, что написала прекрасные вещи, а те, кто считает иначе, просто не в состоянии постичь их невероятную глубину. Вадик, что мне делать, а? Что мне ей сказать, чтобы она не обиделась? И чтобы при этом душой не покривить?

– Так, минуточку. – Вадим приподнялся на подушке, чтобы лучше видеть Наташино лицо. – Ты для начала четко поставь цель. Чего ты хочешь? Чтобы Людмила Александровна не обиделась, чтобы она не считала тебя идиоткой или чтобы ты смогла сохранить уважение к себе? Сначала надо определить цель, а потом разрабатывать стратегию ее достижения.

– А три цели нельзя поставить?

– Можно, если они совместимы. В данном же случае так не получается.

– Вадичек, а можно поставить задачу совместить эти три цели?

Вадим от души рассмеялся, прижал Наташу к себе, снова поцеловал.

– Умница. Жизнь с военным наложила на тебя свой отпечаток. Задачу поставить можно, только следует иметь в виду, что когда ты собираешься совмещать три противоречащие друг другу цели, то сначала ты должна продумать, до какой степени эти цели можно модифицировать, видоизменить, чтобы они не потеряли изначального смысла и одновременно приобрели способность совмещаться с другими целями.

– А попроще нельзя? – жалобно попросила Наташа.

– Можно попроще. Ты хочешь купить норковую шубу, потому что тебе зимой не в чем ходить. При этом денег у тебя не хватает, а брать в долг большие суммы ты не считаешь возможным. У тебя две цели – шуба и жизнь без долгов. Как эти цели совместить? Сначала модифицируешь цель под названием «шуба», прикидываешь, обязательно ли это должна быть норка, или можно что-то попроще, мех подешевле. Может быть, не длинная шуба, а короткая, это тоже путь к экономии. А может быть, вообще шуба должна быть не из натурального меха, а из искусственного. Только нельзя доводить цель «шуба» до масштабов «курточка из плащевки», потому что тогда потеряется изначальный смысл: та вещь, которую ты хочешь купить, должна греть в морозы. Это и есть допустимый предел модификации цели. Потом начинаешь точно так же работать со второй целью – «жизнь без долгов». Прикидываешь, сколько денег у тебя есть, думаешь, какие вещи можно отнести в комиссионный, подсчитываешь, сколько можно взять в долг с тем расчетом, чтобы отдать с первой же зарплаты. И таким образом, двигаясь постепенно, совмещаешь обе цели. Идея понятна?

– Понятна, Вадичек, – пробормотала Наташа сонным голосом. – Я буду думать. Давай спать, нам с утра еще на рынок ехать. И вообще, завтра день тяжелый.

Назавтра было воскресенье, в выехавшем на дачу детском саду – родительский день, и Наташа с Вадимом собирались навестить сыновей. Электричка уходила с Казанского вокзала в 9.32, но до этого нужно было успеть купить на рынке клубнику, черешню и персики – мальчишки их так любят! Домой следовало вернуться не позже четырех, чтобы успеть провозить на поезд Люсю.

К детям их не пустили – в садике объявлен карантин, у нескольких детишек пищевое отравление.

– Ну хоть ягоды передайте, – умоляла Наташа, – они их любят. Я их несколько раз в кипяченой воде промыла, на них ни одного микроба нет, я вам гарантирую.

– Да вы что, мамаша, – возмущенно зашипела на нее воспитательница. – Увозите свои ягоды, сами их ешьте. У нас карантин, я же вам ясно сказала.

– А вы не можете позвать наших мальчиков, а? Алеша Воронов из младшей группы и Саша Воронов из средней. Ну пожалуйста!

– Ничего не могу сделать, контакты с родителями запрещены, – твердо заявила мегера в белом халате. – Уезжайте домой. И не вздумайте через забор детей звать. Если увижу – детей накажу, так и знайте, за вашу безответственность ваши сыновья отвечать будут.

– Да почему же безответственность! Ну вы поймите, я – мать, а это мой муж, их отец, он моряк-подводник, служит на Севере, он почти год мальчиков не видел, мы соскучились по своим детям, нам бы хоть одним глазком на них посмотреть...

– Езжайте, мамаша, езжайте. У меня уже язык отсох с каждым объясняться, вон посмотрите, сколько родителей приехало – и никого не пускаем. Нельзя.

Действительно, рядом с воротами вдоль забора уныло слонялись женщины с набитыми гостинцами и игрушками сумками. Многие сидели на корточках, уткнувшись носами в щели между досками и высматривая своих чад на территории садика. Наташа с Вадимом тоже побродили, то становясь на цыпочки и заглядывая поверх забора, то опускаясь на колени и отыскивая щель пошире, но увидеть мальчиков им так и не удалось. Наташа ужасно расстроилась, потому что Вадим не смог повидаться с сыновьями. Ей все-таки легче, она в прошлое воскресенье к ним приезжала и в следующее приедет, и вообще они весь год рядом с ней, а муж не видел детей десять месяцев, в кои веки вырвался на три дня в Москву – и такая неудача!

– Как я их всех ненавижу! – в сердцах бросила Наташа, когда они шли по пыльной дороге к железнодорожной платформе. – Это садисты какие-то, которых специально придумали, чтобы мучить детей и их родителей.

– Ты не права, – спокойно возразил Вадим. – Карантин есть карантин. Родителей пускать нельзя и передачи брать тоже нельзя. Она права.

– Кто права? – взорвалась Наташа. – Эта выдра?! Эта мразь, которая с нами разговаривала, словно мы ей тысячу рублей должны?

– Успокойся. – Вадим обнял ее за плечи, прижал к себе. – Она действительно хамка и разговаривала с нами в непозволительном тоне. Но по существу она поступила правильно. Ей дали команду «не пущать» – она и не пускает. Она выполняет свой долг, отрабатывает свою зарплату. Что ты от нее хочешь? Чтобы она тебя пожалела, вошла в твое положение, а потом получила выговор?

– Я не понимаю, почему, если несколько детей съели что-то не то, остальным детям нельзя общаться с родителями! Я не понимаю, кто придумал это идиотское правило! И зачем его придумали! Нет, я понимаю, я все понимаю! Это специально сделали, чтобы мы все были зависимыми, чтобы нас можно было унижать по каждому поводу, чтобы мы чувствовали свою ничтожность и слабость и заискивали перед ними, взятки им давали, конфеты в коробках носили!

У нее началась истерика. Наташа рыдала, молотила кулаками в грудь Вадима, захлебывалась, выплескивая наружу все напряжение, скопившееся за долгие месяцы болезни отца. Его смерть, похороны, обиды на сестру, страх за явно слабеющую мать, постоянная тоска по живущему в другом городе мужу, хроническая тревога за неуправляемую Иринку – все выходило из нее со слезами, рыданиями и такими детскими беспомощными ударами, которых мускулистый Вадим, похоже, даже не чувствовал. Он дал жене выплакаться, не обращая внимания на прохожих, с любопытством поглядывающих в их сторону. Потом довел до платформы, усадил на скамейку и начал кормить темно-бордовой, почти черной сладкой

черешней. До ближайшей электрички было еще сорок минут, и, когда подошел поезд, оказалось, что Наташа, сама того не заметив, съела все предназначавшиеся сыновьям фрукты.

– Давай погуляем, – предложил Вадим, когда они приехали в Москву и вышли на Комсомольскую площадь.

Наташа посмотрела на часы. Они обещали вернуться к четырем, чтобы проводить Люсю, а сейчас только без четверти два. Действительно, лучше погулять, побыть вдвоем, чем сидеть дома и вымученно общаться с вечно недовольной сестрой. Они нырнули в метро, проехали две остановки от «Комсомольской» до «Кировской», вышли на Чистопрудный бульвар и медленно пошли вдоль Бульварного кольца в сторону Арбата. Народу вокруг было мало, летними воскресными днями Москва пустела – все разъезжались на дачи и садовые участки. Они шли, держась за руки, разговаривали, и постепенно Наташа стала чувствовать, как к ней возвращаются душевное равновесие, спокойствие и обычно присущая ей уверенность в своих силах, которые она вдруг потеряла там, за городом, после неудачной попытки увидеть своих детей. Вообще Вадим всегда так на нее действовал: что бы ни случилось, как только он оказывался рядом, все проблемы начинали казаться разрешимыми, а все расстройствa и обиды – пустячными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.